

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 1 (5)

**Издается с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2010**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

HISTORICAL STUDIES

№ 1 (5)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2010**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Рябов В.В.

(Председатель)

Геворкян Е.Н.

(Зам. председателя)

Атанасян С.Л.

Русецкая М.Н.

(Зам. председателя)

ректор ГОУ ВПО МГПУ,

доктор исторических наук, профессор

проректор по научной работе ГОУ ВПО МГПУ,

доктор экономических наук, профессор

проректор по учебной работе ГОУ ВПО МГПУ,

кандидат физико-математических наук, профессор

проректор по инновационной деятельности ГОУ ВПО МГПУ,

кандидат педагогических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В.

(Главный редактор)

Данилов А.А.

Кириллов В.В.

Корнилов В.А.

Карпачев С.П.

Леванов Б.В.

Митрофанов К.Г.

Михайловский Ф.А.

(Составитель)

Пашенцев Е.Н.

Ртищева Г.А.

Уколова В.И.

Хаванов Е.И.

доктор исторических наук, профессор

доктор исторических наук, профессор

кандидат исторических наук, профессор,

декан исторического факультета

кандидат исторических наук, профессор,

зав. кафедрой отечественной истории

доктор исторических наук, профессор

доктор исторических наук, профессор

кандидат исторических наук,

зав. кафедрой методики преподавания истории

доктор исторических наук, профессор

доктор исторических наук, профессор

кандидат исторических наук, доцент

доктор исторических наук, профессор

доктор исторических наук, профессор,

зав. кафедрой всеобщей истории

Адрес Научно-информационного издательского центра ГОУ ВПО МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: Vestnik@mgpu.ru

ISSN 2076-9105

© Московский городской педагогический университет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Революционные движения

Касаров Г.Г. Стачки рабочих Ревеля (июль 1914 – февраль 1917 гг.)..... 8

История Древней Руси

Чхаидзе В.Н. Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI веков 20

Экономическая история

Перечицкая С.Л. К вопросу о формировании купечества Дубовского посада..... 38

История России советского периода

Бравина М.А. Праздничная культура в контексте государственных преобразований советской власти 51

Древняя история

Куликова И.Б. К вопросу о местонахождении и значении Поля жертвоприношений в «Текстах пирамид» 60

Коптелов Б.В. Оппозиция императорской власти в восточных провинциях Римской империи (364–378 гг.)..... 72

История культуры

- Веденеева Н.В.* Изменение отношения к инвалидности в процессе исторического развития общества 81

Научная жизнь

- Базаркина Д.Ю., Полунина О.С.* Исторический факультет МГПУ на международных научных встречах в России и зарубежом 89
- В студенческом политклубе «Открытая трибуна» 94

Юбилей

- Серегин Н.С.* Славный жизненный путь: к 75-летию профессора Е.И. Хаванова 96
- Основные работы профессора Е.И. Хаванова 103

Критика. Рецензии. Библиография

- Труды преподавателей МГПУ 2008–2010 гг. 108

Аннотации и ключевые слова 120**Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки».**

- 2010, № 1 (5) 125

CONTENTS

Revolutionary Movements

Kasarov G.G. Strikes of workers of Revel (July 1914 – February 1917) 8

History of Ancient Rus

Chkhaidze V.N. Tmutarakan — Possession of the Old Russian State
in 80th of X century – 90th of XI century 20

Economic History

Perechitskaya S.L. On the problem of formation of the Dubovsky
mercantile-class 38

History of Russia of the Soviet Period

Bravina M.A. Festive Culture and Government Reorganization
of Soviet Power 51

Ancient History

Kulikova I.B. About Location and Significance of the Field of Offerings
According to the Pyramid Texts 60

Koptelov B.V. Opposition to the emperor's power in the Eastern
provinces of the Roman Empire (364 – 378) 72

History of Culture

- Vedeneeva N.V.* Change of Attitude to Invalids in Process
of Historical Development of Society 81

Scientific events

- Bazarkina D.Yu., Polunina O.S.* MCPU Historical faculty
at the international scientific meetings in Russia and abroad 89
- For the student political club «The Open Tribune» 94

Jubilee

- Seryogin N.S.* Glorious life path: The 75 th Birthday of Ye.I. Khavanov..... 96
- The list of the scientific works written by professor Ye.I. Khavanov..... 103

Critical Survey. Reviews. Bibliography

- New Theses by Professors of MCPU (2008–2010) 108

Annotations and Key-words 120

Authors of «Vestnik of MCPU», Series «Historical Studies», 2010, № 1 (5)..... 125

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Г.Г. Касаров

Стачки рабочих Ревеля (июль 1914 – февраль 1917 гг.)

В истории революционного движения в прибалтийских губерниях особое место занимают ревельские рабочие. Во-первых, Ревель был крупным промышленным центром, на заводах которого трудились в основном рабочие-металлисты, во-вторых, он находился недалеко от революционного Петрограда, связь с которым постоянно поддерживалась и, в-третьих, в Ревеле были крупные организации социалистических партий, которые организовывали и руководили многими выступлениями рабочих. Неслучайно, поэтому, ревельские рабочие принимали активное участие в забастовочном движении, как и все рабочие России. Следовательно, изучение стачечной борьбы рабочих Ревеля имеет большое научно-познавательное значение и особенно в наши дни.

Надо отметить, что истории революционного движения в Эстляндской губернии и в городе Ревеле не было уделено должного внимания в отечественной историографии. Так, в работе В. Вельмана ничего не сказано о стачечной борьбе ревельских рабочих [3: с. 90]. Отдельные сведения об этом содержатся в «Очерках истории Коммунистической партии Эстонии». Авторы «Очерков» отмечают политические стачки в январе 1916 г., забастовки рабочих в июне 1916 г., отдельные выступления рабочих в сентябре 1916 г. Уделено внимание забастовкам на заводах «Двигатель» и на судостроительном заводе Беккера. Вместе с тем авторы не сообщают о количестве бастовавших рабочих и требованиях, предъявляемых забастовщиками предпринимателям [5: с. 207, 215, 216, 225–226]. К сожалению, даже в капитальном исследовании по истории Таллина практически не раскрыта революционная борьба рабочих одного из крупных промышленных центров царской России [4: с. 90].

В годы Первой мировой войны произошли существенные изменения в промышленности города, что повлияло на состав пролетариата. В рядах рабочих произошли определенные сдвиги в возрастном, количественном, национальном и социальном разрезах. Многие революционно настроенные рабочие

были призваны в армию. На их место на заводы пришли люди из деревни, которые смутно представляли сущность классово-революционной борьбы. Произшедшие изменения в составе ревельских рабочих, военный психоз и национальные страсти, патриотические манифестации не могли не оказать влияния на трудящихся, на их отношение к стачечной борьбе [4: с. 90].

Это влияние оказали и первые успехи и крупные поражения российской армии. Поэтому уже в начале 1915 года ревельские рабочие стали принимать участие в стачках. Первые их выступления были связаны с победой русских войск на полях сражений, с взятием неприятельской крепости Перемышль в марте 1915 года. По этому случаю в городе была организована патриотическая манифестация. 10 марта с 13 до 18 часов провели патриотическую стачку рабочие на ряде промышленных предприятий. В ней участвовали 75 рабочих Северной бумажной и целлюлозной фабрики, 1 067 рабочих Вагоностроительного и механического завода «Двигатель», 714 рабочих Электромеханического завода «Вольта», 445 рабочих Судостроительного завода «Ноблесснер» и 2 620 рабочих Судостроительного Русско-Балтийского акционерного общества. Всего выступили 4921 человек [6: с. 46].

Следующая стачка была в Ревеле в июне 1915 года. В ней участвовали 28 рабочих, потребовавших увеличить заработную плату [6: с. 71]. А затем продолжились патриотические выступления ревельских рабочих. Так, 6 августа рабочие выступили против принятия на работу литейным мастером австрийского подданного Отокара Птачека на заводе «Вольта». Когда администрация завода им отказала, 7 августа 144 рабочих забастовали. Лишь к 19 августа конфликт был исчерпан, и рабочие вышли на работу (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1915. Д. 88, ч. 2. Л. 1,4; 24). В сентябре 1915 года на экономической почве на Ревельском судостроительном заводе бастовали 137 рабочих. Забастовщики добивались увеличения заработной платы [6: с. 98]. Кроме того, в Ревеле в сентябре 1915 года три часа бастовали 2970 рабочих Ревельского судостроительного завода Русско-Балтийского акционерного общества. Рабочие требовали от администрации обеспечить их предметами первой необходимости. Забастовщикам было обещано выполнить их требования [6: с. 102].

В октябре 1915 года бастовали 4,5 часа 550 рабочих Ревельского судостроительного и механического завода. Рабочие потребовали улучшить условия быта, в том числе выразили недовольство работой городского трамвая. Администрация согласилось с требованиями, предъявленными рабочими и удовлетворила их [8: с. 228].

Усиление революционного движения осенью 1915 – начале 1916 гг. было связано с поражением царской армии. Враг захватил территорию Польши, часть территории Белоруссии и Литвы. Проявилась неподготовленность России к мировой войне. Наряду с экономическим кризисом разразился политический, правительственный кризис [1; 7: с. 21, 96-101]. В этих условиях в стране усилилась волна стачечного движения. Забастовки охватили крупные промышленные центры России. По этому поводу Министр внутренних дел

А.Н. Хвостов писал в ноябре 1915 г., что «в настоящее время приобретает особое значение рабочее движение...», которое «примет более острый характер и не преминет вступить на путь открытой борьбы с правительством». Министр считал, что застрельщиками в рабочем движении в стране выступают «сознательные» рабочие элементы обеих столиц [2: с. 297–298].

Общенациональный кризис стал проявляться во всех регионах страны. Проявился он и в городах прибалтийских губерний, в частности, в промышленном Ревеле. По сведениям Министерства внутренних дел, недовольство правительством «возникло в среде ревельских рабочих, главным образом, под давлением прибывших туда из Петрограда рабочих Русско-Балтийского завода, около которых, как застрельщиков, группируются передовые рабочие остальных местных заводов». Для того, чтобы быть в курсе существующих веяний в среде петроградских рабочих, в столицу, по предложению находящихся в Ревеле рабочих Балтийского завода, был отправлен в Петроград в качестве делегата рабочих Кин. Он получил специальное задание «выяснить отношение петроградских рабочих к переживаемому моменту».

«Собрав по сему предмету справки как в социал-демократической фракции Государ. думы, так и среди видных столичных рабочих деятелей, Кин, по возвращению в Ревель, ознакомил с результатами своей поездки наиболее развитых местных рабочих. Под влиянием этого сообщения было постановлено согласовать дальнейшие выступления ревельских рабочих с выступлениями петроградских рабочих, дабы не давать правительству поводов применять к рабочим репрессивные меры. Сообразно такому постановлению, выборные от рабочих в Ревельском военно-промышленном комитете получают точно такие же инструкции, как и выборные в Петроградском комитете. Что же касается 3-х рабочих, избранных в Ревельский военно-промышл. Комитет от заводской администрации, то из числа их один уже отказался от участия в работах комитета под тем предлогом, что он не имеет соответственных полномочий от рабочих, остальных же двух выборных от заводоуправления рабочие решили бойкотировать, в тех целях, чтобы выборы таких делегатов впредь зависели исключительно только от рабочего населения» (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4Д. 1916. Д. 101, т. 1. Л. 128 об., 129-130).

Установление связей ревельских подпольщиков с петроградскими социал-демократическими организациями позволило им использовать в своей деятельности партийную литературу, листовки большевистских и меньшевистских деятелей в борьбе за рабочие массы. Особое внимание социал-демократы Ревеля уделили быстрому подъему антивоенного настроения, недовольству ростом дороговизны и ухудшением продовольственного положения. Это была почва для агитации и организации стачечной борьбы рабочих на промышленных предприятиях [4: с. 90-91].

В начале декабря 1915 г. в Ревеле возникли большие трудности с продуктами питания, практически отсутствовал хлеб. Эстляндский губернатор по этому случаю писал в Департамент полиции: «Если закупленная городским

управлением рожь не поступит из внутренних губерний, то через несколько дней городу Ревелю угрожает голодовка» (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4Д. 1915. Д. 88, ч. 2. Л. 10 об.).

Отсутствие хлеба в городе послужило поводом для забастовки около 1 000 рабочих на Ревельском судостроительном заводе акционерного общества «Беккер и К^о». Рабочие заявили решительный протест против отсутствия хлеба в заводской столовой и в лавке. После переговоров с администрацией завода и обещания последней обеспечить рабочих продуктами питания работы на заводе возобновились (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4Д. 1915. Д. 88, ч. 2. Л.10-10 об.).

9 января 1916 г. в память о событиях кровавого воскресенья 1905 г. забастовали 1300 рабочих Ревельского судостроительного завода Русско-Балтийского судостроительного и механического акционерного общества. После 1,5-часовой забастовки работы на заводе возобновились (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 2 об.-3).

12 января 1916 г. забастовали 643 рабочих Вагоностроительного и механического завода «Двигатель». Забастовщики потребовали увеличить заработную плату. Требования рабочих частично были удовлетворены (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 2 об.-3). 19 января вновь забастовали рабочие завода «Двигатель». В стачке участвовали 837 человек. Пробастовав 2,5 дня, рабочие вынуждены были возобновить работы. Их требование о повышении заработной платы было отклонено (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 2 об.-3).

Представители органов власти в Ревеле, получив сведения о начавшемся стачечном движении, решили упредить события. Так, комендант морской крепости Императора Петра Великого подготовил и подписал приказ о наказании рабочих-забастовщиков. В приказе говорилось: «рабочим и служащим ревельских заводов Химического акционерного общества «Рих Майер», Вагоностроительного акционерного общества «Двигатель», машиностроительного акционерного общества Фр. Круль и машиностроительного Ф. Виганд, как занятых выполнением работ для нужд государственной обороны, воспрещено самовольно оставлять работы под страхом предания суду по ст. 108 Уголовного положения за государственную измену» (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 5 об.-6).

18 февраля 105 рабочих Вагоностроительного и механического завода «Двигатель» забастовали, потребовав увеличить заработную плату. Стачка продолжалась 1, 5 часа. Рабочим было отказано (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 5 об.-6). 24 февраля бастовали 3,5 часа 250 рабочих Балтийской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры. Забастовщики протестовали против увольнения старшего подмастерья. Принять обратно уволенного рабочего администрация отказалась (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 8 об.-9). В марте 1916 г. в Ревеле было 7 забастовок, в которых участвовали 2184 рабочих. 10 марта 1 час бастовали 160 рабочих фабрики по механической обработке дерева акционерного общества А.М. Лютер. Забастовщики потребовали увеличить заработную плату. Дирекция частично удовлетворила требования рабочих (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 8 об.-9). 12 марта забастовали 30 рабочих спичечной фабрики

ки Ф. Гиндреуса. Рабочие поставили вопрос о повышении зарплаты. Однако им было отказано (РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 43. Л. 8 об.-9). С 15 по 17 марта бастовали 900 рабочих Ревельского судостроительного завода «Беккер и К^о», добиваясь увеличения заработной платы (РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 43. Л. 118). 21 марта 1916 г. 214 рабочих забастовали, отказавшись от сверхурочных работ на Ревельском судостроительном заводе «Беккер и К^о», 23 марта бастовали 31 рабочий, протестуя против сверхурочных работ на том же заводе. Одновременно рабочие потребовали увеличить зарплату (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 1. Л. 80 об.-81). 29 марта после обеда до 5 часов вечера бастовали 316 рабочих чугунно-литейного цеха и 33 рабочих столярного цеха Ревельского электротехнического завода «Вольта». Рабочие добивались увеличения заработной платы (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 1. Л. 80 об.-81; РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 8 об.-9). В этот же день на Ревельском судостроительном заводе акционерного общества «Беккер и К^о» 500 рабочих объявили политическую стачку, продолжавшуюся 2 часа. Они протестовали против высылки военными властями за пределы крепости ранее бастовавших рабочих (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 8 об.-9).

17 апреля 1916 г. в Ревеле состоялось собрание представителей от рабочих организаций местных фабрик и заводов, на котором обсуждались вопросы о текущем положении и о нуждах рабочих. На этом собрании было принято решение «выпустить и распространить к предстоящему дню 1 мая нелегальную литературу» (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 1, прод. Л. 13).

В апреле 1916 г. в Ревеле дважды бастовали рабочие Балтийской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры. 18 апреля забастовали 16 рабочих, потребовавших увеличить зарплату. Администрация фабрики повысила заработную плату рабочим (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 8 об.-9). 26–27 апреля произошла вторая забастовка на этой фабрике. В стачке участвовали 800 человек. Требование рабочих о повышении заработной платы было частично удовлетворено (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 8 об.-9).

В мае 1916 г. в Ревеле было две забастовки. 4 мая забастовали 321 рабочий турбо-механической мастерской Ревельского судостроительного завода «Беккер и К^о». Рабочие выразили протест против сверхурочных работ и потребовали увеличить заработную плату до 2 рублей в день. Заводская администрация согласилась увеличить зарплату (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 1. Л. 225 об.-226; РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 43. Л. 118). 9 мая произошла забастовка 12 чернорабочих на Вагоностроительном и механическом заводе «Двигатель». Рабочие потребовали увеличить заработную плату за сверхурочную работу на 25%. Дирекция удовлетворила требование рабочих (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 65).

4 июня 1916 г. на Вагоностроительном и механическом заводе «Двигатель» с 8 до 11 часов утра бастовали 41 плотник сборочной мастерской товарных вагонов. Плотники предъявили требование об увеличении заработной платы на 25 % за сборку вагона с тормозом и на 20 % — без тормоза. Дирекция заво-

да обещала пересмотреть расценки, после чего плотники приступили к работе. В тот же день на заводе «Двигатель» забастовали 11 мальчиков, подающих рабочим подогретые заклепки. Мальчики потребовали увеличить зарплату с 40–45 копеек до 90–100 копеек в день. Администрация отказалась удовлетворить требования мальчиков и пригрозила им увольнением, но затем прибавила по 5 копеек в день. Через 2 дня забастовщики приступили к работе (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 2. Л. 96 об.-97; РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 38. Л. 455-456; РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 43. Л. 270; РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 17 об.-18).

8 июня забастовали 800 рабочих Ревельского судостроительного завода «Ноблесснер». Стачечники потребовали увеличить заработную плату на 50%, а также обеспечить их сахаром (РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 38. Л. 458; РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 43. Л. 153; РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 17 об.-18). В тот же день 8 июня началась очередная забастовка на Вагоностроительном и механическом заводе «Двигатель». С 7 до 10 утра бастовали 170 кузнецов и молотобойцев. Забастовщики предъявили требование об увеличении зарплаты на 50%. Из-за стачки не могли работать 1315 человек. После переговоров решение вопроса было отложено на одну неделю (РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 38. Л. 457; РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 43. Л. 153; РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 17 об.-18).

15 июня на заводе «Двигатель» забастовали 217 кузнецов и молотобойцев, к которым в 2 часа 30 минут дня присоединились остальные рабочие завода в количестве 1334 человек. Рабочие потребовали от дирекции завода увеличить зарплату от 25 до 50% в зависимости от исполняемой работы. Уходя домой, в 5 часов вечера рабочие заявили, что 16 июня без прибавки 50% они к работам не приступят. 16 июня завод стоял. Бастовали все 1664 человека. Чтобы не уступать рабочим, администрация завода пошла на крайние меры. 18 июня распоряжением коменданта крепости завод «Двигатель» был закрыт и все рабочие уволены. И только 27 июня с 11 часов утра работы на заводе возобновились. В повышении заработной платы рабочим было отказано (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 2. Л. 96 об.-97; РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 38. Л. 502, 504, 505; РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 17 об.-18).

18 июня 1916 г. бастовали с 7,5 до 9 часов утра 200 рабочих снарядной мастерской Ревельского судостроительного завода Русско-Балтийского акционерного общества. Рабочие протестовали против невыплаты за май обещанной платы за штучную работу. Одновременно они потребовали увеличить зарплату мужчинам до 4-5 руб. и женщинам до 2 руб. в день. Администрация завода обещала рассмотреть заявление рабочих (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 2. Л. 96 об.-97; РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 38. Л. 555; РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 17 об.-18).

14 июля 1916 г. на Судостроительном заводе Русско-Балтийского акционерного общества во второй половине дня забастовали рабочие детонаторной и турбинной мастерской, к которым 15 июля примкнули рабочие инструментальной мастерской. В общей сложности из 6 465 рабочих бастовали 638 человек. Поводом к забастовке послужило грубое обращение с рабочими заведующего де-

тонаторной мастерской Деймонтовича. Рабочие турбинной и инструментальной мастерских забастовали из солидарности с рабочими детонаторной мастерской. Администрация обещала разобраться, но не исполнила своего обещания. Инженер не был уволен. Работы в мастерских начались 18 июля, часть рабочих была уволена и на их место набрали новых (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 2. Л. 189 об.-190; РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 43. Л. 3; РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 189 об.-190). 18 июля на Вагоностроительном и механическом заводе «Двигатель» забастовали 3 чернорабочих при погрузке чугуна в вагранку для литья, недовольных наложенным за прогул на двух рабочих штрафом по 75 коп. Они потребовали отменить штраф и одновременно потребовали повысить зарплату. 19 июля два чернорабочих были замены другими рабочими (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 2. Л. 189 об.-190).

1 августа 1916 г. бастовали 19 рабочих Балтийской фабрики бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры, недовольные переводом в другое помещение. Дирекция отказалась вернуть рабочих на прежнее место работы (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 3 об.-4).

9 августа забастовали 304 рабочих литейного цеха Электромеханического завода акционерного общества «Вольта». Рабочие потребовали увеличить зарплату на 50%. Администрация отказалась выполнить требование рабочих. 10 августа на работу вышли 95 человек, а 209 продолжали бастовать. Среди забастовщиков было 129 военнообязанных, а остальные невоеннообязанные и женщины. Директор завода решил расправиться с забастовщиками. По его указанию был составлен список наиболее активных участников забастовки и представлен коменданту морской крепости Императора Петра Великого вице-адмиралу Герасимову. Последний подписал приказ, в котором говорилось: «Предписав за нарушение моего обязательного постановления о воспрещении самовольного оставления работ взыскать в административном порядке заключением в тюрьме на две недели нижеследующих рабочих акционерного общества «Вольта» Б.И. Леукман, К.М. Пукис, А.К. Бернгард, К.Р. Вольман, А.В. Раадик, А.И. Лехтер, А.Ю. Леппик, И.К. Варес, Т.У. Загер, И.А. Бабинкова, Я.Я. Гольдберг, И.М. Петрова, И.Ю. Лубби, В.Ю. Руммель, Ю.А. Сахк, А.Я. Койт, О.А. Лехтметс, Ф.П. Кунгур, Ю.Я. Илау, О.Я. Вахер, К.Я. Штрауса, после чего военнообязанных передать воинскому начальству для призыва на службу, а остальным воспретить пребывание в крепостном районе». В следующем приказе по поводу бастовавших рабочих Ф.М. Тоом и А.Ю. Пусильд говорилось, что «за самовольное оставление крепостных работ предписываю возвратить через полицию по этапу, подвергнуть в административном порядке денежному штрафу в размере 15 руб. каждого, с заменой в случае неуплаты арестом в тюрьме на две недели и после отбытия наказания выдворить обеих на работы» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 115. Л. 132 об.-135; РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 23 об.-24; РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Л. 31). Стачка на заводе «Вольта» продолжалась 7 дней. За участие в ней 209 человек были уволены, 21 были арестованы на две недели, двое оштрафованы по 15 руб. каждый

и военнообязанные были отправлены в армию. Администрация завода отказалась удовлетворить требования рабочих (ГАРФ. Ф. 102. ДП Д. 1916. Д. 101, т. 2. Л. 287 об.-288; ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 1. Л. 258).

2 сентября 1916 года на Ревельском судостроительном заводе Северо-Западного акционерного общества (бывший «Беккер») забастовали из 3 067 рабочих 1458 человек. Забастовщики выдвинули экономические требования (РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 43. Л.4). 9 сентября снова началась забастовка на том же предприятии. В ней участвовали 946 рабочих судостроительной мастерской, 231 рабочий плотнично-столярной мастерской и 281 рабочий железо-котельной мастерской. Всего бастовали 1 458 человек. Рабочие потребовали ускорить обещанную прибавку. После удовлетворения их требования 12 сентября с 10 часов утра работы на заводе возобновились (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 3. Л. 91 об.-92; ГАРФ МЮ. Ф. 124. 1916. Оп. 54. Д. 160. Л. 1, 3; РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 26 об.-27; РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 377. Л. 48). 13 сентября забастовали 657 рабочих ночной смены и 14 сентября 175 рабочих дневной смены фабрики Балтийской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры. Рабочие высказали свое недовольство заработной платой и потребовали увеличить ее. После переговоров дирекция повысила зарплату на 15 копеек за каждый сделанный кусок ткани и 25% добавила к уже получаемой 50% добавке к жалованью. Работы на фабрике возобновились в 11 часов утра 14 сентября (РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 115. Л. 331 об.-332; РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 26 об.-27).

В конце сентября 1916 года дважды бастовали рабочие Ревельского судостроительного завода Северо-Западного акционерного общества. Так, 27 сентября три часа бастовали 979 рабочих судостроительной мастерской. Рабочие предъявили требования: увеличить заработную плату, улучшить условия работы и открыть вечерние технические курсы для рабочих. Администрация удовлетворила эти требования рабочих (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 3. Л. 91 об.-92; РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 43. Л. 4; РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 26 об.-27). На том же заводе 29 сентября забастовали 277 рабочих, потребовавших удалить 2 сборщиков за то, что они доносили начальству на своих товарищей. Стачка продолжалась полдня. Администрация отказалась увольнять сборщиков (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 3. Л. 91 об.-92; РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 43. Л. 5).

С конца 1916 г. стачечная борьба ревельских рабочих стала принимать напряженный политический характер. Они, как и рабочие всей России, систематически поднимались на борьбу с отечественной буржуазией, получающей огромные прибыли от эксплуатации пролетариата, на борьбу с царской властью за победу революции. Рабочие использовали малейший повод, чтобы открыто выступать против произвола предпринимателей. Так, 1 декабря 1 000 рабочих (из 7300) Ревельского судостроительного завода Русско-Балтийского акционерного общества забастовали по случаю невыплаты в срок зарплаты. Пробастовав 2 часа, рабочие приступили к работе. Зарплата была выдана рабочим 3 декабря (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 4. Л. 16 об.-17; РГИА. Ф. 23.

Оп. 16. Д. 199. Л. 31 об.-32). 8 декабря после обеда забастовали около 550 рабочих Ревельского судостроительного завода акционерного общества «Ноблесснер». Забастовщики потребовали улучшить порядок раздачи хлеба, прекратить штрафовать рабочих и увеличить зарплату (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 4. Л. 16 об.-17; РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 118. Л. 8 об.-9, 35). С 9 по 12 декабря бастовали 60 рабочих сухого дока в порту Императора Петра Великого. Рабочие протестовали против лишения их обеденного перерыва (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 4. Л. 16 об.-17). 12 декабря 3,5 часа бастовали 105 рабочих железнодорожного отделения машиностроительного завода акционерного общества Фр. Круль. Рабочие потребовали вовремя выдавать аванс и увеличить зарплату на 100%. Администрация предложила увеличить зарплату на 50%. Рабочие согласились и вышли на работу (РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 118. Л. 17 об.; РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 31 об.-32). 13 декабря с 7 часов утра до обеда бастовали 64 рабочих-маляров на Вагоностроительном заводе акционерного общества «Двигатель». Рабочие просили увеличить заработную плату. Частично их требование было удовлетворено (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1916. Д. 101, т. 4. Л. 16 об.-17; РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 118. Л. 18 об.-19; РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 199. Л. 31 об.-32).

В январе 1917 года в Ревеле бастовали рабочие ряда крупных промышленных предприятий. 3 января забастовали 27 рабочих нагревальщиков заклепок на Ревельском судостроительном заводе акционерного общества «Ноблесснер». Рабочие потребовали увеличить оплату их труда, но дирекция завода им отказала. Нагревальщики были заменены подручными рабочими. 5 января работы возобновились на прежних условиях (РГИА. Ф. 23. Оп. 29. Д. 85. Л. 27, 27 об.-28).

9 января 1917 г. в 10 часов утра 63 рабочих турбо-механической мастерской и 44 рабочих сборочно-установочной мастерской (всего 107 человек) Ревельского судостроительного завода Северо-Западного акционерного общества забастовали в память событий 9 января 1905 г. После обеда была сделана попытка организовать забастовку рабочими железо-котельной и судостроительной мастерских. Но после уговоров начальства они приступили к работам (РГИА. Ф. 23. Оп. 29. Д. 85. Л. 19-19 об., 27 об.-28). 13–14 января после обеда бастовали 830 рабочих судостроительной мастерской Ревельского судостроительного завода Северо-Западного общества. В этот и на следующий день к ним присоединились рабочие ряда мастерских. В общей сложности из 2987 рабочих бастовали 1599 человек. Рабочие требовали увеличить зарплату на 30%, уволить конторщика, берущего с рабочих взятки, рабочие медно-литейной мастерской потребовали сократить рабочий день на 1 час. Администрация частично удовлетворила требования рабочих. Основная масса рабочих 13 января приступила к работам. Рабочие медно-литейной и железо-котельной мастерских в количестве 1420 человек бастовали 14 января, добиваясь удовлетворения своих требований (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1917. Д. 88, ч. 2. Л. 7, 8; РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 219. Л. 150-150 об.-153; РГИА. Ф. 23. Оп. 29. Д. 85. Л. 22, 26, 27 об.-28; РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 38. Л. 170).

16 января началась одна из самых крупных стачек – стачка рабочих Ревельского судостроительного завода Русско-Балтийского акционерного общества. В 9 часов утра 209 рабочих кузнечной мастерской потребовали сохранить 100% оплату их труда из-за того, что в результате низкого качества кокса и материалов произошло понижение производительности труда. После переговоров с администрацией завода, согласившейся с доводами забастовщиков, работы в 10 часов утра возобновились (ГАРФ МЮ. Ф. 124. 1917. Оп. 55. Д. 61. Л. 3-3 об.; РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 219. Л. 173, 174, 176, 177; РГИА. Ф. 23. Оп. 29. Д. 85. Л. 24, 28). На следующий день 17 января в 9 часов утра забастовали 891 рабочий большой судостроительной мастерской, требовавшие чтобы дирекция увеличила заработную плату от 15 до 5% и гарантировала сохранение 100% оплаты их труда, а также выдала им рукавицы. Переговоры рабочих с администрацией к положительным результатам не привели. Рабочие настаивали на немедленном удовлетворении их требований. С утра 18 января забастовка стала нарастать. К бастующим рабочим присоединились большинство мастерских завода. В этот день из 7 164 рабочих бастовали 3 849. 19 января с утра в забастовке участвовали 6 497 человек и 20 января 6 669 человек. Дирекция завода пошла на крайние меры. 23 января было объявлено о выселении рабочих и их семей из заводских квартир, около 100 человек были уволены и в принудительном порядке направлены на работы в военную крепость. 24 января работы на заводе возобновились. Администрация частично выполнила требования рабочих. Была повышена и заработная плата (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1917. Д. 88, ч. 2. Л. 4).

19 января 1917 г. в 11 часов утра забастовали 200 рабочих мебельного отделения фабрики Акционерного общества для механической обработки дерева А.М. Лютера. Забастовщики потребовали увеличения зарплаты на 100%, окончания рабочего дня в субботу в 19 часов 30 минут, но при этом суббота должна было оплачиваться как 10-часовой рабочий день, и потребовали ввести на фабрике институт рабочих старост. Рабочие объясняли свои требования тем, что за время войны на все жизненные припасы цены поднялись более чем на 100%, что на получаемое ими вознаграждение существовать невозможно (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1917. Д. 88, ч. 2. Л. 5). 26 января рабочим была сделана военная прибавка в размере 80%, поденная плата для мужчин увеличена с 1 руб. 70 коп. до 2 руб., женщинам с 70 коп. до 1 руб. В остальном было отказано (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1917. Д. 88, ч. 2. Л. 8; РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 377. Л. 27 об.-28).

С утра 20 января забастовали 245 рабочих Ревельского судостроительного завода Северо-Западного акционерного общества. Рабочие потребовали увеличить зарплату. Забастовка продолжалась два дня. Администрация объявила рабочим, что с 1 февраля всем будет выплачиваться военное пособие. Это успокоило рабочий коллектив, и они приступили 23 января к работе (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1917. Д. 88, ч. 2. Л. 1, 2; РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 219. Л. 179, 188; РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 117. Л. 96; РГИА. Ф. 23. Оп. 29. Д. 85. Л. 26 а, 27 об.-28). 21 января в Ревеле забастовали 1000 рабочих Судостроительного

завода «Ноблесснер» (Новая фирма – «Петровская верфь»). Стачка продолжалась два с половиной дня. Рабочие потребовали увеличить зарплату с 20 до 40 копеек в день, мастерам вежливо обращаться с рабочими, устроить вентиляцию, чистить помещения, в том числе туалетную комнату, не высылать забастовщиков в отдаленные губернии России и удалить полицию с завода. Администрация фирмы пошла навстречу рабочим, увеличив зарплату на 120%. В остальном было отказано. Работы на заводе возобновились с 13 часов 24 января 1917 года (РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 377. Л. 92).

21 января 1917 года старший фабричный инспектор Эстляндской губернии писал в Министерство торговли и промышленности, что «забастовочное движение на ревельских заводах постоянно растет», что под влиянием постоянно бастующих рабочих завода Северо-Западного акционерного общества возникают стачки на других заводах, например, на заводе «Петровская верфь», что, по мнению представителей заводов, в значительной степени на требования ревельских рабочих оказывала влияние непомерно возросшая оплата труда на многих петроградских заводах. Старший фабричный инспектор сообщил, что 20 января на заседании Особого заводского совещания ревельского района под влиянием возрастающего стачечного движения представители трех судостроительных заводов приняли решение о повышении военного пособия по случаю дороговизны в зависимости от семейного положения с 1 копейки до 5 копеек за 1 рабочий час (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1917. Д. 88, ч. 2. Л. 6, 6 об.; РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 740. Л. 170).

23 января на электро-механическом заводе «Вольта» бастовали рабочие механического и монтажного отделений, потребовавшие увеличить зарплату. Администрация обещала рассмотреть требования забастовщиков и ответить. После обеда работы на заводе возобновились (РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 219. Л. 273, 333; РГИА. Ф. 23. Оп. 29. Д. 85. Л. 45 об.-47).

14 февраля 1917 года после обеда на Ревельском вагоностроительном заводе «Двигатель» забастовали 68 столяров, потребовавших увеличить зарплату на 20 копеек в день и увеличить количество чернорабочих для подвозки материалов. Рабочим обещали расценки пересмотреть и количество чернорабочих увеличить. На следующий день с утра работа столяров возобновилась (РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 219. Л. 228 об.-229). 15 февраля на том же заводе после обеда бастовали с 12 часов 30 минут до 15 часов 135 слесарей. Они потребовали, чтобы администрация увеличила им поденную плату на 20%. Слесарям обещали, что расценки будут пересмотрены (РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 219. Л. 335).

16 февраля в течение 4 часов 45 минут бастовали 320 рабочих на заводе Ф. Крулля. Причиной забастовки стало отсутствие хлеба. После переговоров и обеспечения рабочих хлебом работы на заводе возобновились. Наконец, 23 февраля 1917 г. на Ревельском судостроительном заводе Северо-Западного акционерного общества забастовали 785 человек. Причиной стачки также было отсутствие хлеба. Забастовка продолжалась 5 часов. После подвоза хлеба работы на заводе возобновились (РГИА. Ф. 23. Оп. 29. Д. 85. Л. 45 об.,47).

Таким образом, ревельские рабочие внесли заметный вклад в революционное движение российского пролетариата. В условиях Первой мировой войны они организовали не менее 60 стачек, в которых приняли участие 38 104 рабочих. В 1915 году рабочие города провели 11 стачек, в которых участвовали 9 750 рабочих; в 1916 году в Ревеле было 36 забастовок, в которых приняли участие 17 001 рабочих и в январе-феврале 1917 года в Ревеле было 13 стачек с 11 353 забастовщиками. Стаечная борьба сплачивала пролетарские массы, дисциплинировала их, готовила к будущим выступлениям за победу революции в России.

Литература

1. *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения / А.Я. Аврех. – М.: Наука, 1989. – 255 с.
2. *Балабанов М.* От 1905 к 1917 году: Массовое рабочее движение / М. Балабанов. – М.; Л.: Государственное издательство, 1927. – 456 с.
3. *Вельман В.* Краткий очерк эстонского рабочего движения (1902–1922) / В. Вельман // Пролетарская революция. – 1923. – № 12. – М.; Пг. – С. 86–94.
4. История Таллина: с начала 60-х годов XIX столетия до 1970 года. – Таллин: Ээсти раамат, 1972. – 467 с.
5. Очерки истории Коммунистической партии Эстонии. – Ч. 1. – Таллин: Эстонское государственное издательство, 1961. – 408 с.
6. Рабочее движение в годы войны. – М.: Вопросы труда, 1925. – 364 с.
7. *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны / А.Л. Сидоров. – М.: Наука, 1973. – 456 с.
8. Стаечное движение рабочих России в годы Первой мировой войны: Материалы официальной статистики за август 1914 – январь 1917 гг. – М.: Изд-во Института истории СССР АН СССР, 1986. – С. 143–268.

Literatura

1. *Avrex A. Ya.* Carizm nakanune sverzheniya / A.Ya. Avrex. – M.: Nauka, 1989. – 255 s.
2. *Balabanov M.* Ot 1905 k 1917 godu: Massovoe rabochee dvizhenie / M. Balabanov. – M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1927. – 456 s.
3. *Vel'man V.* Kratkij ocherk e'stonskogo rabocheho dvizheniya (1902–1922) / V. Vel'man // Proletarskaya revolyuciya. – 1923. – № 12. – M.; Pg. – S. 86–94.
4. *Istoriya Tallina: s nachala 60-x godov XIX stoletiya do 1970 goda.* – Tallin: E'e'sti raamat, 1972. – 467 s.
5. *Ocherki istorii Kommunisticheskoj partii E'stonii.* – Ch. 1. – Tallin: E'stonskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1961. – 408 s.
6. *Rabochee dvizhenie v gody' vojny'.* – M.: Voprosy' truda, 1925. – 364 s.
7. *Sidorov A. L.* E'konomicheskoe polozhenie Rossii v gody' Pervoj mirovoj vojny' / A.L. Sidorov. – M.: Nauka, 1973. – 456 s.
8. *Stachechnoe dvizhenie rabochix Rossii v gody' Pervoj mirovoj vojny': Materialy oficial'noj statistiki za avgust 1914 – yanvar' 1917 gg.* – M.: Izd-vo Instituta istorii SSSR AN SSSR, 1986. – S. 143–268.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В.Н. Чхаидзе

Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI веков

История Тмутаракани — города в Северном Причерноморье, в 80-е гг. X – 90-е гг. XI веков входившего в состав Древнерусского государства и сыгравшего значительную роль в историческом развитии Древней Руси и Северо-Кавказского региона, неизменно привлекает различных исследователей, затрагивающих в своих изысканиях разнообразные аспекты средневековой истории. Количество работ, посвященных Тмутаракани за более чем двухвековой период ее изучения, насчитывает более двухсот статей и около десяти монографий. При этом важно отметить, что вся совокупность сведений письменных источников о городе в указанный временной период достаточно ограничена — это ряд сообщений в «Повести временных лет», а также Киево-Печерском патерике, «Житии Феодосия Печерского» и «Слове о полку Игореве». В небольшой степени привлекаются данные эпиграфики, нумизматики, сфрагистики и, конечно, археологии, информационные возможности этих источников раскрыты незначительно. Как итог — в исторической науке сложилась достаточно устойчивая концепция прошлого Тмутаракани как русского княжества со славянским населением, политическое и религиозное влияние которого простиралось от Восточного Крыма и предгорий Кавказа на Византию и непосредственно Древнерусское государство. Данные положения отражены в академическом издании «История народов Северного Кавказа» [12: с. 148] и в трудах абсолютного большинства исследователей, среди которых выделим Е.П. Алексееву [1], В.А. Захарова [10], а также А.В. Гадло [7].

Цель настоящей работы — представить несколько иную концепцию истории Тмутаракани, уже апробированную автором и по многим пунктам перекликающуюся с положениями ряда исследователей [13; 15]. В предыдущих работах нами была подробно рассмотрена история изучения Тмутаракани на протяжении XX века [39: с. 139–174], а также подвергнута критике [40: с. 165–170] идея «русской» Тмутаракани, изложенная А.В. Гадло в его

итоговой монографии [7]. Основными постулатами этой концепции выступают основанные на большом количестве логических построений, а также рассмотрении в качестве аналогий Херсонеса и Дербента (!) выводы исследователя о существовании в Тмутаракани выборной власти, в частности — автократичной территориальной (городской) общины-государства, а также о полном светском и духовном главенстве русского князя [7: с. 248–266].

Идеи А.В. Гадло практически до абсурда были доведены С.А. Цыганковым, который без каких бы то ни было оснований, проведя параллель уже с Новгородской и Псковской «республиками», превратил Тмутаракань в центр русской волости, где помимо князя, располагался совет старейшин и даже народное собрание – вече. Неудивителен вывод автора: по политическому устройству Тмутаракань ничем не отличалась от остальных городов Киевской Руси [37: с. 117–119, 122].

Излишне говорить, что подобные зыбкие утверждения бесконечно далеки от действительной проблемы политического статуса Тмутаракани; проблемы, которая может быть решена только с опорой на существующие исторические источники. При этом гипотезы А.В. Гадло, не всегда подкрепленные источниками и являющиеся остроумными, но шаткими предположениями, приняты многими исследователями в качестве непреложных истин [10: с. 65; 15: 114–115]. Примером того, что слабо аргументированные построения продолжают довлеть над умами, служит недавнее изложение политической истории Тмутаракани [11], показавшее тупиковость общепринятой концепции «русской» Тмутаракани вследствие некритического обращения с источниками. Назовем и исследование, посвященное монетному делу города [2], демонстрирующее новаторские подходы, но не лишенное явных историографических ошибок из-за заведомо ложно истолкованных фактов, которые превращены в схему, перекочевавшую в посвященные этой проблематике разработки.

Перед тем как перейти к изложению нашего видения истории Тмутаракани, следует остановиться на четырех основных вопросах, ответы на которые, как нам представляется, можно дать уже сейчас. Была ли Тмутаракань княжеством и насколько существенной являлась ее зависимость от Киевского государства? Каковы были территориальные размеры Тмутаракани? Являлась ли Тмутаракань русской по составу населения? Каковы духовные аспекты жизни Тмутаракани?

Точку зрения, согласно которой Тмутаракань не входила в число русских княжеств, впервые высказал Н.Ф. Котляр, по мнению которого близлежащие территории не были «окняженными» и на них «не распространялась ни княжеская администрация, ни система сбора дани, ни княжеский суд» [14: с. 193–194; 15: с. 110]. Действительно, сведения, которые предоставляют источники в отношении внутреннего устройства Тмутаракани, не позволяют проводить параллели между Тмутараканью и Киевским, Черниговским и прочими княжествами. Более того, ни в одном источнике Тмутаракань княжеством или волостью не называется, это либо «град», либо «остров»! В древнерусских памятниках Тмутаракань не выступает в значении политонима – государственно-территориального образо-

вания, скорее это понятие историко-географическое [13: с. 121]. Уже в силу этого, учитывая, что Тмутаракань представляла для Киевской Руси главным образом экономический интерес, можно утверждать, что русские князья, пребывавшие в городе, выполняли функции посадников и главной их задачей было сохранение контроля Киева над одним из важнейших торговых путей, ключевым центром которого и являлась Тмутаракань — *«русский центр власти в иноязычной иноплеменной среде»* [15: с. 108–111; 13: с. 122]. Князья именно назначаются в Тмутаракань из Киева или Чернигова. При этом ряд русских князей, которые во время династической междоусобицы утверждаются в городе самостоятельно, не признаются легитимными правителями в метрополии — Киеве или Чернигове. Именно такое положение русских князей (титул тут употребляется только как показатель принадлежности к роду Рюриковичей), выступающих лишь в качестве наместников (посадников) в Тмутаракани, а также князей-изгоев, заставляет их использовать город как плацдарм для сбора сил и выдвижения на Русь в целях борьбы *«за “отчины” и княжеский статус»* [13: с. 115; 15: с. 122].

У нас нет данных, позволяющих говорить о специфике статуса русской власти в Тмутаракани, о наличии каких бы то ни было — одной или двух — партий в городе, или же о том, что русские князья могли рассматривать Тмутаракань как свою «отчину» [7: с. 248–266; 283–284; 15: с. 114] — подобные умозаключения, по меньшей мере, гипотетичны. Наоборот, можно полагать, что население Тмутаракани, по крайней мере, два раза выступало на стороне центральной власти в русской метрополии, о чем пространнее будет сказано ниже.

Таким образом, прочно укрепившееся в сознании исследователей представление о Тмутаракани как о русском княжестве должно рассматриваться лишь с известными оговорками [33: с. 255; 13: с. 120–121].

Обращаясь к вопросу об «окняженной» территории, важно отметить, что территория Тмутаракани была ограничена естественными пределами острова, на котором и располагался город, так как в древности Таманский полуостров состоял из пяти–шести (количество менялось) дельтовых островов Кубани, разделенных лиманами и протоками — в Киево-Печерском патерике и «Житии Феодосия Печерского» как раз говорится о «тмутараканском острове».

В историографии традиционно считается, что «Тмутараканское княжество» включало в себя территорию от Восточного Крыма вплоть до предгорий Кавказа. Причем в отношении Восточного Крыма источники хранят полное молчание. Косвенными аргументами принадлежности этой территории Тмутаракани выступают: факт измерения князем Глебом в 1068 г. *«моря по леду от Тьмутароканя до Корчева»*, зафиксированный на знаменитом Тмутараканском камне [20], а также находки в Керчи ряда монет и печатей, связываемых с пребыванием в Тмутаракани русских князей и посадников [48: Табл. 67.1-2; 49: №№ 28а, 29-2; 50: № 29-3; 2: с. 23, 39, 69].

Вероятнее всего, Корчев — ромейский Боспор, на протяжении всего существования Тмутаракани оставался под управлением Византии. Обнаруженные в Керчи монеты и печати, конечно, не могут выступить в ка-

честве аргумента, они служат показателем товарно-денежных отношений между Тмутараканью и провинциальным византийским городом. Изменение Керченского пролива князем Глебом, вопреки расхожему мнению, согласно которому князь устанавливал расстояние между двумя частями своего княжества, может означать символическое определение расстояния между Европой и Азией [31: с. 18]. При этом к середине XI века Византия значительно упрочила свои позиции в Восточном Крыму, о чем свидетельствуют строительная надпись «стратига Херсона и Сугдеи» Льва Аталиата, а также находка моливдовула Аркадия, протоспафария и стратига Боспора [13: с. 123].

Версия о расширении территории Тмутаракани на восток связывается с походом князя Мстислава Владимировича в 1022 г. на касогов. После победы русского князя над Редедей, названного летописцем «*князем касожским*», на касогов была возложена дань. В историографии тезис о взимании дани с населения Нижнего Прикубанья на протяжении всего XI века стал традиционным [7: с. 259]. Между тем, летопись упоминает о выплате дани только в 1022 и 1066 гг., нигде не оговаривается, какова была территория, с которой взималась дань, насколько регулярной была ее выплата и до какого времени она производилась. Более того, ни письменные, ни археологические свидетельства не позволяют говорить о подчинении какой-либо части населения Северо-Западного Кавказа Тмутаракани [29: с. 198–206]. Видимо, в двух летописных свидетельствах речь идет не о взимании дани со всех касогов [7: с. 258], а о кратковременном подчинении правителями Тмутаракани отдельных касожских кланов [15: с. 111].

Таким образом, можно прийти к выводу, что непосредственная территория Тмутаракани не выходила за границы современного Таманского полуострова, который также носил название Тмутаракань. Нет никаких оснований называть территории Северо-Западного Предкавказья и Южного Приазовья районом «Тмутараканского княжества» [1: с. 54–55; 7: с. 244–246]. Отмеченное здесь славянское присутствие с конца X – начала XI веков может свидетельствовать не столько о вхождении этих территорий в состав Тмутаракани, сколько о культурном влиянии Древней Руси.

Обращаясь к важнейшей проблеме изучения Тмутаракани — вопросу, был ли город русским по составу населения и возможно ли вообще говорить о «русской» Тмутаракани, уже сейчас следует отказаться от утверждения о славянской колонизации Северного Причерноморья и исходить из факта незначительного присутствия славянского этнического компонента в составе городского и окрестного населения. Так, нет никаких свидетельств массового перемещения и преобладания в Северо-Кавказском регионе славянского населения с конца X века и на протяжении всего XI века, как это отмечает ряд исследователей [7: с. 159; 1: с. 37–38, 108; 2: с. 11, 67, 91–92].

Археологические и этнографические источники здесь не дают повода для сомнений. При раскопках Тмутаракани были обнаружены фрагменты всего лишь двух лепных горшков второй половины X века, относимых к роменско-

боршевскому типу [27: Рис. 9. 15–16]. В проводившихся в течение десятилетий раскопках на городище подобные фрагменты более не встречались, а само их отнесение к славянской керамике вызывает сомнение. Славянская керамика не обнаружена и на остальной территории Таманского полуострова. Абсолютное большинство местных находок (в том числе монеты и печати) имеют греческое (византийское) происхождение и славянские артефакты «тонут» в этом массиве [39: с. 159–161]. Этнографические исследования показали, что славянское население появилось на Тамани не ранее конца XVIII века, с переселением казаков, принесших сюда свои традиции и новую строительную технику [38: с. 40–48]. Усилия экспедиции академика Б.А. Рыбакова, работавшей в Тмутаракани в 50-е гг. XX века, направленные на поиски массовых следов славянского населения, успехом не увенчались — результаты работ привнесли много нового в средневековую археологию Северо-Западного Предкавказья, но ничего в идею о славянской доминанте на этой территории [44: с. 254].

Подобные факты позволяют утверждать, что в Тмутаракани (греческой Матархе) сохранялось очень сильное византийское влияние, обусловленное, прежде всего, наибольшей активностью торговых связей, как непосредственно с Византией, так и через ее посредство [см.: 13: с. 123]. При этом, безусловно, такой крупный торговый центр, как Тмутаракань [см.: 8: с. 343–347] не мог не быть этнически разнородным (греки, ясы, касоги, козары). Русское население в городе было представлено посадником с управленческим аппаратом (если таковым представлял князь с дружиной) и торговым людом, с деятельностью которого на Северном Кавказе связывается значительное количество «русских» вещей.

Некоторые предметы свидетельствуют о пребывании в Тмутаракани русских князей. Помимо тмутараканского камня, в этом ряду обнаруженная во время раскопок накладка на лук с «трезубцем Рюриковичей». Есть основания полагать, что этот лук принадлежал единственному сыну Мстислава Владимировича — Евстафию (ум. 1033) [4: с. 58–60]. В Тмутаракани была найдена каменная иконка XI века с изображением святого Глеба и надписями по обеим сторонам от стоящей фигуры: «ДАВЫДЪ» и «ГЛЪБЪ». Иконка принадлежала Глебу Святославичу, Давыд — его младший брат (ум. 1123) [31: с. 18; 24: с. 48]. Также археологами были обнаружены три славянские кириллические надписи-граффити: «БАТ» на ручке амфоры второй половины X века – возможно окончание славянского имени, «В[Н]НО» на стенке амфоры XI века [21: с. 31–33, 40] и «ДЮШЪННК(Ъ)» на ручке лощеного кувшина второй половины XI века — название сосуда, производное от слова «кадь» [22: с. 101–102].

Данными фактами исчерпываются свидетельства присутствия славянского населения на территории Тмутаракани, представления о количестве которого оказываются сильно преувеличенными. То же самое можно сказать и о культурном влиянии Древней Руси на Северный Кавказ, осуществляемом через Тмутаракань. В науке известно только одно свидетельство таких контактов — это надпись-граффити, датируемая последней четвертью XI – первой четвертью XII веков, которая была обнаружена на одной из стен Софии Киевской:

«Дедилец-касог, тмутаракан[ец писал], идя от святых. Ибо я, господи, чаю прийти к тебе на воскрешение. Ох, душа моя!» [45: с. 155. Рис. 1]. В этом, пока единичном случае, можно утверждать, что проживающие в Тмутаракани касоги могли не только владеть русской речью и письменностью, но и быть прихожанами русских православных приходов.

Переходя к духовным аспектам жизни Тмутаракани, отметим мнение большинства исследователей, допускающих, что Тмутаракань была включена в состав исконных русских епископий в качестве епархиально-административной единицы, подконтрольной киевскому митрополиту. Однако, уже в начале X века архиепископия Матархи получила статус автокефальной архиепископии, непосредственно подчиненной константинопольскому патриарху, вошла в состав Зихской епархии и в ряде случаев отождествляется с нею [51: р. 294]. Судя по всему, диоцезу Матархи Константинопольским патриархатом отводилась роль центра в миссионерской деятельности на территории Северо-Западного Предкавказья. На саму кафедру назначался греческий ставленник [13: с. 105–106]. В связи с этим велика вероятность того, что местное население Тмутаракани находилось под духовным окормлением местного кафедрального архиерея, в то время как русские жители и духовенство были опекаемы черниговским епископом. Скорее следует говорить о церковно-миссионерской деятельности Византии, осуществлявшейся через Зихскую епархию с центром в Тмутаракани. На это указывают события уже XII века, когда в результате административных реформ, проведенных в церковной организации Византии, крымские архиепископии Херсона, Сугдеи и Боспора, входившие в одну епархию с Зихией, были от нее отделены. Архиепископия Матархи стала абсолютно автономным церковным центром, который не зависел от греческого духовенства крымских городов. За ней по-прежнему оставалась задача проповеди христианства среди адыгов, что подчеркивалось и ее официальным наименованием в Нотичиях Константинопольского патриархата, составленных в это время — епархия «Матрахи и Зихии» [51: р. 346]. Зихский престол не был понижен в ранге автокефальной епископии. Известно несколько греческих моливдовулов церковных иерархов: Антония, архиепископа Зихии (40-е – начало 50-х гг. XI века) [19: с. 46; 34: с. 47–48], неизвестного по имени архиепископа Зихии (вторая половина XI века) и Константина, митрополита Матрахи (XII век) [53: №№ 83.1, 87.1], а также две частные печати XI века, Василия, диакона и хартулария, и Афанасия, монаха [46: №№ 1–2]. В конце XI века на Тмутараканскую кафедру был поставлен выходец из Киево-Печерского монастыря Никола (Николай) [13: с. 105–106, 126; 39: с. 149–150].

Таким образом, рассмотренные данные лишний раз подчеркивают значимость Зихской епархии в Тмутаракани как основного византийского христианского центра на Северо-Западном Кавказе в период существования Тмутаракани [13: с. 114]. Утверждения о распространении христианства среди населения Северного Кавказа «Тмутараканской Русью», так же, как и о вмешательстве в церковные дела русских князей-наместников, использовавших право светской инвеституры, не выдерживают критики. Однако не следует сбрасывать со сче-

тов и влияния на жителей города русского духовенства, об этом позволяет судить отмеченная выше надпись-граффити из Софии Киевской.

Теперь обратимся к истории Тмутаракани, которая предстает перед нами в следующем свете.

Первое упоминание Тмутаракани в русских летописях встречается под 988 г., когда Владимир Святославич сажает в город своего сына Мстислава. Данному событию, безусловно, предшествовала политическая ситуация, в результате которой важнейший торговый центр — город Таматарха, находившийся под контролем Хазарского каганата, более чем на столетие становится владением Киевской Руси и получает название Тмутаракань [43: с. 283–286]. Вне сомнений, речь идет о разрушении политической инфраструктуры каганата в результате восточного похода князя Святослава Игоревича 965 г., а также о «корсунском походе» 987–989 гг. Владимира Святославича. И, несмотря на то, что в письменных источниках не содержится никаких данных о захвате Таматархи Святославом или Владимиром, практически на всех раскопанных участках городища выявлен слой пожарища, датированный второй половиной X века [43: с. 143]. Пожар мог стать следствием захвата города войсками Святослава или Владимира. Нам представляется, что войско Святослава (или его часть) достигло Таматархи, в результате чего хазарская власть здесь была ликвидирована [25: с. 199], и город попал под управление киевского князя.

Вместе с тем, есть основания полагать, что результатом смерти Святослава в 972 г. стала утрата Русью Керченского пролива. Вероятно, в это время здесь утвердилась власть Византийской империи. Так, «Тактикон Икономидиса», датированный 971–975 гг., впервые упоминает стратига фемы Боспор [54: р. 268–269]. И вполне вероятно, что власть греческого стратига могла распространяться на противоположную сторону пролива. Фема Боспор существовала недолго, после взятия Херсона Владимиром в 988–989 гг. сведений о ней больше нет [5: с. 88]. Именно в это время в летописи и появляется упоминание Тмутаракани, связанное с распределением Владимиром столов между своими сыновьями. Связь этих событий не случайна — происходит окончательное утверждение русской власти над городом и его ближайшей округой. Здесь разместились дружина, а Мстислав Владимирович поставлен в качестве наместника. Иными словами, Тмутаракань, торгово-экономическое значение которой трудно переоценить, оказалась включенной в состав земель, вассальных Киеву. Важно отметить, что княжичи — сыновья Владимира, не являлись полноправными владельцами в своих землях, выступая лишь наместниками, «следившими за аккуратными поставками дани в Киев» [28: с. 161; 14: с. 191–192]. С усилением центробежных тенденций появилось стремление к независимости княжичей на местах, что в конечном итоге и привело к возникновению относительно самостоятельных княжеств.

В истории Тмутаракани этот период оказался кратковременным — в качестве суверенного правителя князь-наместник Мстислав Владимирович в 1022 г. укрепляет свое положение победой над касогами и уже в 1023 г. заявляет о своих

правах брату Ярославу, занявшему Киевский стол. В результате известных событий с разделением Руси между братьями возникает система дуумвирата. Тмутараканью же продолжают управлять назначаемые из Чернигова (после смерти Мстислава в 1036 г. — из Киева) посадники, одним из которых мог быть сын Мстислава — Евстафий (ум. 1031). Тмутаракань утратила свой кратковременный княжеский статус. И последующие за Мстиславом князья уже не обладали теми правами, которыми пользовался на Руси Мстислав.

Со временем пребывания Мстислава Владимировича в Тмутаракани также связаны два важных для дальнейшей истории города события. Первым из них является чеканка монеты — подражаний византийским милиарисиям Василия II и Константина VIII (977–989 гг.). Для данного номинала установлено постепенное искажение прототипа по степени деградации: самая ранняя группа подражаний изготовлена из серебра, в дальнейшем появляются биллоновые монеты худшей чеканки, последняя стадия — изготовление монет из меди и железа (!), что было следствием массового производства некачественных монет частными чеканщиками, дополнявшими официальных мастеров. Серебряные подражания соответствуют группе милиарисиев, выпускавшихся в 977–989 гг.; вероятная граница окончания выпуска — третья четверть XI века. Таким образом, указанные монеты первоначально выступали основным средством денежного обращения Тмутаракани, а затем выполняли функцию мелкой разменной монеты [3: с. 51–58; 35: с. 278–279; 2: с. 61–67].

Второе связанное с Мстиславом событие — закладка им после победы над касогами в 1022 г. храма св. Богородицы в Тмутаракани, который становится патрональной княжеской церковью и одновременно центром русской этноконфессиональной общины, связанной с русской властью. В регионе начинается деятельность русского духовенства. В то же время, как отмечалось выше, в Тмутаракани существовала и греческая община, ориентированная на Константинополь. Однако данные о разграничении сферы влияний двух церковных организаций отсутствуют. Вероятно, вследствие того, что Тмутаракань находилась под протекторатом Древнерусского государства как заморское владение, она имела особый экстраординарный статус, позволявший мирно уживаться двум христианским общинам, отдельно исполнявшим свои культовые обряды [13: с. 107–116]. В 1955 г. экспедицией Б.А. Рыбакова в Тмутаракани были вскрыты фундаменты средневекового храма, который отождествляется с церковью св. Богородицы [18: с. 377–405].

Вплоть до 1064 г., когда мы застаем в Тмутаракани Глеба Святославича, никаких известий о ней в летописи не содержится, вероятно, на протяжении тридцати лет город управлялся княжескими посадниками, имена которых не известны. После смерти князя Ярослава в 1054 г. Черниговская земля, а также Тмутаракань, перешли к его сыну Святославу [30: с. 45], вероятно, тогда сын Святослава Глеб был поставлен здесь наместником.

В начале 60-х гг. XI века, после конфликта с киевским князем Изяславом Святославичем, в Тмутаракань прибывает монах Киево-Печерской лавры Никон,

который строит «близ града» монастырь св. Богородицы. В историографии этот монастырь традиционно считается главным духовным форпостом славянского присутствия в Тмутаракани [10: с. 61]. Между тем, появление в городе Никона носило характер церковной ссылки, а основанная им обитель не могла иметь легитимного характера, так как согласно каноническим предписаниям, Никон не имел права учреждать и возглавлять новую монашескую общину без разрешения и согласия на то тмутараканского епископа, а следовательно признания его церковной власти. Более того, номоканон решительно осуждал и запрещал любые несанкционированные перемещения монахов на новые места жительства, равно как и оставление ими своих монастырей [13: с. 118]. Таким образом, основанная Никоном обитель представляла собой всего лишь временное пристанище для таких же изгнанников, как и он сам.

Следов монастыря Никона, несмотря на усилия, прилагаемые экспедицией Б.А. Рыбакова, так и не было найдено [44: с. 254]. Притом, что в округе города могли находиться, по меньшей мере, несколько греческих монастырей. В 2005 г. на вершине горы Зеленской, в 6 км к югу от Тмутаракани, были обнаружены строительные остатки XI века, идентифицируемые с православным монастырем [36: с. 341–342]. Отметим и найденную в Тмутаракани греческую надпись, выбитую на мраморной плите: «*Почил раб божий Иоанникий монах, он же строитель (ойкодом) в этом святом монастыре. Месяца октября 23-го, в день 3-й, в час 7-й, года 6587 (1078), индикта 2-го*» [32: с. 74–79]. Термин «ойкодом», встречающийся в ряде аналогичных византийских надписей, по преимуществу обозначает основателя монастыря [13: с. 118].

Как сообщается в летописи, в 1064 г. Глеб Святославич был изгнан из Тмутаракани князем Ростиславом Владимировичем, бежавшим из Новгорода, старшим в роду Рюриковичей, но обделенным уделом. Данный прецедент — первый в ряду захвата города князьями-изгоями с целью собрать силы и вернуться на Русь отвоевывать свои вотчины. Как уже отмечалось выше, правление таких князей в Тмутаракани не признавалось легитимным в метрополии, о чем красноречиво свидетельствует поход уже в 1065 г. на Тмутаракань отца Глеба — Святослава Ярославича, князя Черниговского. Ростиславу пришлось уйти из города, Святослав же, придя в Тмутаракань, вновь посадил Глеба и возвратился на север. Поле этого Ростислав вернулся и вторично изгнал Глеба.

Самочинное правление Ростислава в Тмутаракани знаменуется двумя моментами. Первый — сообщение летописи, что в 1066 г. «с касогов и других народов» взималась дань. Второй — вероятная чеканка серебряных подражаний византийскому $\frac{2}{3}$ милиарисия Константина X Дуки (1059–1067 гг.) [3: с. 56]. Очевидно, к этому времени серебряные таманские подражания времен Мстислава уже не чеканились и экономические потребности Тмутаракани нужно было удовлетворить выпуском новых денег из серебра [2: с. 72–73].

Правление Ростислава оказалось недолгим. В 1067 г. он был отравлен подосланным греками византийским чиновником — котопаном. В летописи сохранились прямые указания на то, что причиной этого акта стало взимание Ро-

стиславом дани, и активная политика неуправляемого русского князя вблизи крымских владений Византии вызвала закономерные опасения в империи.

Как следует из «Жития Феодосия Печерского», после смерти Ростислава жители Тмутаракани «умолили» Никона отправиться в Чернигов к Святославу Ярославичу просить вернуть в Тмутаракань Глеба. Обладавший высоким авторитетом Никон был тем человеком, который мог выполнить поручение. Подчеркнем, в источнике впервые самостоятельно выступает население Тмутаракани, и, что немаловажно, настаивает на возвращении в город легитимного князя-наместника. Глеб в сопровождении Никона возвращается в Тмутаракань. Зимой 1068 г. он мерит по льду море от Тмутаракани до Корчева, а в 1069 г. — уже находится в Новгороде и больше в Тмутаракань не возвращается.

Следующее упоминание Тмутаракани в летописи — 1077 г., в это время здесь сидит Роман Святославич, брат Глеба, вероятно, сменивший его на посту наместника. Годом ранее умер отец Романа, Святослав Ярославич, после чего Черниговское княжество было захвачено его братом Всеволодом и племянником Владимиром Мономахом. В результате этих событий в 1077 г. в Тмутаракань бежит двоюродный брат Романа — Борис Вячеславич, а в следующем 1078 г. родной брат — Олег Святославич; оба, лишенные своих вотчин. Тмутаракань выходит из подчинения Чернигову, где сидит Всеволод, а трое русских князей, ставших на Руси изгоями, начинают борьбу за свои вотчины. В том же 1078 г. Олег и Борис, войдя в союз с половцами, выступают против Всеволода. Поход оказался неудачным, в битве на Нежатиной Ниве погибли Борис и киевский князь Изяслав, поддержавший брата Всеволода; Олег с небольшой дружиной бежал обратно в Тмутаракань. Происходит очередное перераспределение княжеских столов — Всеволод садится в Киеве, Владимир Мономах в Чернигове.

В 1079 г. уже Роман Святославич с половцами пришел к Воиню. Всеволоду удалось заключить мир с половцами, которые убили Романа на обратном пути. В это же время, как сообщает летопись, «козаре» (жители Тмутаракани) схватили Олега и отправили его в Константинополь, вероятно, с согласия Никифора III Вотаниата (1078–1081 гг.). Подчеркнем, что, как и после смерти Ростислава, население города вновь выступает на стороне великокняжеской власти!

После устранения Олега Всеволод Святославич сажает в Тмутаракани посадником Ратибора — единственного известного по имени посадника не княжеского происхождения. Существуют предположения, что в XI веке посадниками могли быть: Евстафий, чей моливдовул был найден в Тмутаракани [50: № 406-3] и Наум, брактеат которого происходит отсюда же [2: с. 89].

Ратибору принадлежит большое количество печатей с надписью «WT РАТИБОРА», имеющих широкое распространение на территории Древней Руси. Два экземпляра происходят из Керчи [48: с. 60–64]. Печати представляют собой аналог монет Ратибора, ставших известными в последнее время и происходящих с территории Таманского полуострова. Монеты чеканены из биллона и серебра и несут надпись «ОТЬ РАТИБОРА» [9: с. 11–12]. По-видимому, чеканка была вызвана нехваткой денежных знаков в Тмутаракани [2: с. 34–36].

Посадничество Ратибора продолжалось недолго — в 1081 г. в Тмутаракань бегут еще два князя-изгоя — Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич — сын отравленного Ростислава. Ратибор был схвачен и, вероятно, выслан в Киев. Источники не дают однозначного ответа, правили ли князья Тмутараканью вместе, либо кто-то из них главенствовал. В последнее время стал известен ранний тип княжеской печати Давыда, обнаруженный в Судаке [6: № 39].

Важно отметить, что с появлением Давыда и Володаря Тмутаракань де-факто перестает относиться к сфере влияния Древнерусского государства. Тем более, что в 1083 г. из Византии возвращается Олег Святославич, который, схватив двоих князей, отпускает их на Русь, избивает «козар» и садится в Тмутаракани. В науке прочно утвердилось мнение, что во время пребывания Олега в Византии (сначала в Константинополе, затем на о. Родос) между ним и императором Алексеем I Комниным (1081–1118 гг.) была заключена договоренность, согласно которой после смерти Олега Тмутаракань возвращалась под византийский протекторат [52: р. 226–227]. Существующие источники не позволяют однозначно подтвердить или опровергнуть эту версию, однако ряд косвенных данных свидетельствуют в ее пользу.

Подчеркнем, что вернувшийся из Византии Олег не мог утвердиться в Тмутаракани без помощи извне, а помочь ему могли только ромеи [17: с. 39–40]. При этом, прочно утвердившееся в историографии мнение о том, что Олег, находясь в греческом плену, женился на знатной гречанке Феофано Музалон, по нашему мнению, не соответствует действительности [42: с. 155–170].

Вплоть до 1094 г., когда после смерти Всеволода Ярославича, Олег с половцами выступает из Тмутаракани на Чернигов, летопись не сообщает ничего о деятельности этого князя в Тмутаракани. Однако известно, что в 80-е гг. здесь начинается чеканка серебряных монет с изображением на аверсе небесного покровителя Олега — архангела Михаила и надписью на реверсе: «Господи, помоги. Михаил» (христианское имя Олега). Прототипом этого чекана были монеты $\frac{2}{3}$ милиарисия Михаила VII Дуки (1071–1078 гг.), а также печати Романа Святославича. По весовым нормам монеты тяготеют к византийскому типу чеканки [26: с. 80–86; 23: с. 253–254; 2: с. 26–29].

Олегу принадлежат 9 известных в настоящее время печатей, на аверсе которых присутствует изображение архангела Михаила в полный рост, на реверсе — греческая шестистрочная надпись «Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии» [48: с. 26–29]. По мнению Г.Г. Литаврина, печать Олега-Михаила принадлежит к типу печатей провинциальных наместников византийского императора, что может свидетельствовать о договорных отношениях Олега и Алексея I Комнина, подразумевавших под собой признание хотя бы формального суверенитета империи над Тмутараканью [17: с. 40–41].

Сказанное выше позволяет утверждать, что монеты и печати князя-архонта соответствуют имперским стандартам и это указывает на то, что в правление Олега Тмутаракань находилась в вассальном подчинении Византии.

После 1094 г. Тмутаракань больше не упоминается в русских летописях. Вероятно, после ухода Олега из Тмутаракани, или же после его смерти в 1113 г. город переходит под суверенитет Византии, который сохраняется на всем протяжении XII века [33: с. 259–260]. Это подтверждается известием Мануила Страворомана о территориальных приобретениях Алексея Комнина на «Боспоре Киммерийском» [16: с. 20–23; 33: с. 261], восстановлением фемы Боспора [5: с. 88]. Наконец, XII веком датированы 7 известных печатей Михала Матарха. Родовое имя Матарх происходит от топонима Матарха [47: с. 133–134].

Еще одно утверждение, встречающееся в историографии: якобы с начала XII и до середины XIII веков Тмутаракань находилась под властью половецкого племенного объединения [27: с. 71]. Подчеркнем, никаких свидетельств присутствия половцев на Таманском полуострове науке не известно [41: с. 66–67].

Именно такой в настоящее время нам видится история Тмутаракани. Приведенные здесь положения достаточно кратки и требуют развернутого обоснования, так же, как уточнений и корректировки. В заключение отметим, что город находился под протекторатом Древнерусского государства более ста лет и на протяжении всего этого периода, очень явно проступают интересы Византийской империи в регионе. Можно сказать, что Тмутаракань — эфемерное государственное образование, в котором очень многое зависело от политики Византии, рассматривавшей город с окружающими территориями как свое владение, на короткое время получившее статус варварской архонтии. При этом ресурсы Тмутаракани были весьма ограничены, так как экономическое процветание зависело от торговли с империей и через ее посредство. Политические же амбиции русских наместников или самовольных правителей в Тмутаракани не соответствовали их реальным возможностям и опирались лишь на внешние атрибуты власти, копируемые с византийских образцов (монеты и печати). В этой связи закономерным итогом видится переход города под суверенитет Византии в конце XI — начале XII веков. Отныне в источниках он известен под старым названием — Матарха. На Руси же и столетие спустя, судя по «Слову о полку Игореве», город продолжали помнить как Тмутаракань.

Литература

1. *Алексеева Е. П.* Вопросы взаимосвязей народов Северного Кавказа с русскими в X–XV вв. / Е.П. Алексеева. — Черкесск: б/и, 1992. — 134 с.
2. *Бабаев К. В.* Монеты Тмутараканского княжества / К.В. Бабаев. — М.: Древнехранилище, 2009. — 104 с.
3. *Безуглов С. И.* К характеристике некоторых таманских подражаний византийскому серебру X–XI вв. / С.И. Безуглов // Донская археология. — № 1–2 (14–15). — Ростов-н./Д., 2002. — С. 51–58.
4. *Белецкий С. В.* Знаки Рюриковичей. Часть первая: X–XI вв. / С.В. Белецкий // Исследование и музеефикация древностей Северо-Запада. — Вып. 2. — СПб., 2000. — 120 с.
5. *Бибиков М. В.* Новые данные Тактикона Икономидиса о Северном Причерноморье и русско-византийских отношениях / М.В. Бибиков // Древнейшие государства

на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. / Отв. ред. В.Т. Пашуто. – М.: Наука, 1976. – С. 85–89.

6. *Булгакова В. И.* Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) / В.И. Булгакова // Сугдейский сборник. – Вып. III. – Киев; Судак, 2008. – С. 296–330.

7. *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе / А.В. Гадло. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – 362 с.

8. *Гончаров Е. Ю.* Находки средневековых монет на территории Таманского полуострова / Е.Ю. Гончаров, В.Н. Чхаидзе // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Вып. 5. – Краснодар, 2005. – С. 343–347.

9. *Зайцев В. В.* О новых находках древнерусских монет X–XI вв. / В.В. Зайцев // Средневековая нумизматика Восточной Европы. – Вып. 2. – М., 2007. – С. 5–22.

10. *Захаров В. А.* Тмутараканское княжество / В.А. Захаров // От Тмутороканя до Тамани IX–XIX вв. Сборник Русского исторического общества. – № 4 (152). – М.: Русская панорама, 2002. – С. 56–84.

11. *Зеленский Ю. В.* Тмутараканские князья: исторические портреты / Ю.В. Зеленский, А.В. Пьянков // Кубанский сборник. – Вып. I (22). – Краснодар, 2006. – С. 20–31.

12. История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. – М.: Наука, 1988. – 544 с.

13. *Кабанец Е. П.* К вопросу о роли Тмутараканской епархии в церковной истории Древней Руси конца XI вв. / Е.П. Кабанец // Сугдейский сборник. – Вып. II. – Киев–Судак, 2005. – С. 105–130.

14. *Котляр Н. Ф.* Тмутороканские заботы киевских князей / Н.Ф. Котляр // Нормы и источники судьбы. – М.: Индрик, 2001. – С. 191–197.

15. *Котляр Н. Ф.* Тмутороканское княжество: реальность или историографический миф? / Н.Ф. Котляр // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 г. / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. – М.: Восточная литература, 2005. – С. 107–118.

16. *Литаврин Г. Г.* Неизвестное свидетельство о Боспоре Киммерийском во времена Алексея I Комнина / Г.Г. Литаврин // Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции византинистов. – Тбилиси: Мецниереба, 1965. – С. 20–23.

17. *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII веке / Г.Г. Литаврин // Вопросы истории. – 1972. – № 7. – С. 36–52.

18. *Макарова Т. И.* Церковь св. Богородицы в Тмутаракани / Т.И. Макарова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Вып. XI. – Симферополь, 2005. – С. 377–405.

19. *Малахов С. Н.* Моливдовул архиепископа Зихии Антония / С.Н. Малахов, А.В. Пьянков // Историко-археологический альманах. 6. – Армавир–М., 2000. – С. 46–49.

20. *Медынцева А. А.* Тмутараканский камень / А.А. Медынцева. – М.: Наука, 1979. – 56 с.

21. *Медынцева А. А.* Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века / А.А. Медынцева. – М.: Наука, 2000. – 291 с.

22. *Медынцева А. А.* Новая древнерусская надпись из Тмутаракани / А.А. Медынцева, В.Н. Чхаидзе // Российская археология. – 2008. – № 1. – С. 101–103.

23. *Молчанов А. А.* Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича / А.А. Молчанов // Советская археология. – 1982. – № 1. – С. 251–254.

24. Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. / Т.В. Николаева // Свод археологических источников. Е1-60. – М.: Наука, 1983. – 233 с.
25. Новосельцев А. П. Древнерусско-хазарские отношения и формирование территории Древнерусского государства / А.П. Новосельцев // Феодализм в России. – М.: Наука, 1987. – С. 193–201.
26. Орешников А. В. Денежные знаки Домонгольской Руси / А.В. Орешников. – М., 1936. – 96 с.
27. Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища / С.А. Плетнева // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 5–72.
28. Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. / Е.В. Пчелов. – М., 2001. – 264 с.
29. Пьянков А.В. Касоги – касахи – кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа / А.В. Пьянков // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Вып. 1. – Краснодар, 2001. – С. 198–213.
30. Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. / О.М. Рапов. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 256 с.
31. Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV веков / Б.А. Рыбаков // Свод археологических источников. Е1-44. – М.: Наука, 1964. – 48 с.
32. Скржинская Е. Ч. Греческая надпись из Тмуторокани / Е.Ч. Скржинская // Византийский временник. – Т. XVIII. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 74–84.
33. Степаненко В. П. К статусу Тмутаракани в 80–90 гг. XI в. / В.П. Степаненко // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Вып. III. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 254–263.
34. Устаева Э. Р. Второй моливдовул архиепископа Зихии Антония / Э.Р. Устаева, В.Н. Чхаидзе // Двенадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2004. – С. 47–48.
35. Устаева Э. Р. Новая группа таманских подражаний моливдовулу Василия II и Константина VIII (976–1025) / Э.Р. Устаева, В.Н. Чхаидзе // IV Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. – Краснодар, 2005. – С. 278–280.
36. Федоренко Н. В. Работы Новороссийского исторического музея-заповедника / Н.В. Федоренко, А.В. Колпакова и др. // Археологические открытия 2005 года. – М.: Наука, 2007. – С. 341–343.
37. Цыганков С. А. Политическое устройство древнерусской Тмутаракани / С.А. Цыганков // Вестник Удмуртского университета. – № 7. – Ижевск, 2006. – С. 117–123.
38. Чхаидзе В. Н. Народное жилище в станице Тамань (XIX – первая половина XX в.) / В.Н. Чхаидзе // Этнографическое обозрение. – № 3. – М.: Наука, 2004. – С. 40-49.
39. Чхаидзе В. Н. Тмутаракань (80-е гг. X в. – 90-е гг. XI в.). Очерки историографии / В.Н. Чхаидзе // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Вып. 6. – Армавир, 2006. – С. 139–174.
40. Чхаидзе В. Н. Рецензия на: Гадло А.В. «Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории Русского княжения на Северном Кавказе» / В.Н. Чхаидзе // Российская археология. – 2006. – № 4. – С. 165–170.
41. Чхаидзе В. Н. К вопросу о появлении половцев на Таманском полуострове / В.Н. Чхаидзе // Археологический журнал. – № 1. – Армавир, 2007. – С. 66–69.

42. *Чхаидзе В. Н.* Феофано Музалон архонтисса Росии. К вопросу об идентификации / В.Н. Чхаидзе // *Византийский временник*. – Т. 66 (91). – М.: Наука, 2007. – С. 155–170.
43. *Чхаидзе В. Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове / В.Н. Чхаидзе. – М.: ТАУС, 2008. – 328 с.
44. *Чхаидзе В. Н.* Таманская археологическая экспедиция 1952–1955 гг. под руководством Б.А. Рыбакова / В.Н. Чхаидзе // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале*. 2008 г. – Т. III. – М., 2008. – С. 251–254.
45. *Чхаидзе В. Н.* Граффити из Софии Киевской — свидетельство христианизации касогов в конце XI – начале XII вв. / В.Н. Чхаидзе, И.А. Дружинина // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. – Вып. 5. – Армавир, 2005. – С. 155–158.
46. *Чхаидзе В. Н.* К церковной археологии Таманского полуострова: новые находки византийских печатей / В.Н. Чхаидзе, Д.В. Каштанов // *V Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады*. – Краснодар, 2009. – С. 286–289.
47. *Шандровская В. С.* К толкованию легенды одной свинцовой печати / В.С. Шандровская // *Хранитель Эрмитажа*. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. – С. 250–255.
48. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. / В.Л. Янин. – Т. I: Печати X – начала XIII в. – М.: Наука, 1970. – 328 с.
49. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. / В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков. – Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. – М.: Интрада, 1998. – 502 с.
50. *Янин В. Л.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. / В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков // *Новгород и новгородская земля. История и археология*. – Вып. 17. – Новгород, 2003. – С. 137–157.
51. *Darrouzes J. A. A.* Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae: Texte critique, introduction et notes / J.A.A. Darrouzes. – Paris, 1981. – 523 p.
52. *Litavrin G. G.* A propos de Tmutorokan / G.G. Litavrin. // *Byzantion*. – Т. XXXV. – Fasc. 1. – Bruxelles, 1965. – P. 221–234.
53. *Nesbitt J.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea / J. Nesbitt, N. Oikonomides. – Washington, 1991. – 256 p.
54. *Oikonomidès N.* Les listes de préséance Byzantines des IXe et Xe siècles / N. Oikonomides. – Paris, 1972. – 387 p.

Literatura

1. *Alekseeva E. P.* Voprosy' vzaimosvyazej narodov Severnogo Kavkaza s russkimi v X–XV vv. / E.P. Alekseeva. – Cherkessk: b/i, 1992. – 134 s.
2. *Babaev K. V.* Monety' Tmutarakanskogo knyazhestva / K.V. Babaev. – М.: Drevnexranilishhe, 2009. – 104 s.
3. *Bezuglov S. I.* K karakteristike nekotory'x tamanskix podrazhanij vizantijskomu serebru X–XI vv. / S.I. Bezuglov // *Donskaya arxeologiya*. – № 1–2 (14–15). – Rostov-n./D., 2002. – S. 51–58.
4. *Beleczkij S. V.* Znaki Ryurikovichej. Chast' pervaya: X–XI vv. / S.V. Beleczkij // *Issledovanie i muzeefikaciya drevnostej Severo-Zapada*. – Vy'p. 2. – SPb., 2000. – 120 s.
5. *Bibikov M. V.* Novy'e danny'e Taktikona Ikonomidisa o Severnom Prichernomor'e i russko-vizantijskix otnosheniyax / M.V. Bibikov // *Drevnejshie gosudarstva na territorii*

SSSR. Materialy' i issledovaniya. 1975 g. / Otv. red. V.T. Pashuto. – M.: Nauka, 1976. – S. 85–89.

6. *Bulgakova V. I.* Sigillograficheskiy kompleks porta Sugdei (materialy' podvodny'x issledovaniy 2004–2005 gg.) / V.I. Bulgakova // Sugdejskiy sbornik. – Vy'p. III. – Kiev; Sudak, 2008. – S. 296–330.

7. *Gadlo A. V.* Predy'storiya Priazovskoj Rusi. Ocherki istorii russkogo knyazheniya na Severnom Kavkaze / A.V. Gadlo. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2004. – 362 s.

8. *Goncharov E.Yu.* Nakhodka srednevekovy'x monet na territorii Tamanskogo poluostrova / E.Yu. Goncharov, V.N. Chxaidze // Materialy' i issledovaniya po arxeologii Kubani. – Vy'p. 5. – Krasnodar, 2005. – S. 343–347.

9. *Zaycev V. V.* O novy'x nakhodkax drevnerusskix monet X–XI vv. / V.V. Zaycev // Srednevekovaya numizmatika Vostochnoj Evropy'. – Vy'p. 2. – M., 2007. – S. 5–22.

10. *Zaxarov V. A.* Tmutarakanskoe knyazhestvo / V.A. Zaxarov // Ot Tmutorokanya do Tamani IX–XIX vv. Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva. – № 4 (152). – M.: Russkaya panorama, 2002. – S. 56–84.

11. *Zelenskij Yu. V.* Tmutarakanskije knyaz'ya: istoricheskie portrety' / Yu.V. Zelenskij, A.V. P'yankov // Kubanskiy sbornik. – Vy'p. I (22). – Krasnodar, 2006. – S. 20–31.

12. Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshix vremyon do koncza XVIII v. / Otv. red. B.B. Piotrovskij. – M.: Nauka, 1988. – 544 s.

13. *Kabanecz E. P.* K voprosu o roli Tmutarakanskoj eparxii v cerkovnoj istorii Drevnej Rusi koncza XI vv. / E.P. Kabanecz // Sugdejskiy sbornik. – Vy'p II. – Kiev-Sudak, 2005. – S. 105–130.

14. *Kotlyar N. F.* Tmutorokanskije zaboty' kievskix knyazej / N.F. Kotlyar // Norna u istochnika sud'by'. – M.: Indrik, 2001. – S. 191–197.

15. *Kotlyar N. F.* Tmutorokanskoe knyazhestvo: real'nost' ili istoriograficheskiy mif? / N.F. Kotlyar // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy'. 2003 g. / Otv. red. T.N. Dzhakson. – M.: Vostochnaya literatura, 2005. – S. 107–118.

16. *Litavrin G. G.* Neizvestnoe svidetel'stvo o Bospore Kimmerijskom vo vremena Alekseya I Komnina / G.G. Litavrin // Tezisy' dokladov VII Vsesoyuznoj konferencii vizantinistov. – Tbilisi: Meczniereba, 1965. – S. 20–23.

17. *Litavrin G. G.* Rus' i Vizantiya v XII veke / G.G. Litavrin // Voprosy' istorii. – 1972. – № 7. – С. 36–52.

18. *Makarova T. I.* Cerkov' sv. Bogorodicy' v Tmutarakani / T.I. Makarova // Materialy' po arxeologii, istorii i e'tnografii Tavrii. – Vy'p. XI. – Simferopol', 2005. – S. 377–405.

19. *Malaxov S. N.* Molivdovul arxiepiskopa Zixii Antoniya / S.N. Malaxov, A.V. P'yankov // Istoriko-arxeologicheskij al'manax. 6. – Armavir–M., 2000. – S. 46–49.

20. *Medy'nceva A. A.* Tmutarakanskiy kamen' / A.A. Medy'nceva. – M.: Nauka, 1979. – 56 s.

21. *Medy'nceva A. A.* Gramotnost' v Drevnej Rusi. Po pamyatnikam e'pigrafiki X – pervoj poloviny' XIII veka / A.A. Medy'nceva. – M.: Nauka, 2000. – 291 s.

22. *Medy'nceva A. A.* Novaya drevnerusskaya nadpis' iz Tmutarakani / A.A. Medy'nceva, V.N. Chxaidze // Rossijskaya arxeologiya. – 2008. – № 1. – S. 101–103.

23. *Molchanov A. A.* Tmutarakanskiy chekan knyazya Olega-Mixaila Svyatoslavicha / A.A. Molchanov // Sovetskaya arxeologiya. – 1982. – № 1. – S. 251–254.

24. *Nikolaeva T. V.* Drevnerusskaya melkaya plastika iz kamnya XI–XV vv. / T.V. Nikolaeva // Svod arxeologicheskix istochnikov. E1-60. – M.: Nauka, 1983. – 233 s.

25. *Novosel'cev A. P.* Drevnerussko-xazarskie otnosheniya i formirovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva / A.P. Novosel'cev // Feodalizm v Rossii. – M.: Nauka, 1987. – S. 193–201.
26. *Oreshnikov A. V.* Denezhny'e znaki Domongol'skoj Rusi / A.V. Oreshnikov. – M., 1936. – 96 s.
27. *Pletneva S. A.* Srednevekovaya keramika Tamanskogo gorodishha / S.A. Pletneva // Keramika i steklo drevnej Tmutarakani / Otv. red. B.A. Ry'bakov. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – S. 5–72.
28. *Pchelov E. V.* Genealogiya drevnerusskix knyazej IX – nachala XI v. / E.V. Pchelov. – M., 2001. – 264 s.
29. *P'yankov A. V.* Kasogi – kasaxi – kashaki pis'menny'x istochnikov i arxeologicheskie realii Severo-Zapadnogo Kavkaza / A.V. P'yankov // Materialy' i issledovaniya po arxeologii Kubani. – Vy'p.1. – Krasnodar, 2001. – S. 198–213.
30. *Rapov O. M.* Knyazheskie vladeniya na Rusi v X – pervoj polovine XIII v. / O.M. Rapov. – M.: Izd-vo MGU, 1977. – 256 s.
31. *Ry'bakov B. A.* Russkie datirovanny'e nadpisi XI–XIV vekov / B.A. Ry'bakov // Svod arxeologicheskix istochnikov. E1-44. – M.: Nauka, 1964. – 48 s.
32. *Skrzhinskaya E. Ch.* Grecheskaya nadpis' iz Tmutorokani / E.Ch. Skrzhinskaya // Vizantijskij vremennik. – T. XVIII. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. – S. 74–84.
33. *Stepanenko V. P.* K statusu Tmutarakani v 80–90 gg. XI v. / V.P. Stepanenko // Materialy' po arxeologii, istorii i e'tnografii Tavrii. – Vy'p. III. – Simferopol': Tavriya, 1993. – S. 254–263.
34. *Ustaeva E'. R.* Vtoroj molivdovul arxiepiskopa Zihii Antoniya / E.R. Ustaeva, V.N. Chxaidze // Dvenadchataya vserossijskaya numizmaticheskaya konferenciya. Tezisy' dokladov i soobshhenij. – M., 2004. – S. 47–48.
35. *Ustaeva E.R.* Novaya gruppa tamanskix podrazhanij molivdovulu Vasiliya II i Konstantina VIII (976–1025) / E.R. Ustaeva, V.N. Chxaidze // IV Kubanskaya arxeologicheskaya konferenciya. Tezisy' i doklady'. – Krasnodar, 2005. – S. 278–280.
36. *Fedorenko N. V.* Raboty' Novorossijskogo istoricheskogo muzeya-zapovednika / N.V. Fedorenko, A.V. Kolpakova i dr. // Arxeologicheskie otkry'tiya 2005 goda. – M.: Nauka, 2007. – S. 341–343.
37. *Cy'gankov S. A.* Politicheskoe ustrojstvo drevnerusskoj Tmutarakani / S.A. Cy'gankov // Vestnik Udmurtskogo universiteta. – № 7. – Izhevsk, 2006. – S. 117–123.
38. *Chxaidze V. N.* Narodnoe zhilishhe v stanice Taman' (XIX – pervaya polovina XX v.) / V.N. Chxaidze // E'tnograficheskoe obozrenie. – № 3. – M.: Nauka, 2004. – S. 40–49.
39. *Chxaidze V. N.* Tmutarakan' (80-e gg. X v. – 90-e. gg. XI v.). Ocherki istoriografii / V.N. Chxaidze // Materialy' i issledovaniya po arxeologii Severnogo Kavkaza. – Vy'p. 6. – Armavir, 2006. – S. 139–174.
40. *Chxaidze V. N.* Recenziya na: Gadlo A. V. «Predy'storiya Priazovskoj Rusi. Ocherki istorii Russkogo knyazheniya na Severnom Kavkaze» / V.N. Chxaidze // Rossijskaya arxeologiya. – 2006. – № 4. – S. 165–170.
41. *Chxaidze V. N.* K voprosu o poyavlenii polovcev na Tamanskom poluostrove / V.N. Chxaidze // Arxeologicheskij zhurnal. – № 1. – Armavir, 2007. – S. 66–69.
42. *Chxaidze V. N.* Feofano Muzalon arxontissa Rosii. K voprosu ob identifikacii / V.N. Chxaidze // Vizantijskij vremennik. – T. 66 (91). – M.: Nauka, 2007. – S. 155–170.

43. *Chxaidze V. N.* Tamatarxa. Rannesrednevekovy'j gorod na Tamanskom poluostrove / V.N. Chxaidze. – M.: TAUS, 2008. – 328 s.
44. *Chxaidze V. N.* Tamanskaya arxeologicheskaya e'kspediciya 1952–1955 gg. pod rukovodstvom B.A. Ry'bakova / V.N. Chxaidze // Trudy' II (XVIII) Vserossijskogo arxeologicheskogo s'ezda v Suzdale. 2008 g. – T. III. – M., 2008. – S. 251–254.
45. *Chxaidze V. N.* Graffiti iz Sofii Kievskoj — svidetel'stvo xristianizacii kasogov v konce XI – nachale XII vv. / V.N. Chxaidze, I.A. Druzhinina // Materialy' i issledovaniya po arxeologii Severnogo Kavkaza. – Vy'p. 5. – Armavir, 2005. – S. 155–158.
46. *Chxaidze V. N.* K cerkovnoj arxeologii Tamanskogo poluostrova: novy'e naxodki vizantijskix pechatej / V.N. Chxaidze, D.V. Kashtanov // V Kubanskaya arxeologicheskaya konferenciya. Tezisy' i doklady'. – Krasnodar, 2009. – S. 286–289.
47. *Shandrovsкая V. S.* K tolkovaniyu legendy' odnoj svinczovoj pečati / V.S. Shandrovsкая // Xranitel' E'rmitazha. – SPb.: Izd-vo Gos. E'rmitazha, 2004. – S. 250–255.
48. *Yanin V. L.* Aktovy'e pečati Drevnej Rusi X–XV vv. / V.L. Yanin. – T. I: Pečati X – nachala XIII v. – M.: Nauka, 1970. – 328 s.
49. *Yanin V. L.* Aktovy'e pečati Drevnej Rusi X–XV vv. / V.L. Yanin, P.G. Gajdukov. – T. III: Pečati, zaregistrirovanny'e v 1970–1996 gg. – M.: Intrada, 1998. – 502 s.
50. *Yanin V. L.* Drevnerusskie visly'e pečati, zaregistrirovanny'e v 2002 g. / V.L. Yanin, P.G. Gajdukov // Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arxeologiya. – Vy'p. 17. – Novgorod, 2003. – S. 137–157.
51. *Darrouzes J. A. A.* Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae: Texte critique, introduction et notes / J.A.A. Darrouzes. – Paris, 1981. – 523 p.
52. *Litavrin G. G.* A propos de Tmutorokan / G.G. Litavrin. // Byzantion. – T. XXXV. – Fasc. 1. – Bruxelles, 1965. – P. 221–234.
53. *Nesbitt J.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea / J. Nesbitt, N. Oikonomides. – Washington, 1991. – 256 p.
54. *Oikonomidès N.* Les listes de préséance Byzantines des IXe et Xe siècles / N. Oikonomides. – Paris, 1972. – 387 p.

С.Л. Перечицкая

К вопросу о формировании купечества Дубовского посада

Интерес к региональным особенностям формирования русской буржуазии в условиях господства феодально-крепостнических отношений, генезиса капитализма и складывания всероссийского рынка появляется в конце 80-х гг. XX века. В центре внимания исследователей оказались вопросы рыночной специализации, накопления, функционирования и преемственности торгового капитала, а также история становления и устойчивость купеческих родов [1; 2; 4].

Правительство активно поддерживало перевод сельского населения в городские сословия в районах новой колонизации, освоение которых в конце XVIII века шло очень интенсивно. Меры ограничительного характера в отношении крестьянства не имели здесь широкого распространения. В районах новой колонизации при записи в гражданство у крестьян не было конкуренции. В каждом отдельном случае образование города и формирование городских податных сословий происходило по указу и под личным контролем императрицы. Так было и в случае с переименованием селения Дубовка в посад, о чем в 1785 г. вышел особый рескрипт [3; 8: с. 116; 11: с. 187].

В краеведческой литературе о начальном периоде формирования городских податных сословий Дубовки, в первую очередь, купечества, какая-либо информация отсутствует, за исключением указаний на источники становления горожан. Это были экономические крестьяне и казенные малороссияне [3; 8; 9: с. 341–355; 11]. В связи с чем, цель данной статьи — по материалам Государственного архива Волгоградской области проследить процесс, особенности и хронологические рамки начального этапа формирования купечества в условиях образования нового посада, расположенного на торговом транзитном пути, а также характер становления и судьбы отдельных купеческих династий.

На актуальность изучения региональных особенностей формирования купечества указывал Б.Н. Миронов: «более существенное, чем крепостное

право, значение для сдвигов в составе городского населения имела... общая экономическая конъюнктура, складывающаяся в каждом регионе» [10: с. 96].

Исследователи отмечали противоречивость данного периода – усиление крепостничества и развитие новых буржуазных отношений. Ю.Р. Клокман видел причину этого в столкновении разнонаправленных государственных интересов: охранительно-классовых, фискальных, экономических. Для преобразования сельских поселений в города и формирования городских сословий для правительства, по его мнению, были важны следующие условия: оценка выгодности месторасположения «как узловых пунктов всероссийских торговых связей национального характера»; казенная, а не частная принадлежность поселений, что способствовало более легкому переводу государственных крестьян в горожан [5: с. 4, 99, 100, 122–126].

На особое значение Дубовского посада, расположенного на Волго-Донском транзитном пути, в экономической жизни Саратовской губернии, юга России и страны в целом указал В.В. Кузнецов [7: с. 1–24]. Он разделил господствующую в краеведческой литературе точку зрения о причинах образования посада по «выгодности местоположения» и «знатности оборотов». Именно в конце XVIII века складываются благоприятные обстоятельства для его становления и быстрого развития. Этому способствовали внешнеполитические завоевания России в Северном Причерноморье и включение Волго-Донской переволоки в экономическое пространство земель новой колонизации [6: с. 19, 20]. «Перемещение главных торговых путей и товаропотоков с северного и западного направлений на южное, что обуславливалось хозяйственным освоением юга» — считал особенностью этого периода и Б.Н. Миронов [10: с. 96]. В целом грузооборот, в том числе, через Волго-Донской транзит, увеличивался за счет потребностей армии, флота, гражданского строительства, международной торговли.

Процесс формирования городских сословий в Дубовском посаде в конце XVIII века не становился предметом специального научного рассмотрения. Хронологически совпал он с действием ряда правительственных мер ограничительного характера, направленных на сокращение переходов из крестьянства в купечество [1: с. 26, 63; 5: с. 90–100, 110–115].

Автором проанализированы материалы фондов Государственного архива Волгоградской области — Царицынской нижней расправы¹ (Ф.331), Царицынского городского магистрата (Ф. 233) за 1784–1795 гг., Дубовской посадской ратуши (Ф.235, д. 23) за 1797 г. Впервые в научный оборот вводятся комплексно и полно административные и судебные документы по истории формирования городских сословий в Дубовском посаде.

Значительную часть материалов Магистрата и Расправы составляют журналы и протоколы заседаний. Они отражают 5-дневную рабочую неделю и 6-часовой рабочий день (с 8.00 до 14.00), оформлены в стиле административного докумен-

¹ Расправа — название суда (в 1775–96 гг.) для государственных крестьян, однодворцев и с 1781 г. — для казаков.

товедения XVIII века — с указанием даты, присутствующих заседателей, сути изложенного вопроса и принятых решений, подписей. Количество заседателей в Расправе доходило до 4 человек, среди них встречались женщины, в Магистрате — до 6 (2 бургомистра и 4 ратмана). Кроме того, отдельными делами представлены: Указы Саратовского Наместнического правления и Царицынского магистрата, Книги записей опротестованных векселей и верящих писем, Окладная книга сбора процентных денег с купечества, Книга прихода пошлинных денег, Документы о выборах на должности в городской магистрат, о причислении к дубовскому купечеству. В них содержится важная информация о выдаче паспортов определяющим в купечество и состоявшимся купцам, рекрутских повинностях, результатах судебных разбирательств, кредитных историях, фискальных сборах, общем количестве податных сословий.

Источники находятся в хорошей сохранности, на листах плотной бумаги, подшиты в отдельные дела. Записи велись разными людьми, использовались разные чернила. Пунктуация в текстах практически всех материалов используется редко, зачастую информация изложена одним предложением на всю страницу; предлоги, указательные местоимения, частицы бывают слиты в одно слово с существительным или глаголом.

Наиболее важный документ фонда Дубовской посадской ратуши — «Опись делам, производимым в Царицынском городском магистрате по части Дубовского посада купцов и мещан...» (ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 23). Охватывает период с 1791 по 1796 гг. включительно. Опись содержит 103 дела — административно-судебные, фискальные, решения нижнего земского суда и нижней расправы, различные прошения, например, купцов об избавлении от уплаты податей по крестьянскому званию, ведомости о поступающих в купеческое и посадское звания, списки к ревизским сказкам.

Для анализа судеб отдельных купеческих родов Дубовского посада привлечена справочная информация из «Адрес-календарей» и «Памятных книг» Саратовской губернии за 1893, 1898, 1902, 1907, 1909, 1914, 1916 гг.¹

Однако материалы Магистрата, Расправы и Ратуши не дают полного представления об определявшихся в дубовское купечество в 90-е гг. XVIII века. Невозможно выделить однородную статистическую информацию для анализа состава записывающихся в городские сословия Дубовки. Поэтому был применен выборочный метод сбора всей имеющейся в источниках информации по тому или иному купеческому роду за 1784–1795 гг. по следующим крите-

¹ Адрес-календарь Саратовской губернии на 1893 г. — Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1893; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1898 г. — Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1898; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 г. — Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1901; Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 г. — Саратов, 1907; Весь Царицын. Посад Дубовка. Сарепта. — Ц-н: Паров. типогр. и переплетн. Ф.А. Виноградова, 1909; Памятная книжка Саратовской губернии на 1914 г. — Саратов, 1914; Памятная книжка Саратовской губернии на 1916 г. — Саратов, 1916.

риям — неоднократное упоминание двух и более родственников мужского пола, избрание членов фамилии на должности, любые формы социальной и асоциальной активности, зафиксированные в административно-судебных делах. Характер и содержание материала определили форму статьи.

Указ о переименовании селения Дубовка в посад был подписан в 1785 г., но ратуша в нем открыта не была «по малоимению», точнее из-за отсутствия людей городских званий, на плечи которых должны были лечь расходы по ее содержанию (ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 2). До 1791 года по материалам Магистрата и Расправы Дубовка оставалась селением, отдельные случаи упоминания ее как посада относятся лишь к 1788 г. (ГАВО. Ф. 331. Оп. 1. Ед. хр. 34. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 63, 66).

Важным свидетельством начала посадской жизни и становления городских податных сословий в Дубовке, в первую очередь купечества, служит «Опись делам, производимым в Царицынском городском магистрате по части Дубовского посада купцов и мещан...». Начинается опись единственным за 1791 г. указом Саратовского наместнического правления от 7 марта «О вызове желающих к записке в дубовские гильдейские, мещане, посадские и цехи по обращении оной посадом» (ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 23). За 1792 г. уже 17 дел фискальных, административно-судебных касались дубовских жителей. Все упоминаемые в ней лица — «определяющиеся в дубовское купеческое и посадское звание». В 1793 г. характер дел, количеством 12, прежний, но в них уже фиксируется сложившееся сословное состояние — «дубовский купец», «дубовское купечество» (ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 23-28).

В первый год выхода указа, желающих записаться в купечество и мещанство оказалось 260 человек, большей частью экономических крестьян Царицынской и Камышинской округ Саратовского наместничества (ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 1,15). Их появление на волжских землях между Царицыном и Камышином в 1778 г. связано напрямую с выселением с этих мест в 1776–1778 гг. на Кавказскую линию волжских казаков за участие последних в крестьянской войне Е. Пугачева. На обустройство на новом месте крестьянам были выделены деньги с условием их возврата, более никаких льгот предоставлено не было.

За год до выхода указа о начале записи в дубовские гильдейское и посадское звания в 1790 г. издается распоряжение, найденное нами в архивных материалах и документально подтверждающее время переселения крестьян Центральной России и казенных малороссиян на Н. Волгу в район Дубовки: «По указу Ея Императорского Величества Саратовское Наместническое правление рассматривая ведомость о успехе взысканий недоимок за март м-ц при рапорте из Царицынского Нижнего Земского суда представленную, в которой значится не во взыскании выданныя селения Дубовки экономическим крестьянам для поселения во оной в 1778 году пятьсот девяноста четыре рубли, да на казенных малороссиянх за 1786 год тысяча двести шестьдесят два рубли пятьдесят две копейки с половиною» (ГАВО. Ф. 331. Оп. 1. Ед. хр. 167.

Л. 11-11 об). Стремление правительства заселить в этих краях лояльных к власти и управляемых поселенцев – государственных, преимущественно экономических крестьян Великороссии и казенных малороссиян в процессе регулируемой колонизационной политики края оправдалось. Здесь же осталось и незначительное число бывших волжских казаков.

До 1795 года численность определившихся в посад оставалась стабильной. Временные ограничения записи в купечество из крестьян ввел указ 1795 года на срок до окончания проводимой по государству новой 5-й ревизии (ПСЗ РИ I. Т. XXIII. № 17357). Так, два законодательных акта — Указ Саратовского наместнического правления 1791 г. «О вызове желающих...» и правительственный Указ 1795 г. о прекращении записи, разграничивший действие двух ревизий (4-й и 5-й) — определили временные рамки первого этапа становления дубовского купечества.

По количеству торгового сословия Дубовка в короткие сроки догоняла центр округа Царицын, где в 1789 г. числилось «2 и 3-й гильдий мужеска пола 255 душ», в 1790 г. — 249 (ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 79,95). Находившийся на Волго-Донской Переволоке Царицын, населенный купцами, посадскими и цеховыми, вряд ли по собственной воле отдал бы пальму экономического первенства какому-либо соседнему сельскому селению. Решение об образовании посада принималось самой Екатериной II на основании оценки экономического и географического положения будущего посада, его перспектив, данных Саратовским Генерал-губернатором. Основанием Указа 1785 г. о переименовании селения Дубовка в посад стали государственные потребности интенсивного освоения Причерноморья, обеспечение малозатратной, самокупаемой организации Волго-Донского транзита и, конечно, фискальные интересы.

Обслуживание транзита, участка сухопутного пути между Волгой и Доном, выполнение государственных и частных подрядных операций давало устойчивые стабильные доходы, было прибыльным делом. Но прямых подтверждений этому в изученных документах архива нет, только косвенные факты. Приведем лишь некоторые: крестьяне, откликнувшиеся на призыв к записи в купеческое звание, были состоятельными, так как готовы были платить по двум обложениям крестьянскому и купеческому; большое количество прошений от «определяющихся в дубовское купечество» о выдаче паспортов для свободы передвижения и ведения предпринимательской деятельности приходилось на первый год производимой записи; и, наконец, экономические крестьяне Дубовки и близлежащих селений Камышинской и Царицынской округ выбирали преимущественно купеческое, а не мещанское звание.

Заселение новой территории крестьянами и образование городского поселения произошло достаточно быстро. Через 7 лет после переселения крестьян на эти земли в 1785 г. вышел Указ об образовании посада по «выгодности местоположения». Однако переименование произошло номинально — лишь через 6–7 лет после опубликования указа в 1791–1792 гг. началось формирование городских податных сословий в Дубовке, а в Царицынском городском магистрате выделилось

отдельное делопроизводство по посаду, которое велось до 1796 г. включительно (ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 23-28). Запись в купеческое звание прошла массово и в короткие сроки. Ограничения в записи затронули крестьян в связи с проводимой в 1795 г. в государстве переписью населения. Иногороднего купечества они не коснулись — в 1795 г. зарайские купцы Калугины были определены в дубовское купечество (ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л.25).

Архивные материалы позволили выделить как некоторые особенности, так и закономерности становления отдельных купеческих родов посада Дубовка, их мы приводим ниже.

Агафоновы. Впервые фамилия Агафоновых всплывает в архивных документах в декабре 1788 г. в связи с указом Саратовского наместнического правления о приписке экономического крестьянина селения Дубовка Кирилла Агафонова в царицынское купечество 3-й гильдии (ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 63. Л. 66). По этому вопросу в январе 1789 г. заслушивалось прошение Ведомства Экономии директора Царицынского округа, где упоминалось предыдущее место жительства Агафоновых – Богучарский округ Воронежского наместничества (ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 70. Л. 10). В материалах архива конца XVIII века фигурировало пятеро Агафоновых: Андрей, Игнатий, Кирилл, Кузьма и Федосей. Из них Игнатий и Кирилл в 1792 г. записались в дубовское купечество, при этом Кирилл Агафонов был выбран первым в Дубовке старостой всеми крестьянами, определявшимися в купеческое и посадское звания (ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 23).

Показательно, что записывавшиеся в первый год в купечество не оставляли крестьянских занятий. Так, Игнатий Агафонов просил дать ему на содержание казачьи земли по реке Бердей с санными покосами и под хлебопашество. Но местные крестьяне из-за столкновения интересов произвели потраву выращенного урожая (ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 115. Л. 41). Уже в 1793 г. купцы Дубовского посада Андрей, Кирилл и Кузьма Агафоновы получили для свободы передвижения годовые паспорта (ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 126. Л. 12. Ед. хр. 128). В декабре 1797 г. имевший 10-летний предпринимательский опыт и организаторские способности Кирилл Агафонов был избран судьей на 1798 г. во вновь созданный словесный суд в Дубовке (ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л.21. Ед. хр. 16. Л.1-2. Ед. хр. 22. Л. 15).

На рубеже XIX–XX веков среди купцов посада Дубовка Агафоновы не значатся. Фамилия встречается в Саратове. В Царицыне проживал коллежский регистратор Петр Федорович Агафонов, состоявший на службе в Акцизном Управлении 2-го акцизного округа Астраханской губернии. В Дубовском посаде во 2-м начальном мужском училище преподавал Павел Петрович Агафонов¹. Связаны ли они были родственными узами с купцами Агафоновыми конца XVIII века, нами не установлено.

¹ Адрес-календарь Саратовской губернии на 1898 г. – Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1898; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 г. – Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1901.

Горевы. Происходили из экономических крестьян селения Дубовка. В документах архива конца XVIII века встречаются три имени: Захар, Николай и Семен. Первое упоминание встречаем в связи с прошением о даче годовых паспортов для беспрепятственного передвижения от 2 сентября 1792 г. определяющим в дубовское купечество Захару и Семену Горевым (ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 117. Л. 22). Ровно через год — 2 сентября 1793 г. — новое совместное прошение о годовых паспортах купцов Захара, Николая Горевых и Ивана Репникова (ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 128. Л. 52-52 об). По всей видимости, дела Захара Горева шли в гору. В книге контрактных и вексельных записей Царицынского городского магистрата имеются 4 свидетельства за 24–28 декабря 1793 г. о выданных деньгах купцом Захаром Степановым сыном Горевым купцам Дубовского посада на суммы 226, 237, 322, 460 рублей сроком на полгода (ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 139. Л. 8 об-10). Интересно, что в последней записи за 28 декабря его фамилия теми же чернилами исправлена на «Горин». Через несколько лет — в 1798 г. одним из ратманов Дубовской посадской ратуши состоял уже Захар Горин. (ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 105. Л. 22). Изменение в написании фамилии могло привести к выделению из клана Горевых нового рода Гориных и разделению семейного капитала.

Фамилия Горевых прослеживается в Дубовке на протяжении всего XIX века и начала XX века. В 1830-х гг. купцы Горевы успешно занимались поставкой леса [8: с. 120]. Вели благотворительную деятельность. До революции в Дубовке была известна Горевская мужская начальная школа (в наши дни ее здание занимает районное управление народного образования). Однако, в конце XIX века экономическое состояние семьи стало неустойчивым. В «Адрес-календаре» Саратовской губернии за 1893 г. есть запись о гласном Посадской Думы купце Гореве Иване Петровиче, за 1898 г. — о нем же: мещанин, проживает в Дубовке, имеет собственный дом на улице Набережной. В 1907–1909 гг. фигурируют две персоны: старшина Совета Общественного собрания, мещанин Константин Иванович Горев, и, упомянутый выше, директор Общества взаимного кредита, член царицынского Раскладочного присутствия по промышленному налогу, гласный Думы, мещанин Иван Петрович Горев. В 1914 г. Горевы в Дубовке уже не значатся, что связано с переездом большей части разросшегося клана в уездный город Царицын¹.

Репниковы. Происходили из экономических крестьян селения Дубовка. Первое упоминание — в материалах Царицынской нижней расправы за 1784 г. об экономическом голове Дубовского волостного экономического правления Репникове (ГАВО. Ф. 331. Оп. 1. Ед. хр. 34. Ед. хр. 41. Л. 7). Следующее —

¹ Адрес-календарь Саратовской губернии на 1893 г. — Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1893; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1898 г. — Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1898; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 г. — Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1901; Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 г. — Саратов, 1907; Весь Царицын. Посад Дубовка. Сарепта. — Ц-н: Паров. типогр. и переплетн. Ф.А. Виноградова, 1909; Памятная книжка Саратовской губернии на 1914 г. — Саратов, 1914.

через шесть лет — в 1790 г. рассматривалось судебное дело экономического крестьянина Андрея Тимофеева сына Репникова, обвиняемого с соучастником в причинении побоев и увечий вдове старшины Волжского войска Растегиной. Царицынский нижний земский суд запросил у крестьянского общества сведения о поведении подсудимых. Вот характеристика данная старостой: «...Репников отроду имеет двадцать лет, грамоте читать и писать умеет, на исповеди от рождения своего был один раз, а у святого причастия не бывал...» (замечание, типичное для староверов). Экономические крестьяне поведение обвиняемых одобрили, а стороны «поллюбовно помирились» и попросили «оное дело производство оставить» (ГАВО. Ф. 331. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 37. Ед. хр. 178. Л. 1-1 об, 5-5об. Ед. хр. 185. Л. 3, 11 об).

В документах изучаемого периода упоминаются семеро представителей фамилии Репниковых: Афанасий Максимов, Михаил Афанасьев, Андрей Тимофеев, Иван, Михаил Тимофеевы, а также жена последнего Гаврилова с дочерью Василисой Михайловой. В 1792 г. все они определялись в купеческое звание и на протяжении двух лет пользовались паспортами для свободного передвижения (ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 115. Л. 31 об, 32 об. Ед. хр. 116. Л. 15. Ед. хр. 127. Ед. хр. 128). Прошения о выдаче паспортов жене и дочери купца сроком на 4 месяца также были удовлетворены. В декабре 1793 г. Афанасий Репников активно предоставлял вексельные займы не только купцам Дубовского посада на суммы 83 и 480 рублей, но и приезжим — в январе 1794 г. он занимает 1 800 рублей калужскому купцу Порываеву под закупку свежей красной рыбы (ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 139. Л. 1-1 об. Ед. хр. 140. Л. 5). В декабре 1797 г. Афанасий Репников на следующий 1798 г. был избран «для аукционных торгов и прочих товарных оценок ценовщиком» (ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 21). В сентябре 1798 г. отставной майор Илья Савельев подал иск на купца Афанасия Репникова о «непозволительном завладении казенным берегом», в другом месте — «казенной волошки, называемой Погроменской». По этому вопросу прошло четыре выездных заседания Царицынского уездного суда в ноябре в Дубовском посаде (ГАВО. Ф. 240. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 12. Ед. хр. 14. Л. 39,41,49). В архивных документах конца XVIII века Михаил и Афанасий Репниковы иногда упоминаются под фамилиями Репин и Репнин (ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 116. Л. 2. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 103. Л. 24).

В конце XIX – первой половине XX веков заметный след в истории города Царицына оставили: Александр Александрович, Василий Александрович (царицынские) и Иван Александрович (дубовский) купцы Репниковы. Все они занимались широкой благотворительной деятельностью, были потомственными почетными гражданами Царицына. При их активном участии был построен Дом науки и искусств, основан краеведческий музей. С 1907 по 1916 гг. по материалам «Адрес-календаря» А.А. и В.А. Репниковы имели статусы: коллежского асессора, надворного, титулярного, статского советника. Они состояли членами различных коммерческих (Учетно-ссудного комитета по торгово-промышленному кредитованию, Уездного раскладочного

присутствия по промысловому налогу), судебных (Уездного суда), законодательных органов (Городской Думы, Царицынского общественного собрания, Уездного земского собрания), попечительских советов (Мариинской женской и Александровской мужской гимназий, сиротского приюта для девочек, Уездного училищного совета, уездного отделения общества попечения о тюрьмах, дубовского комитета Российского общества Красного Креста)¹.

Калугины. В конце XVIII века были известны две семьи Калугиных, которые переехали в Дубовский посад уже сложившимися купцами. Первые — зарайские купцы Евдоким и Петр записались в дубовское купечество в 1795 г. (ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 23). Вторые — саратовские купцы Козма с сыном Яковом вначале вели дела в Царицыне, позже записались в дубовское купечество.

Евдоким и Петр Калугины. Первое упоминание о представителях зарайского рода относится к 1792 г.: у зарайского купца Евдокима Калугина в царицынском уезде был собственный поверенный, находящийся при питейных сборах. В 1794–1795 гг. купцы Петр и Евдоким Калугины с семьей переезжают в Дубовку. В 1797 г. Петр Калугин был избран первым бургомистром посадской ратуши (ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 2). В первый год его правления происходило разбирательство по сомнительному, фальшивому паспорту и подложной печати, вырезанной на свинце. Она была изготовлена как дубликат, позднее за ненужностью бургомистр приказал выбросить ее в реку. Посадский Ячменников же дубликат печати утаил, передав на хранение пономарю Матвееву. Следствие допускало ее использование для оформления фальшивых паспортов и билетов беглым людям. Интересно, что на выездном заседании уездного суда в Дубовке бургомистр сказался больным (ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. Л. 16-18). В том же году дубовскому купцу Евдокиму Калугину был предъявлен иск с требованием о взыскании денег за простой по договору посадскими, нанятыми им для строительства дома (ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 1-2). В 1798 г. Петр Калугин — поверенный саратовского чиновника Есипова в продаже вина (ГАВО. Ф. 240. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 16).

Козма и Яков Калугины. Саратовский купец Козма Калугин в 1790 г. был держателем царицынских питейных сборов, имел поверенного Ивана Михайлова, который по разным селениям в питейные дома поставлял «хлебное вино», закупая последнее по случаю и в Сарептской колонии (ГАВО. Ф. 331. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 32). На жительстве в Царицыне Калугины состояли уже в 1791 г. В тот же год саратовский купец Яков Козмин сын Калугин строил в Царицыне на дворе отца из своего леса амбар и каретный сарай за 85 рублей (ГАВО. Ф. 233. Оп. 2.

¹ Адрес-календарь Саратовской губернии на 1893 г. — Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1893; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1898 г. — Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1898; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 г. — Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1901; Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 г. — Саратов, 1907; Весь Царицын. Посад Дубовка. Сарепта. — Ц-н: Паров. типогр. и переплетн. Ф.А. Виноградова, 1909; Памятная книжка Саратовской губернии на 1914 г. — Саратов, 1914; Памятная книжка Саратовской губернии на 1916 г. — Саратов, 1916.

Ед. хр. 111. Л. 5 об). Козма Калугин оставался содержанием питейных сборов и в 1792 г., когда определялся в дубовское купечество и просил записать его из 2-й гильдии в 1-ю. И процентные с капитала деньги пожелал платить в Дубовке, а не в Саратове, откуда из 2-го департамента Саратовского городского магистрата неоднократно поступал запрос на его счет: «нет ли также по нынешнему их званию государственных доимок или партикулярных долгов?» На требование саратовского купечества об уплате поборных денег в сумме 50 рублей дал ответ: «за прописанными от него резонами платить не одалживался». В 1792 г. Козма Калугин получил паспорт для свободы передвижения еще как купец 2-й гильдии (ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 114. Л. 8, 38 об. Ед. хр. 115. Л. 2-2 об. Ед. хр. 116. Л. 27, 51. Ед. хр. 119. Л. 32 об). Кроме содержания питейных сборов в 1793–1794 гг. купцы 1-й гильдии Козма и Яков Калугины занимались поставкой амуниции и денежной казны по контрактам в город Моздок на Кавказскую линию и в Оренбург (ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 122. Л. 13. Ед. хр. 132). В декабре 1794 г. купец Козма Калугин просил «по случившемуся в торговле несчастью» о переименовании его «из первой во вторую того купечества гильдию» (ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 25). В 1797 г. он удостоверил личность московского мещанина, племянника умершего астраханского купца, для проезда в Москву прямым трактом из Дубовки. К слову, упомянутый астраханский купец прежде имел намерение записаться в дубовское купечество.

В конце XIX – начале XX веков фамилии Калугиных среди дубовского купечества не значатся, что, скорее всего, связано с переездом семей в связи с изменившейся рыночной конъюнктурой, поиском более прибыльных мест, с присущей приезжим купеческим семействам мобильностью.

Изучение архивных материалов позволило выявить следующие особенности формирования купечества в Дубовском посаде. В становлении отдельного купеческого клана значительную роль играла фигура лидера, его личные качества. Афанасий Репников, Захар Горев, Кирилл Агафонов обладали смелостью, напористостью, организаторскими способностями, проявившимися еще на выборных должностях в крестьянском обществе и в начальный период образования купеческого сообщества.

В истории переселения экономических крестьян и становления буржуазных сословий на Волго-Донской перекладе роль государства была определяющей. Формирование купечества в Дубовке началось в 1791–1792 гг., через 6–7 лет после переименования селения в посад и произошло быстро и массово. На протяжении 4 лет до 1795 г. включительно численность посадских была стабильна, так как запись ограничивалась на период проведения переписи населения.

Основой формирующегося купечества в Дубовском посаде стали экономические крестьяне. В отличие от некоторых групп переселенцев, например, немцев Поволжья, экономические крестьяне не имели на новом месте льгот. Все, что им предоставило правительство — средства на обустройство на условиях возврата.

Волго-Донская переволока в конце XVIII века вступила в новый этап развития. С Северным Причерноморьем, интенсивно развивавшимся районом новой колонизации, она формировалась как единое экономическое пространство. С образованием торгового посада и созданием купеческого сословия в Дубовке правительство решало несколько проблем — фискальные и организационные. Обслуживание Волго-Донского транзита на условиях малозатратности и самокупаемости ложилось на плечи купечества Дубовки, организация охраны транзитного пути — на Царицын, который оставался военно-административным центром округа.

Экономический подъем крестьянства на обслуживании транзита был стремительным и быстрым. Для большей части дубовского купечества, определявшегося из крестьянства, именно он оставался основной формой накопления. Показателен пример захвата купцом Репниковым казенного берега (волошки) в частные руки. В среде молодого купечества вырастали и собственные кредиторы. Ссужаемые ими суммы не уступали по размерам банковским. Но ростовщичество не было распространено, из числа бывших экономических крестьян им занимались единицы.

Для приезжих купцов, поселившихся в Дубовке, начальной формой накопления капитала стали питейные сборы, частные подряды, займы. Позже — выполнение контрактных обязательств, прежде всего по поставке амуниции, пороха, снаряжения, денежной казны, зерна и фуража в военные крепости, расположенные на южных рубежах страны: Егорьевск, Оренбург, Моздок, Азов, Херсон, Екатеринбург. Содержание и назначение контрактов объявлялись в Царицынском комендантском правлении, поскольку город служил перевалочным пунктом в системе военных крепостей.

Из упомянутых семейств, записавшихся в первой волне в дубовское купечество, о высокой устойчивости рода можно говорить в двух случаях — только династии Репниковых и Горевых достигли 100-летнего рубежа. Причем оба рода — выходцы из экономических крестьян Дубовки. Приезжие купцы, как показало время — не дали корней. Причины могли быть разные — разорение, переезд, прерывание рода.

Можно предположить — существовали, как минимум две модели успешного поведения купцов, закреплённые в их сознании. Первая, характерная для переехавших на жительство в Дубовку иногородних купцов — постоянный поиск более прибыльных хлебных мест, готовность к переездам, отслеживание экономической конъюнктуры, значимость личной выгоды, обогащения. Вторая — врастание социальное и хозяйственное в местные условия. Для бывших экономических крестьян период предпринимательского становления, расцвет и дальнейшая судьба были тесно связаны с Дубовкой, Царицынским уездом.

Итак, изученные архивные материалы позволили частично восстановить раннюю историю дубовского купечества, раскрыть его роль в становлении экономических связей в районах новой колонизации юга страны. Показали, что меры ограничительного характера в отношении переходов из крестьян-

ства в гражданство в 1794–1795 гг. были вызваны проводимой переписью населения и не носили сословно-ограничительного характера.

Литература

1. *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии) / А.И. Аксенов. – М.: Наука, 1988. – 188 с.
2. *Бойко В. П.* Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии / В.П. Бойко. – Томск: Водолей, 1996. – 320 с.
3. *Водолагин М. А.* Очерки истории Волгограда. 1589–1967 / М.А. Водолагин. – М.: Наука, 1968. – 445 с.
4. *Демкин А. В.* Русское купечество XVII–XVIII вв.: Города Верхневолжья / А.В. Демкин. – М.: Наука, 1990. – 92 с.
5. *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. / Ю.Р. Клокман. – М.: Наука, 1967. – 335 с.
6. *Кудрявцева Е. П.* Русская торговля через Константинополь в первой половине XIX века / Е.П. Кудрявцева // Отечественная история. – 2008. – № 3. – С. 18–28.
7. *Кузнецов В. В.* Купечество малых волжских городов Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков: Автореф. дис. ... канд. истор. наук / В.В. Кузнецов. – Саратов, 2007. – 24 с.
8. *Кузнецов В. В.* Посад Дубовка в экономике Поволжья (XVIII–XIX вв.) / В.В. Кузнецов // Вопросы истории. – 2006. – № 12. – С. 116–123.
9. *Луночкин А. В.* «Царицын и Дубовский посад» А.В. Терещенко — первое специальное научное исследование по истории края / А.В. Луночкин, И.О. Тюменцев // Стрежень: Научный ежегодник. Вып. 5 / Под ред. М.М. Загоруйко. – Волгоград: Издатель, 2006. – С. 341–355.
10. *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие / Б.Н. Миронов. – Л.: Наука, 1990. – 271 с.
11. *Монилов С.* Соперник Царицына — Дубовка / С. Монилов // Отчий край. – 1995. – № 5. – С. 185–190.

Literatura

1. *Aksenov A. I.* Genealogiya moskovskogo kupechestva XVIII v. (Iz istorii formirovaniya russkoj burzhuazii) / A.I. Aksenov. – M.: Nauka, 1988. – 188 s.
2. *Bojko V. P.* Tomskoe kupechestvo v konce XVIII–XIX vv. Iz istorii formirovaniya sibirskoj burzhuazii / V.P. Bojko. – Tomsk: Vodolej, 1996. – 320 s.
3. *Vodolagin M. A.* Ocherki istorii Volgograda. 1589–1967 / M.A. Vodolagin. – M.: Nauka, 1968. – 445 s.
4. *Demkin A. V.* Russkoe kupechestvo XVII–XVIII vv.: Goroda Verxnevolzh'ya / A.V. Demkin. – M.: Nauka, 1990. – 92 s.
5. *Klokman Yu. R.* Social'no-e'konomicheskaya istoriya russkogo goroda. Vtoraya polovina XVIII v. / Yu.R. Klokman. – M.: Nauka, 1967. – 335 s.
6. *Kudryavceva E. P.* Russkaya trgovlya cherez Konstantinopol' v pervoj polovine XIX veka / E.P. Kudryavceva // Otechestvennaya istoriya. – 2008. – № 3. – S. 18–28.

7. *Kuznezov V. V.* Kupechestvo maly'x volzhskix gorodov Saratovskoj gubernii v konce XVIII – pervoj polovine XIX vekov: Avtoref. dis. ... kand. istor. nauk / V.V. Kuznezov. – Saratov, 2007. – 24 s.

8. *Kuznezov V. V.* Posad Dubovka v e'konomike Povolzh'ya (XVIII–XIX vv.) / V.V. Kuznezov // Voprosy' istorii. – 2006. – № 12. – S. 116–123.

9. *Lunochkin A. V.* «Czaricy'n i Dubovskij posad» A.V. Tereshhenko — pervoe special'noe nauchnoe issledovanie po istorii kraja / A.V. Lunochkin, I.O. Tyumencev // Strezhen': Nauchny'j ezhegodnik. Vy'p. 5. / Pod red. M.M. Zagorul'ko. – Volgograd: Izdatel', 2006. – S. 341–355.

10. *Mironov B. N.* Russkij gorod v 1740–1860-e gody': demograficheskoe, social'noe i e'konomicheskoe razvitie / B.N. Mironov. – L.: Nauka, 1990. – 271 s.

11. *Monikov S.* Sopernik Czaricy'na — Dubovka / S. Monikov // Otchij kraj. – 1995. – № 5. – S. 185–190.

История России СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

М.А. Бравина

Праздничная культура в контексте государственных преобразований Советской власти

В истории советского общества период конца 1910-х – начала 1920-х гг. — время напряженной социально-политической борьбы, период формирования новой государственной идеологии. Досуг городских обывателей в годы Гражданской войны состоял не только из кратковременных практик ежедневного отдыха (чтение, прогулки, спорт, музыкальные и танцевальные вечера, театр, кино и т.д.). Были в жизни горожан и праздники, дававшие возможность более длительного отдыха. В процессе утверждения Советской власти праздничная культура была переосмыслена как мощное средство идеологического воздействия на массы. Исходя из этого, борьба со старыми и утверждение новых праздников и ритуалов были делом государственной важности. Одним из основных факторов этой политики становится создание нового революционного календаря, опорными вехами которого традиционно считались праздничные даты. Праздники представляют собой такое деление шкалы времени, которое отмечено еще и особым социальным поведением. Они, безусловно, выступают элементами бытовой культуры с присущими только им атрибутами.

Для России было характерно давнее пристрастие к широким гуляниям. К 1901 г. общее количество неприсутственных дней достигло 43 в год: 30 праздничных дней, включая царские, то есть связанные с царствующей фамилией, и религиозные, 13 дней приходились на Святки, не работали также и по воскресеньям. Итого общее количество нерабочих дней достигало 98 в год. Для сравнения в Австро-Венгрии таковых дней было 53, в Голландии — 57, в Дании и Швейцарии — 62, во Франции — 63, в Англии — 87. Сюда следует отнести еще и местные, народные, храмовые праздники, число которых к 1902 году было довольно велико. В общей сложности к началу XX века совокупное количество празднично-выходных дней достигало почти 140 [9: с. 306].

С приходом к власти большевиков сложилось новое восприятие праздника как неотъемлемого атрибута повседневности, а потому праздник становится

орудием пропаганды и агитации нового образа жизни. Советский календарь вобрал в себя несколько повлиявших на него составляющих: 1) традиционные праздники, пришедшие из народного календаря; 2) элементы религиозных праздников, причем в Симбирской губернии не только православные, но и мусульманские, и иудейские; 3) собственно революционные праздники.

При утверждении нового календаря учитывалось, прежде всего, политическое содержание праздника, поэтому сам календарь, несмотря на все разнородные элементы, в него входящие, носил политизированный характер. 30 октября 1918 г. был принят декрет СНК о 8-часовом рабочем дне, в соответствии с которым к уже утвердившимся праздникам падения самодержавия (27 февраля) и Международной солидарности (1 мая) был добавлен день пролетарской революции, но при этом были изъяты четыре религиозных праздника.

Одним из важнейших декретов новой власти, повлиявшим практически на все сферы деятельности, был декрет о введении западноевропейского календаря [10: с. 28]. В соответствии с ним оказались смещенными исторические даты и перенесены праздничные дни. Особенно это коснулось религиозных праздников, что вызвало категорический протест со стороны многих церковных иерархов, включая патриарха Тихона. Празднование дат по новому и старому стилю стало и своего рода водоразделом в обществе, что особенно касалось Нового года: сторонники Советской власти праздновали его по новому стилю — 1 января, не признавшие новых порядков — отмечали по-старому, что приходилось на 13 января. Справедливости ради следует сказать, что находилось немало и тех, кто праздновал оба раза и с большим удовольствием, не вникая особо в календарные противоречия. То же касалось и праздников Пасхи и 1 мая, Рождества и годовщины Кровавого воскресенья.

В декабре 1918 г. был принят Кодекс законов о труде, статья 104 которого, «Правила об еженедельном отдыхе и праздничных днях», устанавливала для всего работающего населения РСФСР еженедельный непрерывный 42-часовой отдых, что на практике выразилось в существовании выходных дней в субботу и воскресенье, при этом заработная плата в эти дни сохранялась. Это правило не касалось только предприятий с непрерывной технологией производства [11: с. 720; 12: с. 721]. При этом нужно отметить, что для всех работников зрелищных учреждений выходной день устанавливался в понедельник. Это имело весьма неожиданные последствия. Большое количество официальных выходных и праздников, а также масса дополнительных нерабочих дней, — все это привело к усилению несерьезного отношения к труду, выразившемуся в постоянных прогулах, опоздании на работу, устройстве длительных перерывов, самовольном уходе с работы. «Поголовно у всех лютое отвращение ко всякому труду», — писал Бунин в «Окайнных днях» [2: с. 21]. Летом 1919 г. другой очевидец событий А.А. Блок писал, что «никто ничего не хочет делать» [1: с. 510]. В Симбирске на коллегии подотдела труда губисполкома весной 1918 г. пришлось констатировать, что «рабочие больше отдыхают, чем работают» (ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 13).

Уже в течение 1919 г. к официально установленным праздничным дням постепенно добавились годовщина гибели Розы Люксембург и Карла Либкнехта (15 января), День Красной Армии (23 февраля), День работниц (8 марта), праздновался День рождения В. И. Ленина (22 апреля), был установлен День печати (5 мая), 6 июля отмечался День Конституции. На общегосударственном уровне пришлось признать главные православные праздники — Пасху (апрель – май, в зависимости от года) и Рождество (7 января). Из этого видно, что в период утверждения новой власти коммунистическая монополия распространяется и на праздничную культуру; при сохранении части старых праздников берется курс на формирование нового, идеологически соответствующего коммунистическим идеалам праздничного календаря. КЗоТ также допускал принятие местными органами власти решений об установлении местных праздников общим количеством до 10 дней в году. Симбирским губернским отделом труда был установлен перечень праздничных дней, подлежащих оплате. В него вошли все государственные праздники. Не подлежали оплате, но отмечались как праздничные: Рождество — два дня, также два дня на Пасху, по одному дню для празднования Духова дня, Благовещенья, Успения, Крещения (ГАУО. Ф. Р-634. Оп. 1. Д. 3. Л. 346). В январе 1919 г. была проведена неделя фронта и транспорта, последний день которой объявлялся нерабочим. Явочным порядком рабочие симбирских предприятий устанавливали и собственные праздники, отсутствующие в официальном календаре. Так, «вопреки изданного декрета», рабочие Симбирска отпраздновали день святого Николая, сопровождая его массовыми гуляниями и распитием спиртного (ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 13).

Главным праздничным днем советского календаря становится, конечно же, День Октябрьской революции, своеобразный день миротворения. Памятуя о Великой французской революции, раздавались даже предложения начинать именно с него отсчет нового календаря. Предложения эти пропали втуне, но значимость этой даты не уменьшилась.

Формирование нового сакрального пространства, которое становилось средой революционной праздничной культуры, началось практически после установления Советской власти в стране. Так называемая «мирная передышка» весной 1918 г. характеризовалась активной деятельностью по сносу старых и созданию новых памятников культуры и мемориальных сооружений. Ленин сам составил перечень деятелей российского и международного революционного движения, и тех представителей культуры, чья память подлежала увековечиванию. В него вошли К. Маркс, Ф. Энгельс, Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Жан Поль Марат, М. Робеспьер, Д. Гарибальди, декабристы, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.С. Пушкин, Н.Г. Чернышевский, Андрей Рублев, Ф. Шопен, М.П. Мусоргский, В.Ф. Комиссаржевская и др. Так родился знаменитый план монументальной пропаганды.

Если говорить о Симбирске, то более успешной в реализации оказалась первая часть этого постановления. В городе к 1918 г. было всего три памятника — Н.М. Карамзину, П.А. Столыпину, Александру II. Сначала был снесен памятник

«отцу аграрной реформы»); бронзовый бюст было решено отправить на переплавку, но в итоге он долгое время валялся на заднем дворе губисполкома. Постамент же решили использовать для «более подходящих целей». Создание новых памятников оказалось гораздо более сложным делом, поэтому 23 июня 1918 г. на заседании губисполкома было сказано о том, что «памятник борцам революции придется отложить до более благоприятных времен» (ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 23 об.). В честь празднования первой годовщины революции на перекрестке улиц Гончаровской, по этому случаю переименованной в улицу имени Карла Маркса, и Панской, тогда же переименованной в улицу Энгельса, был установлен гипсовый бюст основателя научного коммунизма Карла Маркса. Открытие памятника было торжественное и произвело сильное впечатление на горожан. «Когда стемнело, улица Карла Маркса (б. Гончаровская) представляла эффектное, невиданное в Симбирске зрелище. Особенно красиво блистал разноцветными огнями пьедестал памятника Карлу Марксу» [6]. Тем не менее, и власти, и горожан такой временный вариант памятника, конечно же, не устраивал. И вскоре встал вопрос о его замене на постоянный монумент, о чем 19 июля 1920 г. был подписан договор между губернским исполкомом в лице М.А. Гимова и И.М. Варейкиса и симбирским скульптором С.Д. Меркуровым и архитектором В.А. Щуко. Была разработана и утверждена смета строительства, проект был подписан самим В.И. Лениным. В четвертую годовщину Октябрьской революции 7 ноября 1921 г. у здания Единой трудовой школы напротив Дома свободы памятник был торжественно открыт. Памятник по праву считается одним из лучших в мире памятников Карлу Марксу, и был первым в советской России, построенным из вечного камня — гранита.

На организацию нового социалистического пространства влияла и начавшаяся кампания по переименованию городов и улиц. В провинциальном Симбирске в центре города не осталось ни одной улицы, которая сохранила бы прежнее название. Улица Покровская стала носить имя Льва Толстого, Лисиную назвали именем Карла Либкнехта, Московскую переименовали в улицу Ленина (Улицы Симбирска-Ульяновска: www.welcometoulyanovsk.ru).

Пафос переименований был импульсом эмоционального воздействия на каждого человека, чему еще в большей степени способствовало практическое имя-назачение. Это стало своеобразной реализацией футуристических идей начала XX века, выразившееся в активном словотворчестве, имевшем новое идеологическое содержание. Соединяя в себе элементы названий пролетарских праздников и имен революционных деятелей, новые имена и названия символизировали установление нового мира. Если говорить о Симбирской губернии, то здесь внедряемые новации имели и свои особенности, связанные и с национальным компонентом, и с тем, что Симбирск был родиной В.И. Ленина. Так, в среде симбирян-мусульман очень популярным оказалось женское имя Роза в память о погибшей немецкой коммунистке Розе Люксембург, поскольку было созвучно весьма распространенному татарскому имени Резеда. Мальчики, родившиеся в Симбирске в 1918–1920 гг., часто получали имена, связанные с вариациями на тему имени

вождя Октябрьской революции, да и самой революции тоже: Владлен (Владимир Ленин) — только в конце 1919 г. было зарегистрировано шестеро малышей, получивших звучное имя — Рэм (революция – Энгельс – Маркс) и другие. Таким образом, социалистический идеал был закреплен в новой, советской ономастике, воздействуя на сознание, формируя человека коммунистического будущего.

Начиная с 1917 г., утверждение новой праздничной культуры охватывает, прежде всего, города, что, конечно же, не было случайно. «...Коммунистические празднества... проводились почти исключительно в городах. Коммунистическая культура празднеств была урбанистической» [14: с. 47], так как именно здесь был сосредоточен промышленный пролетариат – основной субъект и объект большевистской политики. По инициативе властей предпринимались попытки насаждения новой праздничной культуры и в деревне, но основным местом действия все-таки оставались города.

Для организации и проведения праздников при ЦК партии была создана специальная агитколлегия, имевшая подобные органы и на местах. Это и понятно. Все мероприятия ставились под жесткий партийный контроль. В преддверии очередного праздника создавались всевозможные комиссии, состоявшие из административных, хозяйственных, партийных работников, в которых ценилась, прежде всего, преданность делу революции, при этом наличие художественного вкуса и эстетического мировосприятия предавалось второстепенное значение. Мало что понимавшие в организации подобных мероприятий, они составляли планы, рассчитывали смету. Отдельным направлением такой деятельности была подготовка всевозможных лозунгов, приветствий, обращений, тексты которых писались и утверждались заранее. Все это обязательно приводилось в соответствие с указаниями, приходившими из Москвы. В помощь агитаторам публиковались специальные брошюры, где излагались основы новых праздников, разъяснялись принципы нового календаря, выдвигались тезисы, критикующие старые религиозные даты. Обязательным элементом такой работы было написание отчета, который публиковался в местной прессе и рассматривался на заседаниях отдела агитации и пропаганды (агитпропа) местного партийного органа и губернского органа народного образования (губоно). Для более качественной подготовки и «во избежание мелкобуржуазной пропаганды» [5] симбирским губоно были организованы специальные курсы по подготовке специалистов зрелищных мероприятий.

В празднике самым причудливым образом сочетались и взаимодействовали элементы традиции и признаки нового времени. Поскольку борьба за утверждение новых праздников была делом политическим, но при этом сохранялась значительная религиозность общества, то противоречие между светским, и даже коммунистическим началом, с одной стороны, и религиозным, с другой — было основным содержанием памятного мероприятия. Все это весьма своеобразно отражалось в подготовке и проведении праздника. Старые праздники соответствовали традиционному природному жизненному циклу, отображали характер труда земледельца. Наиболее укоренившиеся из них претерпели значительные транс-

формации, меняя свое содержание или «передавая» элементы своей формы новым, идеологически противоположным празднествам. Возникают своеобразные праздники-«перевертыши», обманывающие то формой, то содержанием. Излюбленная форма коммунистических празднеств — демонстрация — представляет собой не что иное, как модернизированный крестный ход, вывешивание портретов вождей в официальных учреждениях напоминало своеобразный иконостас, столь привычный глазу. Использование старых форм происходило не только ввиду полного отсутствия собственных, но и потому, что это было знакомо и понятно. «Смесь военного парада и рабочей демонстрации выросла на основе распространенной в России культуры религиозных празднеств», — писал Шт. Платтенборг, будучи очевидцем революционных потрясений [14: с. 288]. Очевидным это было и для вождей Советского государства. «Рабочее государство уже имеет свои праздники, свои процессии, свои смотры и парады, свои символические зрелища, свою новую государственную театральность. Правда, она еще во многом слишком тесно примыкает к старым формам, подражая им, отчасти непосредственно продолжая их. Но в главном революционная символика рабочего государства нова, ясна и могущественна: красное знамя, серп и молот, красная звезда» [15]. Видя и понимая это противоречие, один из идеологов партии Е. Ярославский писал: «И вот нынче 1 мая столкнулись два мира — старый мир, раскрашенный церковными колоколами, поповскими песнями и выдумками о спасителе мира. И другой праздник — весенний, радостный — праздник труда, праздник собирания сил пролетариата» [16: с. 47]. Сопоставление явно не случайно: идея воскрешения соотносится с идеей рождения нового, свободного мира, поэтому в 1917–1919 гг. наблюдается определенное обращение к пасхальной символике.

Одной из наиболее распространенных форм праздника в первые после-революционные годы становятся уличные мистерии, утверждающие новые понятия: советская власть, мировая революция и т.д. К участию в подобных шествиях широко привлекались горожане, что, безусловно, способствовало формированию нового идеологического пространства и новой личности в этом пространстве. В Симбирске подобного рода увеселения пользовались особой популярностью. Ими были отмечены не только праздники, вошедшие в официальный общегосударственный календарь, но и менее значимые. Так, например, 5 января 1919 г. в Симбирске был широко отмечен день русских пленных, сопровождавшийся манифестацией-демонстрацией [7]. По улицам Советской, Ленина и Карла Маркса прошло шествие, центром которого стало театрализованное представление об узнике в цепях, путем различных злоключений добывающегося свободы. «Освобождение» произошло на главной площади города, которая, кстати, продолжала на тот момент называться Соборной, где были возведены декорации, долженствующие изображать царство Свободы. Главный герой, в роли которого выступил актер симбирского театра Н. Петровский, декламировал стихи, сочиненные по случаю.

24 января того же года газета сообщила о праздновании годовщины Кровавого воскресенья, которая отмечалась 22 января по новому стилю [8]. Симби-

ряне вновь стали свидетелями красочного представления, отображающего одну из самых трагических страниц недавней истории. На перекрестке улиц Маркса и Энгельса развернулось настоящее сражение между силами света, шедшими под красными флагами, и темными силами, выступавшими, соответственно, под черными знаменами. Действо было настолько правдоподобным, что в итоге милиции пришлось разнимать участников процессии и горожан, устроивших настоящую драку. В годовщину Февральской революции на Ярмарочной площади было устроено сожжение чучела Николая II, что до крайности напомнило участникам традиционные масленичные гуляния. После этого в Народном доме состоялся митинг, на котором с речами выступили И.М. Варейкис и М.А. Гимов.

Активную работу весной 1918 г. развернули органы Пролеткульта губернии по организации празднования «Пролетарской пасхи». С марта в газетах начали публиковать статьи, раскрывающие религиозное содержание праздника, но при этом рассказывающие о фальсификации священниками различных пасхальных историй. Местные поэты соревновались в создании произведений антирелигиозного содержания.

Борода, что пакля включена,
Волоса торчат ежом —
Маслом «боговым» не смочены,
С постным старческим лицом.
На плечах поддевка драная,
Грязный розовый кушак,
Не звенит монета пьяная,
Поумнел мужик — дурак.
Батька бродит слепой курицей,
Заплетается, ослаб,
Ладан бледный еле курится
Для десятка темных баб.

Н. Тихомиров [3].

Была создана специальная комиссия, одной из основных обязанностей которой стало украшение главных улиц города. Вообще нужно отметить, что вопросам зрелищной пропаганды власть придавала большое значение, понимая, что при помощи наглядной агитации можно довести до сознания людей нужные идеи быстрее и проще, чем путем насилия. В Петрограде это важное дело было доверено знаменитым художникам — Б.М. Кустодиеву, М.В. Добужинскому, К.С. Петрову-Водкину [13: с. 327]. В Симбирске все это происходило гораздо скромнее, но и здесь власти вполне отдавали себе отчет в важности подобных мероприятий. Комиссия постановила украсить все дома на центральной улице, причем в целях экономии средств транспаранты антипасхального содержания было указано вывесить всем советским учреждениям, окна которых выходили на Гончаровскую. Главным же антипасхальным аргументом стало широкое празднование 1 мая 1919 г. Дня Интернационала.

В августе 1919 г. горожане стали зрителями и участниками еще целого ряда театрализованных представлений, развернувшихся на улицах Симбирска, причем их уровень был признан местными газетами «неизмеримо более высоким, чем тот, к которому привыкли мы, жители провинции» [4]. В город с гастролями приехала театральная мастерская Петрограда. В течение двух недель по улицам раскатывали ярко украшенные повозки, откуда глашатаи сообщали симбирянам о предстоящих празднествах, намеченных на 7 сентября, объявленный Днем советской пропаганды. Участники праздника в этот день доводили до сознания трудящихся масс идею мировой революции, представляя освобожденные народы Азии и Африки.

Таким образом, можно говорить об особых роли и месте праздника в системе идеологического воспитания, что превращало его проведение в своеобразную политическую кампанию с широким использованием социально-психологических факторов, учитывающих определенные сложившиеся в российском обществе праздничные и сугубо религиозные традиции. Участие в праздниках носило как добровольный, так и принудительный характер. Празднества, несмотря на зачастую сохраняющуюся старую форму, утверждали новую символику, способствовали укреплению новых традиций, и, следовательно, формированию нового человека.

Литература

1. Блок А. А. Избранное / А.А. Блок. – М.: Панорама, 1995. – 556 с.
2. Бунин И. С. Окаянные дни / И.С. Бунин. – Ярославль: Фонд гражданских инициатив «Содействие». – 1991. – 320 с.
3. Заря. – 1919. – 20 марта.
4. Заря. – 1919. – 28 августа.
5. Заря. – 1920. – 4 января.
6. Известия Симбирского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов. – 1918. – 12 ноября.
7. Известия. – 1919. – 8 января
8. Известия. – 1919. – 24 января.
9. Миронов Б. Н. Социальная история России / Б.Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 2. – 566 с.
10. О введении западноевропейского календаря. Декрет СНК РСФСР от 26 января 1918 года // Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1918. – № 19. – С. 28.
11. О нормах оплачиваемой работы по субботам и предпраздничным дням. Постановление Народного комиссариата труда от 22.08.1918 г. // Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1918. – № 66. – С. 720.
12. Об еженедельном 42-часовом отдыхе. Разъяснения НКТ РСФСР от 13.09.1918 г. // Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1918. – № 66. – С. 721.

13. Петроград на переломе эпох: город и его жители в годы революции и гражданской войны. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 352 с.

14. *Платтенборг Шт.* Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Шт. Платтенборг. – СПб.: Журнал «Нева», 2000. – 416 с.

15. *Троцкий Л. Д.* Семья и образованность / Л.Д. Троцкий // Правда. – 1923. – 14 июля.

16. *Ярославский Е. М.* Два праздника / Е.М. Ярославский // О религии. – М.: Политиздат, 1958. – 638 с.

Literatura

1. *Blok A. A.* Izbrannoe / A.A. Blok. – М.: Panorama, 1995. – 556 с.

2. *Bunin I. S.* Okayanny'e dni / I.S.Bunin. – Yaroslavl': Fond grazhdanskix iniciativ «Sodejstvie». – 1991. – 320 s.

3. Zarya. – 1919. – 20 marta.

4. Zarya. – 1919. – 28 avgusta.

5. Zarya. – 1920. – 4 yanvaryaya.

6. Izvestiya Simbirskogo gubernskogo Soveta rabochix i krest'yanskix deputatov. – 1918. – 12 noyabrya.

7. Izvestiya. – 1919. – 8 yanvaryaya.

8. Izvestiya. – 1919. – 24 yanvaryaya.

9. *Mironov B. N.* Social'naya istoriya Rossii / B.N. Mironov. – SPb.: Dmitrij Bulanin, 1999. – Т. 2. – 566 s.

10. O vvedenii zapadno-evropejskogo kalendarya. Dekret SNK RSFSR ot 26 yanvaryaya 1918 goda // Sbornik uzakonenij i rasporyazhenij rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. – 1918. – № 19. – 28 s.

11. O normax oplachivaemoj raboty' po subbotam i predprazdnichny'm dnyam. Postanovlenie Narodnogo komissariata truda ot 22.08.1918 g. // Sbornik uzakonenij i rasporyazhenij rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. – 1918. – № 66. – 720 s.

12. Ob ezhenedel'nom 42-chasovom otdy'xe. Raz'yasneniya NKT RSFSR ot 13.09.1918 g. // Sbornik uzakonenij i rasporyazhenij rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. – 1918. – № 66. – 721 s.

13. Petrograd na perelome e'pox: gorod i ego zhiteli v gody' revolyucii i grazhdanskoj vojny'. – SPb.: Dmitrij Bulanin, 2000. – 352 s.

14. *Plattenborg St.* Revolyuciya i kultura. Kulturny'e orientiry' v period mezhdru Oktyabr'skoj revolyuciej i e'poxoj stalinizma / St. Plattenborg. – SPb.: Zhurnal «Neva», 2000. – 416 s.

15. *Trockij L. D.* Sem'ya i obrazovannost' / L.D. Trockij // Pravda. – 1923. – 14 iyulya.

16. *Yaroslavskij E. M.* Dva prazdnika / E.M. Yaroslavskij // O religii. – М.: Politizdat, 1958. – 638 s.

И.Б. Куликова

К вопросу о местонахождении и значении Поля жертвоприношений в «Текстах пирамид»¹

Понятие *sh̄t-ḥtpw* («сехет хетепу», «Поле хетепу») — одно из важнейших в заупокойной религии древнего Египта. Обычно в египтологической литературе это словосочетание переводят как «Поле жертвоприношений» (см., например, [13: р. 326; 29: р. 89; 6: s. 174]). Однако существуют переводы «Болото жертвоприношений» [23: р. 65–68] или «Болото покоя» [3: р. 436, 460]. Некоторые исследователи указывают на возможность двойного перевода этого словосочетания в «Текстах пирамид» [23: р. 66–67]. В настоящей статье используется перевод «Поле жертвоприношений». Рассматривать это понятие во множественном числе, то есть «Поля жертвоприношений» (§ 698, 1784), как и в двойственном числе (§ 289), как нечто отличное от единственного числа оснований нет.

В период Древнего царства Поле жертвоприношений упоминается в частных гробницах, например Канинисута [25: s. 93] и Мериба [11: s. 97] в Гизе, а также Нианххнума и Хнумхетепа [24: Abb. 11] и Ахетхетепа [33: р. 138] в Саккаре. Кроме того оно несколько раз встречается среди титулов [22: р. 103]. В период Древнего царства оно упоминается и в текстах пирамид царей Древнего царства.

Грамматические и лексические трудности, с которыми сталкиваются исследователи «Текстов пирамид», создают определенные сложности в интерпретации содержания отдельных надписей и, соответственно, в изучении древнеегипетских представлений о загробном мире. Это в полной мере относится к проблеме местонахождения Поля жертвоприношений и его значения для фараона.

Если в первой пирамиде с текстами, принадлежащей царю V династии Унису, Поле жертвоприношений упоминается всего 4 раза, то в пирамиде

¹ Автор выражает глубокую благодарность старшему научному сотруднику Центра египтологических исследований РАН кандидату исторических наук Т.А. Шерковой за ценные замечания.

следующего фараона Тети мы встречаем его уже 9 раз. В пирамиде Пепи I число упоминаний возрастает до 24, причем большинство из них не имеют параллелей в двух ранних пирамидах. Следует отметить, что эти данные носят предварительный характер. Если изречения пирамиды Униса сохранились относительно хорошо [1: илл. 1–70], то надписи в пирамидах Тети, Пепи I, Меренра и Пепи II подверглись значительному разрушению [27: s. 120–163]. Имеющиеся лакуны могли содержать упоминания о Поле жертвоприношений. Определенную трудность представляет и тот факт, что «Тексты пирамид» все еще находятся в процессе изучения. Уже более сорока лет Французская археологическая миссия в Саккаре занимается реставрацией разрушенных надписей в царских пирамидах Древнего царства. В результате раскопок исследователям удалось восстановить некоторые изречения, в том числе и параллельные пассажи, которые отсутствуют в издании «Текстов пирамид» К. Зетэ и не упоминаются в работе Т.Д. Аллена [5: p. 61–99]. К сожалению, в настоящее время все еще отсутствуют полные издания текстов из пирамид Тети и Меренра [3: p. 2–3]. Однако, даже предварительный характер наших подсчетов позволяет сделать вывод, что понятие «Поле жертвоприношений» активно использовалось в процессе создания новых изречений для царских пирамид.

Согласно «Текстам пирамид» Поле жертвоприношений занимало довольно заметное место в представлениях о загробном мире [19: p. 5]. Однако, несмотря на его важность в посмертной судьбе царя, детальное описание данного района в источнике отсутствует. Поскольку загробная судьба фараона была теснейшим образом связана с пребыванием на небе, а последнее в «Текстах пирамид» описывалось в основном как водное пространство [4: p. 7–9], то и Поле жертвоприношений должно было обладать этим свойством. Скупые упоминания позволяют предположить, что оно мыслилось как заболоченная местность [23: p. 65–66]. Водная природа данной области загробного мира подтверждается рядом примеров. Во-первых, в «Текстах пирамид» упоминается перевозчик Поля жертвоприношений, к которому царь обращается с просьбой предоставить ему средство для переправы (§ 1193). Во-вторых, в центре самого Поля жертвоприношений находится остров (§ 1216). В-третьих, этот район заполняется водой при наводнении (§ 1205). Существует предположение, что последний параграф представляет собой всего лишь искаженную копию текстов, относящихся к теме заполнения некоего пространства водой (в частности § 1102), и поэтому Поле жертвоприношений якобы упоминается здесь по ошибке [8: p. 66, n. 1]. Однако нам это представляется сомнительным, так как § 1205 записан практически одинаково в пирамидах Пепи I, Меренра и Пепи II. В-четвертых, тексты упоминают каналы Поля жертвоприношений (§ 1214). В-пятых, § 1784 позволяет предположить, что Поля жертвоприношений могли выглядеть как острова посреди Озер бирюзы. К сожалению, упоминание последнего района встречается в источнике лишь дважды. § 936 называет его уже Полем бирюзы. В «Текстах пирамид» понятия «поле» и «озеро» в отношении названий различных районов загробного мира часто взаи-

мозаменяемы [18: р. 175, п. 3]. В Поле бирюзы фараон в числе прочих благ получает и пищу, что, как мы увидим далее, является одним из важнейших мотивов, связанных с Полем жертвоприношений. В частности, в том же § 1784 сказано, что в Полях жертвоприношений находится еда царя. В этой связи высказывается предположение, что Озеро / Поле бирюзы можно рассматривать как эквивалент Поля жертвоприношений [8: р. 53]. Хотя такая интерпретация и возможна, однако, на наш взгляд, данных для нее недостаточно. Более того, ни § 936, ни § 1784 не встречаются в «Текстах саркофагов». Единственное упоминание Озера бирюзы в этом памятнике (СТ III, 203) вновь связывает его с Полем жертвоприношений и получением пищи. К. Зетэ считает, что Поле бирюзы (которое он называет «Поле малахита»), возможно, было тождественно Полю тростника, так как озаряемые солнцем растения должны были напоминать малахит по цвету [28: s. 219]. Однако для такого отождествления также недостаточно данных. В свете же описания Полей жертвоприношений как расположенных среди озер представляется любопытным графическое изображение Поля жертвоприношений на виньете к 110 главе «Книги мертвых», где оно выглядит именно как группа «островов», разделенных каналами. Это изображение появляется уже в «Текстах саркофагов» (СТ V 359–362). Есть упоминание, что в Поле жертвоприношений находятся некие растения, которые царь приветствует и на которые предъявляет права (§ 471). Однако, что это за растения, не уточняется.

Помимо водной природы Поля жертвоприношений в «Текстах пирамид» упоминаются его южная, западная и северная части. Исследователи используют эти указания, в основном, чтобы объяснить ту или иную возможность локализации различных районов загробного мира. § 1086–1087 упоминают, что умерший спускается к южному району Поля жертвоприношений, получив свой трон в Поле тростника (Поле иару). Это позволило высказать предположение, что Поле жертвоприношений находилось севернее Поля тростника или даже само было северной частью последнего [6: s. 89]. К сожалению, Изречение 613, где упоминается западная сторона Поля жертвоприношений (§ 1738), в пирамиде Меренра сохранилось довольно плохо [26: s. 415–416]. Основываясь на издании К. Зетэ, где приводится текст только из этой пирамиды, Р. Краусс указывает, что упоминание западной стороны Поля жертвоприношений не связано напрямую с предполагаемым пересечением Канала *h3* [21: s. 27–28]. Местонахождение, значение и название этого водного пространства интерпретируют по-разному [21: s. 14–17]. Однако Изречение 613 в пирамиде Пепи I сохранилось гораздо полнее [9: р. 186; pl. XXII]. Оно содержит обращение к перевозчику Канала *h3* предоставить царю лодку, в которой он сможет переправиться к Полю жертвоприношений, а точнее к его западной части. В северной же области Поля жертвоприношений располагается некий водный поток (§ 1198–1199), и, вероятно, в ней же находятся каналы и пруды, из которых умерший надеется пить воду (§ 1200). Как видим, упоминания о различных сторонах Поля жертвоприношений не проясняют его топографию и лишь подчеркивают его связь с водой.

С проблемой топографии Поля жертвоприношений тесно связан и вопрос о его местонахождении. Свидетельства «Текстов пирамид» позволяют решить его по-разному. Зачастую исследователи вынуждены опираться не на прямые указания конкретных изречений, содержащих это понятие, а на указания других текстов из данного источника. Отсюда и такое разнообразие мнений о местонахождении Поля жертвоприношений в египтологической литературе. Оно описывается как расположенное в западной части неба [31: р. 94], на северо-востоке неба [8: р. 14], в восточной части неба [20: s. 73]. Д. Аллен указывает, что Поле жертвоприношений должно было располагаться на окраине неба, на высоте около 30° градусов над горизонтом в области околополярных звезд [4: р. 9]. Впоследствии исследователь уточняет, что Поле жертвоприношений располагалось к северу от эклиптики [3: р. 9]. Этой же концепции придерживается и Р. Краусс [21: s. 275]. С. Мерсер замечает, что изначально этот район был связан с «солярной доктриной» и рассматривался как расположенный на востоке неба. Однако впоследствии в результате развития «осирической доктрины», он «переместился» на запад [23: р. 67]. Некоторые исследователи даже рассматривают это понятие как синоним слова «небо» [15: р. 110]. Г. Франкфорт указывает, что Поле жертвоприношений было скорее абстрактным понятием, которым обозначалось постоянное путешествие покойного царя вместе со звездами и с солнцем, собственно, представляющее его загробную жизнь в «Текстах пирамид» [16: р. 119]. То есть, по сути, Поле жертвоприношений могло быть обозначением любого места на небе, где царь желал пребывать после смерти [23: р. 68].

Рассмотрим указания на местонахождение Поля жертвоприношений, которые встречаются в «Текстах пирамид». § 1216 упоминает, что в центре этого района находится остров, где пребывают «Незаходящие», или «Вечные», звезды. Интересно отметить, что Вечные звезды, согласно § 1220, властвовали над жертвоприношениями. § 749 призывает царя пребывать в Поле жертвоприношений среди Вечных звезд, которые здесь названы спутниками Осириса. Связь Осириса с Вечными звездами прослеживается и в § 1201. «Вечными» египтяне называли околополярные звезды [7: s. 1]. Еще в ранней древности они заметили, что все звезды «движутся» по небу и в конечном итоге пропадают за горизонтом, и только околополярные всегда остаются на небосводе [2: с. 59]. Со временем их стали считать символом бессмертия. Поэтому нахождение среди них места, куда стремился попасть покойный, выглядит вполне логичным. Если фараон станет Вечной звездой, то он не умрет (§ 1468–1469). Ориентация царских погребальных комплексов на север, связанная, как считается, именно с околополярными звездами, появляется задолго до записи «Текстов пирамид» [32: р. 1137–1141]. Она же находит отражение и в конструкции пирамид с текстами, входы в которые расположены на их северных гранях. Связь царя с Вечными звездами прослеживается во многих изречениях «Текстов пирамид» [14: р. 155–157]. Исследователи расходятся во мнениях относительно того, существует ли в «Текстах пирамид» наряду с «солярной» концепцией загробного мира не связанная с ней «астральная». К примеру, В. Барта утверждает, что околополярные звезды в этом

источнике и по своим функциям, и по своему положению на небе были целиком включены в цикл движения солнца [7: с. 4]. Р. Краусс же указывает, что в изречениях присутствуют отдельно «солярный» и «астральный» пласты представлений, а также наблюдается их комбинирование [21: с. 285]. Некоторые изречения «Текстов пирамид» подтверждают, что обителью «Вечных звезд» считалась именно северная часть неба (§ 818, 1080, 1220). § 1000 уточняет их местонахождение как северный район восточной части неба. На широте Каира небесный северный полюс находится на высоте около 30° над горизонтом [4: р. 9]. Поэтому Поле жертвоприношений и рассматривается некоторыми исследователями как расположенное на северо-восточной окраине неба [8: р. 14; 7: с. 4; 4: р. 9].

В другом отрывке Поле жертвоприношений связывается не только с Вечными звездами, но и с Утренней звездой, которая служит царю проводником в этот район (§ 1123). Возможно, что Утренней звездой называли яркое небесное тело, которое можно было наблюдать перед рассветом вблизи восточного горизонта [10: р. 46]. Некоторые исследователи отождествляют Утреннюю звезду с Венерой (например, [14: р. 161]). Исследуя Изречение 519, где описывается путешествие царя вместе с Утренней звездой, Р. Краусс замечает, что «большой остров», находящийся в Поле жертвоприношений, должен был располагаться в районе эклиптики за пределами собственно околополярной области [21: с. 129].

Однако существуют и другие варианты локализации Поля жертвоприношений. К примеру, в § 2062 упоминаются пути неба и Поля жертвоприношений. В данном случае эта область как будто рассматривается, словно находящаяся вне пределов собственно неба. Интересно отметить, что богов этими путями ведет Хор Шесметский. Существует мнение, что путь, которым Хор идет к Полю жертвоприношений, находится в Поле тростника, поскольку оба района граничат друг с другом, что подтверждается § 1086–1087 [8: р. 55]. В отдельных изречениях «Текстов пирамид» они, похоже, действительно упоминаются как расположенные по соседству, благодаря чему умерший может перемещаться из одного в другое (§ 289, 749, 1086–1087, 1205). Однако существуют и свидетельства обратного. В частности в § 1164–1165 указано, что после очищения в Поле тростника царь должен пересечь небо, дабы обрести свое место в Поле жертвоприношений. Проблема взаимосвязи между Полем жертвоприношений и Полем тростника весьма сложна и требует отдельного изучения. Название «Шесмет» относится к району в Восточной Дельте или же к области в пустыне к востоку от Дельты [17: с. 1574]. Есть также предположение, что так называлась гористая область к востоку от долины Нила, в особенности район Вади Хаммамат и Вади Газус [30: р. 390, п. 1]. В любом случае Хор Шесметский оказывается связанным с востоком. В изречениях, описывающих очищение богов и царя на рассвете, повторяется одна и та же формула об открытии дверей неба для бога, чтобы он мог подняться и очиститься в Поле тростника. В качестве бога, к которому это относится, называется Хор богов, Хор горизонта, Хор востока и Хор Шесметский (§ 525–528, 981–983 (без упоминания Хора горизонта), 1408–1415). Очищение на рассвете происходило на востоке, в области, представлявшей собой водное

пространство, ибо для переправы богов через него им необходимо связать вместе тростниковые плоты. Поскольку Хор Шесметский принимал участие в этом ритуале (§ 528, 983, 987, 1136, 1409, 1413), то он оказывается связанным с идеей восхода солнца на востоке. Под «путями», по которым Хор Шесметский вел богов, могли иметься в виду не только сухопутные, но и водные [4: р. 9, п. 61]. Вероятно, можно в данном случае рассматривать Поле жертвоприношений как связанное с областью рассвета, то есть с востоком, однако, находящееся еще за пределами собственно неба, в некоем пограничном районе.

Как нам представляется, в этом же ключе можно рассматривать и свидетельства § 1205–1206, где заполнение Поля жертвоприношений водой связано с путешествием к богам восточного горизонта и подготовкой тростниковых плотов, на которых Ра переправляется к своему горизонту.

§ 698 указывает, что умерший бродит (*wnwn*) по Полям жертвоприношений, являясь оком Ра (см., например, [13: р. 131; 3: р. 278]). Высказывалось предположение, что в данном случае этот район связан с южной частью неба, где проходит дневное движение солнца [8: р. 56]. Однако око Ра здесь описывается не какдвигающееся по дневному небу, а как проводящее ночь. Его зачинают и рожают на рассвете. Как представляется, здесь могла иметь место определенная игра слов. Глагол *wnwn* имеет в числе прочих и значение «двигаться в материнской утробе» [17: s. 347; 12: s. 318]. В этой связи представляется интересной и персонификация (а точнее обожествление) Полей жертвоприношений в варианте текста из пирамиды Тети, где их название выписано с детерминативом бога. Речь здесь идет, таким образом, о божестве, внутри которого «двигается» солнце. Это то место, где ночью пребывает солнце, перед тем как родиться. В таком случае Поле / Поля жертвоприношений, вероятно, следует рассматривать как находящиеся в утробе богини неба. Отметим в этой связи и свидетельство § 471, где царь приветствует Поле жертвоприношений, и оно ему отвечает. Несмотря на то, что в данном контексте Поле определено представляется как некое одушевленное существо, само словосочетание не выписывается с детерминативом бога.

Пребывание в Поле жертвоприношений умершего царя имело большое значение. В нескольких изречениях Поле жертвоприношений упоминается в качестве района, куда царь стремится попасть (§ 284, 563, 1203, 1738), превращаясь в цель его путешествия. Иногда оно названо местом пребывания фараона (§ 749, 1165, 1249, 1253). Как правило, общий контекст этих изречений связан с идеей воскресения и трансформации, происходящими с фараоном, и с его восхождением на небо, а также с получением им жертвоприношений. Интересным представляется § 289, где говорится, что богиня Тефнут создает (*smn*) для покойного участок обрабатываемой земли в Полях жертвоприношений. Несмотря на это, в тексте нет указания, что царь выполняет какие-либо сельскохозяйственные работы в этом районе загробного мира. В источниках более позднего времени, где речь идет уже не только о фараоне, сельскохозяйственные работы становятся одним из главных занятий покойного в этой области. В качестве наиболее яркой иллюстрации сельскохозяйственных работ в загробном мире можно

рассматривать виньетку к 110 главе «Книги мертвых», где усопший изображен вспахивающим поле и жнущим колосья. При этом следует отметить, что § 289 найден только в пирамидах Униса и Тети. В «Текстах пирамид» идея о том, что фараон мог выращивать ячмень и жать эммер, связана с другим районом загробного мира — Поле тростника (§ 874). Следует подчеркнуть, что данный параграф в «Текстах пирамид» представляет собой единственное упоминание, связывающее эту область с сельскохозяйственными работами. К тому же он не найден ни в пирамиде Униса, ни в пирамиде Тети. Другие изречения «Текстов пирамид» свидетельствуют, что царь получает ячмень и эммер от богов безо всяких усилий со своей стороны (§ 657, 1059).

§ 1196 упоминает, что царь участвует в создании Поля жертвоприношений. В вариантах текста в пирамидах Меренра и Пепи II фараон предстает межевым шнуром [17: s. 923], которым было отмерено Поле жертвоприношений, а в пирамиде Пепи I царь назван горшечником, который сотворил эту область.

Важен тот факт, что Поле жертвоприношений в «Текстах пирамид» часто упоминается в связи с обеспечением существования царя в загробном мире. § 1200 свидетельствует, что фараон питается с полей и пьет из прудов, которые находятся в Поле жертвоприношений. В § 1784 указано, что его пища находится в этом районе. § 130 связывает Поле жертвоприношений с идеей утоления жажды. Общий же контекст Изречения 210 (§ 126–130) защищает покойного от опасности есть нечистоты и подтверждает его желание питаться тем же, чем питаются боги. Контекст Изречения 347 (§ 563–564) также связан с получением пищи в качестве жертвоприношения, которое обеспечивает царю его ка. В Изречении 419, в состав которого входит § 749, Анубис обеспечивает царю получение различных подношений, входящих в состав типичной жертвенной формулы. Таким образом, Поле жертвоприношений в «Текстах пирамид» тесно связано с идеей обеспечения царя всем необходимым в загробном мире. Некоторые исследователи даже полагают, что свое название данный район получил именно благодаря этому [8: p. 52; 15: p. 110].

Помимо всяческих благ, с которыми связано для фараона плавание к Полю жертвоприношений или пребывание в нем, в «Текстах пирамид» существует и упоминание об опасности этой области загробного мира. § 1212 утверждает, что умершему царю необходим гарпун, дабы поражать головы имеющихся здесь врагов. Существует предположение, что эти недруги появляются здесь из-за включения Поля жертвоприношений во владения Осириса [8: p. 60], более того, сам этот район «распространяется» на подземный мир. Однако существует и иная трактовка этого отрывка, «оставляющая» Поле жертвоприношений на небе. В качестве врагов выступают звезды в зоне эклиптики, в которой движется Утренняя звезда — Венера [21: s. 281]. В любом случае упоминание об опасности этой области для фараона — единственное в «Текстах пирамид».

Подводя итоги, отметим соотношение Поля жертвоприношений с различными богами, что позволяет уточнить проблему местонахождения этого района и его значения для фараона. В надписях пирамиды Униса, как указывалось, содержатся

всего четыре упоминания Поля жертвоприношений, которые связывают его с Ра и Тотом (вероятно, в данном случае олицетворяющих солнце и луну) и богиней Тефнут. Таким образом, в самой первой пирамиде Поле жертвоприношений еще не связано ни с Вечными звездами, ни с Осирисом. Упоминание об этом появится уже в текстах пирамиды Тети. В дальнейшем связь этого района с Вечными звездами, Осирисом, Исидой, Утренней звездой и Сотис продолжает развиваться. Однако, оно не перестает упоминаться в связи с Шу и Тефнут. Более того, появляются новые тексты, помещающие первую пару богов в этот район и связывающие его напрямую с гелиопольской космогонией (§ 1249).

Таким образом, в «Текстах пирамид» прослеживается определенное развитие и усложнение концепции Поля жертвоприношений. Можно высказать предположение, что Поле жертвоприношений связывается в основном с ночным небом или, во всяком случае, с предрассветным. Причем речь идет о небе не как о видимой части вселенной, а как о мифической реальности. Местонахождение Поля жертвоприношений в ней, таким образом, определяется не столько «географическими» критериями, сколько временными. Что касается значения этого района в «Текстах пирамид», то он теснейшим образом связан с идеей воскресения, трансформации и обеспечения царя всем необходимым в загробном мире, в первую очередь пищей и питьем. К тому же, если высказанные предположения верны, то этот район приобретает важное значение, связанное с ежедневным рождением или же прохождением солнца.

Литература

1. Тексты Пирамид / Под общ. ред. А.С. Четверухина. – СПб.: Журнал «Нева»; «Летний сад», 2000. – 464 с.
2. Уилсон Д. Египет: природа вселенной. Географические факторы / Д. Уилсон // Франкфорт Г. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Г. Франкфорт, Г.А. Франкфорт, Д. Уилсон, Т. Якобсен. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – С. 45–70.
3. Allen J. P. The Ancient Egyptian Pyramid Texts (Writing from the Ancient World 23) / J.P. Allen. – Atlanta: Society of Biblical Literature, 2005. – x + 471 p.
4. Allen J. P. The Cosmology of the Pyramid Texts / J.P. Allen // Simpson W.K. (ed.) Religion and Philosophy in Ancient Egypt (Yale Egyptological Studies 3). – New Haven: Yale University, 1989. – P. 1–28.
5. Allen T. G. Occurrences of Pyramid Texts with Cross Indexes of These and Other Egyptian Mortuary Texts (Studies in Ancient Oriental Civilization 27) / T.G. Allen. – Chicago: The University of Chicago Press, 1950. – vii + 149 p.
6. Barta W. Die Bedeutung der Pyramidentexte für den verstorbenen König (Münchener Ägyptologische Studien 39) / W. Barta. – München; Berlin: Deutscher Kunstverlag, 1981. – xi + 180 s.
7. Barta W. Funktion und Lokalisierung der Zirkumpolarsterne in den Pyramidentexten / W. Barta // Zeitschrift für ägyptische Sprache and Altertumskunde. – 1980. – Bd. 107. – S. 1–4.

8. *Bayoumi A.* Autour du Champ des Souchets et du Champ des Offrandes / A. Bayoumi. – Le Caire: Imprimerie Nationale Boulac, 1940. – 123 p.
9. *Berger-El Naggar C.* Les textes de la pyramide de Pépy Ier (Mémoires de l'Institut français d'archéologie orientale 118/1-2) / C. Berger-El Naggar, J. Leclant, B. Mathieu, I. Pierre-Croisiau. – Vol. 1: Description et analyse. – Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2001. – viii + 279 p.; Vol. 2: Fac-similés – XL pl.
10. *Briggs R. E.* Astronomy in the Pyramid Texts / R.E. Briggs // Mercer S. A. B. The Pyramid Texts in Translation and Commentary. – Vol. IV: Excurses. – New York; London; Toronto: Longmans Green and Co., 1952. – P. 38–49.
11. *von Droste zu Hülshoff V.* Der Igel im alten Ägypten (Hildesheimer Ägyptologische Beiträge, 11) / V. von Droste zu Hülshoff. – Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1980. – xiv + 302 s.
12. *Erman A.H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache / A. Erman, H. Grapow (Hrsgs.). – Bd. I. – Berlin: Akademie-Verlag, 1971. – xv + 583 s.
13. *Faulkner R. O.* The Ancient Egyptian Pyramid Texts Translated into English / R.O. Faulkner. – Warminster: Aris & Phillips Ltd., 1969. – xiii + 331 p.
14. *Faulkner R. O.* The King and the Star-Religion in the Pyramid Texts / R.O. Faulkner. – Journal of Near Eastern Studies. – 1966. – XXV. – P. 153–161.
15. *Frankfort H.* Ancient Egyptian Religion: An Interpretation / H. Frankfort. – New York: Columbia University Press, 1948. – xiv + 172 p.
16. *Frankfort H.* Kingship and the Gods: A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society & Nature / H. Frankfort. – Chicago: The University of Chicago Press, 1948. – xxv + 444 p.
17. *Hannig R.* Ägyptisches Wörterbuch I: Altes Reich und Erste Zwischenzeit (Kulturgeschichte der antiken Welt 98) / R. Hannig. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2003. – cv + 1681 s.
18. *Hays H. M.* Transformation of Context: The Field of Rushes in Old and Middle Kingdom Mortuary Literature / H.M. Hays // Bickel S., Mathieu B. (éd.) D'un monde à l'autre. Textes des Pyramides & Textes des Sarcophages: Actes de la table ronde internationale "Textes des Pyramides versus Textes des Sarcophages", Ifao – 24–26 septembre 2001 (Bibliothèque d'étude 139) / Éd. S. Bickel, B. Mathieu. – Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2004. – P. 175–200.
19. *Hornung E.* The Ancient Egyptian Books of the Afterlife / E. Hornung. – Ithaca; London: Cornell University Press, 1999. – xxii + 188 p.
20. *Kees H.* Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Ägypten. Grundlagen und Entwicklung bis zum Ende des Mittleren Reiches / H. Kees. – Berlin: Akademie-Verlag, 1956. – 315 s.
21. *Krauss R.* Astronomische Konzepte und Jenseitsvorstellungen in den Pyramidentexten (Ägyptologische Abhandlungen 59) / R. Krauss. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. – xvi + 297 s.
22. *Leonardi I.* De la vogue de *šht-ḥtp* à l'Ancien Empire. Recherche de probables prototypes de la vignette CT V, 353 – CT V 363 § 466 parmi les mastabas de cette période / I. Leonardi // Bulletin de la Société d'Égyptologie Genève. – 1989. – № 13. – P. 103–106.
23. *Mercer S. A. B.* The Pyramid Texts in Translation and Commentary / S.A.B. Mercer. – Vol. IV: Excurses. – New York; London; Toronto: Longmans Green and Co., 1952. – 327 p.

24. *Moussa A. M.* Das Grab des Nianchnum und Chnumhotep (Archäologische Veröffentlichungen 21) / A.M. Moussa, H. Altenmüller. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1977. – 179 s.

25. *Satzinger H.* Das Kunsthistorische Museum in Wien: die Ägyptisch-Orientalische Sammlung (Zaberns Bildbände zur Archäologie 14) / H. Satzinger. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1994. – 120 s.

26. *Sethe K.* Die altägyptischen Pyramidentexte, nach den Papierabdrücken und Photographien des Berliner Museums, neu herausgegeben und erläutert / K. Sethe. – Bd. II. – Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 1987. – 543 s.

27. *Sethe K.* Die altägyptischen Pyramidentexte, nach den Papierabdrücken und Photographien des Berliner Museums, neu herausgegeben und erläutert / K. Sethe. – Bd. III–IV. – Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 1987. – viii + 179 s. + 130 s.

28. *Sethe K.* Übersetzung und Kommentar zu den altägyptischen Pyramidentexten / K. Sethe. – Bd. IV. – Glückstadt; Hamburg; New York: Verlag von J.J. Augustin, 1939. – 376 s.

29. *Speleers L.* Les Textes des Pyramides égyptiennes / L. Speleers. – Tome deuxième: Vocabulaire. – Bruxelles: Vanderpoorten, 1924. – ii + 128 p.

30. *Spiegel J.* Das Auferstehungsritual der Unaspiramide / J. Spiegel // Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. – 1955. – Tome 53. – P. 339–439.

31. *Weill R.* Le Champ des Roseaux et le Champ des Offrandes dans la religion funéraire et la religion générale / R. Weill. – Paris: Paul Geuthner, 1936. – xi + 176 p.

32. *Wilkinson T. A. H.* Before the Pyramids: Early Development in Egyptian Royal Funerary Ideology / T.A.H. Wilkinson // Hendrickx S. Egypt at Its Origins: Studies in Memory of Barbara Adams. Proceedings of the International Conference “Origin of the State, Predynastic and Early Dynastic Egypt”, Krakow, 28 August – 1 September 2002 (Orientalia Lovaniensia analecta 138) / Ed. S. Hendrickx, R.F. Friedman, K.M. Ciałowicz, M. Chłodnicki. – Leuven; Paris; Dudley: Peeters Publishers & Department of Oriental Studies, 2004. – P. 1129–1142.

33. *Ziegler C.* Le mastaba d'Akhetetep. Une chapelle funéraire de l'Ancien Empire / C. Ziegler. – Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 1993. – 235 p.

Literatura

1. Teksty' Piramid / Pod obsh. red. A.S. Chetveruxina. – SPb.: Zhurnal «Neva»; «Letnij sad», 2000. – 464 s.

2. *Uilson D.* Egipet: priroda vselennoj. Geograficheskie faktory' / D. Uilson // Frankfort H. V preddverii filosofii. Duxovny'e iskaniya drevnego cheloveka / G. Frankfort, G.A. Frankfort, D. Uilson, T. Yakobsen. – M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury' izdatel'stva «Nauka», 1984. – S. 45–70.

3. *Allen J. P.* The Ancient Egyptian Pyramid Texts (Writing from the Ancient World 23) / J.P. Allen. – Atlanta: Society of Biblical Literature, 2005. – x + 471 p.

4. *Allen J. P.* The Cosmology of the Pyramid Texts / J.P. Allen // Simpson W.K. (ed.) Religion and Philosophy in Ancient Egypt (Yale Egyptological Studies 3). – New Haven: Yale University, 1989. – P. 1–28.

5. *Allen T. G.* Occurrences of Pyramid Texts with Cross Indexes of These and Other Egyptian Mortuary Texts (Studies in Ancient Oriental Civilization 27) / T.G. Allen. – Chicago: The University of Chicago Press, 1950. – vii + 149 p.

6. *Barta W.* Die Bedeutung der Pyramidentexte für den verstorbenen König (Münchener Ägyptologische Studien 39) / W. Barta. – München; Berlin: Deutscher Kunstverlag, 1981. – xi + 180 s.
7. *Barta W.* Funktion und Lokalisierung der Zirkumpolarsterne in den Pyramidentexten / W. Barta // Zeitschrift für ägyptische Sprache and Altertumskunde. – 1980. – Bd. 107. – S. 1–4.
8. *Bayoumi A.* Autour du Champ des Souchets et du Champ des Offrandes / A. Bayoumi. – Le Caire: Imprimerie Nationale Boulac, 1940. – 123 p.
9. *Berger-El Naggar C.* Les textes de la pyramide de Pépy Ier (Mémoires de l'Institut français d'archéologie orientale 118/1-2) / C. Berger-El Naggar, J. Leclant, B. Mathieu, I. Pierre-Croisau. – Vol. 1: Description et analyse. – Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2001. – viii + 279 p.; Vol. 2: Fac-similés – XL pl.
10. *Briggs R. E.* Astronomy in the Pyramid Texts / R.E. Briggs // Mercer S. A. B. The Pyramid Texts in Translation and Commentary. – Vol. IV: Excurses. – New York; London; Toronto: Longmans Green and Co., 1952. – P. 38–49.
11. *von Droste zu Hülshoff V.* Der Igel im alten Ägypten (Hildesheimer Ägyptologische Beiträge, 11) / V. von Droste zu Hülshoff. – Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1980. – xiv + 302 s.
12. *Erman A.H.* Wörterbuch der aegyptischen Sprache / A. Erman, H. Grapow (Hrsgs.). – Bd. I. – Berlin: Akademie-Verlag, 1971. – xv + 583 s.
13. *Faulkner R. O.* The Ancient Egyptian Pyramid Texts Translated into English / R.O. Faulkner. – Warminster: Aris & Phillips Ltd., 1969. – xiii + 331 p.
14. *Faulkner R. O.* The King and the Star-Religion in the Pyramid Texts / R.O. Faulkner. – Journal of Near Eastern Studies. – 1966. – XXV. – P. 153–161.
15. *Frankfort H.* Ancient Egyptian Religion: An Interpretation / H. Frankfort. – New York: Columbia University Press, 1948. – xiv + 172 p.
16. *Frankfort H.* Kingship and the Gods: A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society & Nature / H. Frankfort. – Chicago: The University of Chicago Press, 1948. – xxv + 444 p.
17. *Hannig R.* Ägyptisches Wörterbuch I: Altes Reich und Erste Zwischenzeit (Kulturgeschichte der antiken Welt 98) / R. Hannig. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2003. – cv + 1681 s.
18. *Hays H. M.* Transformation of Context: The Field of Rushes in Old and Middle Kingdom Mortuary Literature / H.M. Hays // Bickel S., Mathieu B. (éd.) D'un monde à l'autre. Textes des Pyramides & Textes des Sarcophages: Actes de la table ronde internationale "Textes des Pyramides versus Textes des Sarcophages", Ifao – 24–26 septembre 2001 (Bibliothèque d'étude 139) / Éd. S. Bickel, B. Mathieu. – Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2004. – P. 175–200.
19. *Hornung E.* The Ancient Egyptian Books of the Afterlife / E. Hornung. – Ithaca; London: Cornell University Press, 1999. – xxii + 188 p.
20. *Kees H.* Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Ägypten. Grundlagen und Entwicklung bis zum Ende des Mittleren Reiches / H. Kees. – Berlin: Akademie-Verlag, 1956. – 315 s.
21. *Krauss R.* Astronomische Konzepte und Jenseitsvorstellungen in den Pyramidentexten (Ägyptologische Abhandlungen 59) / R. Krauss. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. – xvi + 297 s.

22. *Leonardi I.* De la vogue de *sh-t-htp* a l'Ancien Empire. Recherche de probables prototypes de la vignette CT V, 353 – CT V 363 § 466 parmi les mastabas de cette période / I. Leonardi // Bulletin de la Société d'Égyptologie Genève. – 1989. – № 13. – P. 103–106.

23. *Mercer S. A. B.* The Pyramid Texts in Translation and Commentary / S.A.B. Mercer. – Vol. IV: Excurses. – New York; London; Toronto: Longmans Green and Co., 1952. – 327 p.

24. *Moussa A. M.* Das Grab des Nianchnum und Chnumhotep (Archäologische Veröffentlichungen 21) / A.M. Moussa, H. Altenmüller. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1977. – 179 s.

25. *Satzinger H.* Das Kunsthistorische Museum in Wien: die Ägyptisch-Orientalische Sammlung (Zaberns Bildbände zur Archäologie 14) / H. Satzinger. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1994. – 120 s.

26. *Sethe K.* Die altägyptischen Pyramidentexte, nach den Papierabdrücken und Photographien des Berliner Museums, neu herausgegeben und erläutert / K. Sethe. – Bd. II. – Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 1987. – 543 s.

27. *Sethe K.* Die altägyptischen Pyramidentexte, nach den Papierabdrücken und Photographien des Berliner Museums, neu herausgegeben und erläutert / K. Sethe. – Bd. III–IV. – Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 1987. – viii + 179 s. + 130 s.

28. *Sethe K.* Übersetzung und Kommentar zu den altägyptischen Pyramidentexten / K. Sethe. – Bd. IV. – Glückstadt; Hamburg; New York: Verlag von J.J. Augustin, 1939. – 376 s.

29. *Speleers L.* Les Textes des Pyramides égyptiennes / L. Speleers. – Tome deuxième: Vocabulaire. – Bruxelles: Vanderpoorten, 1924. – ii + 128 p.

30. *Spiegel J.* Das Auferstehungsritual der Unaspyramide / J. Spiegel // Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. – 1955. – Tome 53. – P. 339–439.

31. *Weill R.* Le Champ des Roseaux et le Champ des Offrandes dans la religion funéraire et la religion générale / R. Weill. – Paris: Paul Geuthner, 1936. – xi + 176 p.

32. *Wilkinson T. A. H.* Before the Pyramids: Early Development in Egyptian Royal Funerary Ideology / T.A.H. Wilkinson // Hendrickx S. Egypt at Its Origins: Studies in Memory of Barbara Adams. Proceedings of the International Conference “Origin of the State, Predynastic and Early Dynastic Egypt”, Krakow, 28 August – 1 September 2002 (Orientalia Lovaniensia analecta 138) / Ed. S. Hendrickx, R.F. Friedman, K.M. Ciałowicz, M. Chłodnicki. – Leuven; Paris; Dudley: Peeters Publishers & Department of Oriental Studies, 2004. – P. 1129–1142.

33. *Ziegler C.* Le mastaba d'Akhethetep. Une chapelle funéraire de l'Ancien Empire / C. Ziegler. – Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 1993. – 235 p.

Б.В. Коптелов

Оппозиция императорской власти в восточных провинциях Римской империи (364–378 гг.)

Во второй половине IV века н.э. Римская империя переживала один из наиболее сложных этапов своего существования. Единство и охрана рубежей государства требовали от власти больших затрат и усилий, войны, как внутренние, так и внешние, приносили большой ущерб и ослабляли военный потенциал. Естественно, росли налоги и в целом государственный гнет, содержание управленческого аппарата и армии требовало все новых средств. В социальной сфере заметно ослабление городских курий, рост значения крупной земельной знати и ухудшение положения низов, в частности, колонов и мелких землевладельцев, а также сельских общин. Все эти процессы усиливали социальную напряженность. Идеальная жизнь в империи была отмечена дуализмом верований — христианства и язычества, конфликтами внутри христианской церкви между арианами и никейцами; попытки восстановить язычество при императоре Юлиане в 361–363 годах отражали сложность идеологической ситуации в империи. В целом происходил переломный этап развития от империи старого типа, связанной с античными ценностями и язычеством, к государству по существу новому — христианскому.

Особое место в этом периоде занимает правление Валента (364–378 гг.) [11: р. 14–67; 10: р. 78–110], власть которого распространялась на восточные провинции империи, и при котором переход от старого к новому стал во многом очевидным. Валент был незнатного происхождения, уроженец Паннонии и выдвинулся на высочайший пост в империи лишь благодаря своему брату Валентиниану, которого войска провозгласили Августом в 364 г. в Малой Азии. Валент стал императором не в силу каких-либо заслуг и не из-за популярности, а вследствие того, что брат выбрал его своим соправителем и разделил империю с ним. Валент был мало образован, ленив, нерешителен, склонен к жестокости, к тому же не отличался привлекательной внешностью [1: кн. 31.14.5–7]. Авторитет императорской власти при нем заметно снизился. С самого начала его правления в 365 году восстал родственник Юлиана Отступника Прокопий, объявивший о своих претензиях на высшую власть, и он был даже провозглашен императором в Константинополе. Валент подавил восстание благодаря измене войск Прокопия узурпатору. Достаточно быстро проявилась деспотическая натура Валента, его солдатский стиль поведения. Тесть императора Петроний, быстро возведенный в ранг патриция, своим поведением портил облик правле-

ния Валента. Уже с 364 года проводились жесткие финансовые меры по взысканию недоимок, даже если они имели большую давность, осуществлялись различные вымогательства, вследствие чего, по словам Аммиана Марцеллина, «много домов, как бедных, так и знатных» пришли в запустение, а граждане и солдаты ожидали «еще более тяжелого положения в будущем» [1: кн. 26.6.9]. Наряду с этим Валент «сурово поддерживал военную и гражданскую дисциплину» [1: кн. 31.14.1], старался пресекать казнокрадство правителей провинций и защищать людей из низов от чрезмерных налоговых взысканий и произвола богатых и влиятельных лиц. Очевидно, если судить по сохранившимся данным, что Валент проводил двойственную линию, позволяя себе делать то, что запрещалось простым чиновникам, например, изъятие собственности у части имущего слоя населения. Кроме того, в общении Валент был груб и вспыльчив, что отталкивало от него многих и возбуждало недовольство, особенно среди некоторых представителей знати [1: кн. 31.14.6–7]. В религиозной сфере он старался держаться средней, компромиссной линии, поддерживая арианское направление в церкви и оставляя свободу для языческих культов. Однако оппозиционные настроения были неизбежны в силу целого комплекса причин, одна из которых наиболее очевидна: власть Валента, формально легитимная, на деле была очень шаткой, поскольку не опиралась на широкие общественные институты, на поддержку значительных слоев населения.

Здесь важно остановиться на причинах и характере оппозиции власти Валента, оценить последствия этого явления, его влияние на внутренние процессы социальной жизни империи. Наиболее ценные и подробные сведения об оппозиции Валенту содержатся у Аммиана Марцеллина в 29 книге его труда, посвященной событиям 371–373 гг. Однако в изложении Аммиана остается достаточно много неясностей, хотя сам историк был современником и даже свидетелем происходящего в восточных провинциях. Он сообщает, что достаточно случайно стали обнаруживаться факты, говорящие о государственной измене некоторых видных лиц [1: кн. 29.1.5–7]. Сначала к суду префекта претория вызвали колдуна Палладия, человека незнатного происхождения, и Гелиодора, «толкователя судеб по гороскопу», которые были наняты придворными Анатолием и Спудасием, ранее привлеченными к ответственности за растрату казенных денег и якобы покушавшихся на жизнь чиновника, настойчиво взыскивавшего с них присвоенную сумму. Донос на Анатолия и Спудасия сделал некто Прокопий, по оценке Аммиана, беспокойный человек и интриган [1: кн. 29.1.5]. Таким образом, видно, что при дворе Валента была почва для возникновения антиимператорского заговора, поскольку двое придворных подвергались взысканию за растрату и обращались к людям, опытным в магии, возможно, для наведения порчи на кого-то из видных лиц и не исключено, что и на императора. После этого Палладий заявил, что ему известно нечто более важное, которое «может привести в смятение весь мир» [1: кн. 29.1.6]. Так было обнаружено, что бывший правитель провинции Фидустий и некоторые другие лица, среди которых выделялись придворный Гиларий, опытный в прорицаниях, и некто Патриций, спрашивали оракула об имени буду-

щего императора. Полученное предсказание гласило, что возвысится «превосходный государь», а самих вопрошавших постигнет «горестный конец». Фидустиий под пыткой назвал имя Феодора, нотариия второго ранга, который выделялся своими личными качествами и знатностью и «пользовался расположением как у высших, так и у низших» [1: кн. 29.1.8]... *visus est aliis excellere Theodorus, secundum inter notarios adeptus iam gradum... namque antiquitus claro genere in Galliis natus et liberaliter educatus a primis pueritiae rudimentis, modestia, prudentia, humanitate, gratia, litteris ornatissimus ... altis humilibusque iuxta acceptus.* (Ammianus Marcellinus URL: <http://www.thelatinlibrary.com/ammianus.html>). Согласно Аммиану, подозрение пало на Феодора еще раньше, чем на него указал Фидустиий. При этом выяснилось, что Феодор узнал о предсказании от Евсерия, незадолго перед этим вице-префекта Азии, человека, отличавшегося ученостью и уважаемого. Почему именно Феодор занял, хотя, может быть и не по своей воле, видное положение среди заговорщиков? Ведь они решили, что оракул указывает именно на этого нотариия как на преемника Валента. Необходимо уточнить место и роль нотарииев в системе управления того времени. Нотарии составляли особую школу при дворе и в круг их обязанностей входило ведение протоколов заседаний императорского совета, вопросы гражданского и военного чиновпроизводства, а также выполнение особых поручений. Значение нотарииев начало особенно проявляться при Констанции II (337–361 гг.), когда некоторые из них стали особо доверенными придворными. Возможно, при Валенте роль нотарииев изменилась — среди них появляется больше знатных лиц и сама должность превращается в почетный титул, который не всегда предусматривал выполнение обязанностей секретаря. Во всяком случае, видно, что Феодор отличался родовитостью, и незаметно, чтобы он был обычным протоколистом.

Валент велел провести строгое расследование обнаружившегося заговора, причем важную роль в раскручивании судебного процесса играл префект претория Модест. Суд происходил в Антиохии, куда доставили Феодора, находившегося в то время в Константинополе по делам, также были арестованы многие знатные и сановные лица. Расследование показало, что измена действительно была, причем заговорщики с помощью оракула собирались возвести на престол Феодора, видя в нем того государя, на которого указывали три буквы «фео» в ходе гадания. Проконсул Азии Евтропий был привлечен к суду, но оправдан, казни через удушение были преданы Феодор, Фидустиий, Патриций, Гиларий, Евсерий и многие другие лица, которых Аммиан персонально не называет. Необходимо ответить на ряд возникающих вопросов. Аммиан называет происходящее очевидной государственной изменой [1: кн. 29.1.4] и не отрицает, что угроза жизни Валента была реальной, но было ли в действительности намерение устроить покушение на императора? Необходимо уточнить, сводилось ли все к обычной оппозиционности или занятиям магией, или существовали более серьезные планы? В реальности по сообщениям Аммиана нелегко судить о характере и причинах оппозиции. Историк пишет о том, что Валент едва не стал жертвой государственной измены, следовательно, заговор был, и он не сводился лишь к вопрошению оракула

о будущем правителе. Сложнее определить мотивы заговорщиков и оппозиционеров; двигали ли ими недовольство политикой Валента, или личные честолюбивые планы, или и то и другое одновременно. Скорее всего могло быть сочетание разных мотивов, хотя, если следовать сообщением Аммиана, ясно, что лишь у некоторых придворных были очевидные причины для недовольства императором. Что касается состава заговорщиков, то здесь не видно самых крупных чиновников или сверхзнатных людей (наиболее видный пост был у Евсерия — викарий Азии). Показательно, что главным лицом в заговоре стал нотариий Феодор, человек не самого высокого положения, хотя и знатный, и пользующийся уважением. Очевидно, что Феодора очень серьезно подвели, поставив его перед фактом будущего возвышения до императорского титула, но и сам он в одном из писем фактически выражал готовность возложить на себя обязанности высшего лица в империи и интересовался, когда это должно произойти [1: кн. 29.1.35]. В целом вырисовывается такая ситуация: против Валента на том этапе интриговали в основном некоторые чиновники и придворные среднего и низшего звена, а также лица из местной знати и чиновники в отставке. Были ли вовлечены в заговор Феодора военные? Упоминается лишь один из офицеров, который в то время обвинялся в черной магии, но он не нес никакой ответственности, поскольку был близок к императору, во всяком случае такого мнения придерживается Аммиан Марцелин [1: кн. 29.2.17]. Наряду с этим, Аммиан отмечает, что прежде (то есть до 371 года. — *Б.К.*) на жизнь Валента несколько раз покушались, например, его однажды едва не убил один из skutариев (то есть гвардейцев. — *Б.К.*) по имени Саллюстий [1: кн. 29.1.16]. Таким образом, можно представить, что и в военных кругах существовали оппозиционные настроения, но, по всей вероятности, они были не очень распространены и, возможно, вызывались сугубо личными причинами. Надо отметить, что, согласно имеющимся данным, военные в заговор не были втянуты. Гражданские чиновники и знать имели ряд объективных причин для недовольства Валентом, и, кроме того, им могло казаться, что такой малопримечательный деятель имеет не больше прав на власть, чем достойный представитель знати, например, нотариий Феодор. Несомненно, что по крайней мере для некоторых заговорщиков важным движущим мотивом было честолюбие. Также к заговору оказались причастны кое-кто из философов, из которых наиболее крупным был Максим, учитель Юлиана Отступника и видный специалист по магическим действиям. У философов были основания для оппозиционного поведения, так как они утратили то уважение верховных правителей империи, которое имели при Юлиане [4: 478. с. 259–260], а у Максима, по сообщению Евнапия, появились сложности чисто материального характера, когда власти конфисковали его богатства, впрочем, затем возвращенные. Максим был осведомлен о прорицании, истолковал его и сделал добавление, согласно которому Валент «умрет необычным образом и не удостоится ни погребения, ни надгробия» [4: 480. с. 262]. Философ также предрек и свою близкую кончину, и гибель тех, кто обращался к оракулу. Максим и некоторые другие философы были казнены, но насколько велика была их роль в заговоре? В большей степени они выглядят жертвами ре-

жима, чем оппозиционерами. Валент подавил антиимператорскую деятельность очень жестоко и, по оценке Аммиана, казни и другим наказаниям часто предавались люди не за вину, а по причине их богатств. У Филосторгия [7: кн. 9.15. с. 238–239] и Сократа Схоластика [5: кн. 4.19] приводится версия о том, что Валент, получив сведения о том, что имя будущего императора, согласно прорицанию оракула, начинается с букв «феод», приказал казнить чуть ли не всех людей, чье имя начинается с этих букв. Однако эти сообщения выглядят малоубедительно и предпочтительнее опираться на сочинение Аммиана Марцеллина. Фактически раскрытие заговора послужило толчком к весьма широким репрессиям, по словам Аммиана, против знати в восточных провинциях империи. Аммиан повествует о развитии этого процесса, переходя к явному обличению Валента, и подчеркивает, что люди знатного происхождения теряли имущество, а иногда и жизнь, вследствие происков и доносов лиц из низов общества. Особенно Аммиан выделяет вредную роль Палладия, Гелиодора и императорских агентов, которые подтасовывали улики и шли на прямые фальсификации [1: кн. 29.2.1–4]. Суд проводился без учета правил и, опасаясь репрессий, все (то есть, повидимому, знатные люди. — *Б.К.*) стали сжигать свои библиотеки, потому что обладание любыми книгами становилось опасным. Известный софист Либаний рассказывает о тех событиях больше сквозь призму своих собственных дел, отмечая, что против него был настроен сам император, некоторые видные чиновники и обычные доносчики, но Либанию удалось ускользнуть от них [3: т. I, с. 55–60, 73]. В целом софист дает сходное с Аммианом освещение заговора Феодора и последующих событий, но, возможно, он оценивает императора более мягко и возлагает ответственность за раздувание репрессий на людей, которые хотели сеять смуту и всех обвинять. В отдельных случаях к суду привлекались даже «столпы патрициата», в частности, Евсевий и Гипатий, консулы 359 года, обвиняемые в покушении на верховную власть, которых подвергли штрафу и изгнанию, но вскоре они были возвращены, а их убытки компенсированы. Некоторых представителей знати спасало заступничество влиятельной родни, поэтому было бы неправильно соглашаться с Аммианом в его утверждениях, якобы император связал борьбу против знати. Ситуация была в реальности менее однозначной. При этом, очевидно, что Аммиан в первую очередь защищал интересы знати и, когда император не оказывал ей должного уважения, Аммиан говорил о его «умственном убожестве» [1: кн. 29.2.14]... *ibi tunc rectoris imperii caries tota stoliditatis apertius est profanata...* (Amianus Marcellinus URL: <http://www.thelatinlibrary.com/amianus.html>). В целом описание событий 371–373 годов очень похоже на изображение Аммианом Скифопольского процесса 359 года, оценки и даже отдельные подробности во многом совпадают [1: кн. 19.12]. Показательно, что и в 359 и в 371–373 годах одним из главных действующих лиц был префект претория Модест. Он изображается Аммианом довольно критично — подчеркивается его способность председательствовать в суде, когда нужно было жесткое расследование, следовательно, Модест не отличался снисходительностью. В то же время он льстил императору и старался проявить рвение в расследовании заговора, так как

боялся, что его снимут с должности. «Это был человек, находившийся в полном подчинении у императорских евнухов и прикрывавший строгим выражением лица грубость своего духа, нимало неразвитого знакомством с древней литературой» [1: кн. 30.4.2]. Модест при Валенте в общем повторял то, что уже делал при Констанции II, но в увеличенных размерах. Кроме того, Аммианом подчеркивается роль проконсула Азии Фестина, причем он подражал политике префекта Максимиана в Риме [1: кн. 29.2.23]. Надо отметить, что в западных провинциях империи в то время происходили события весьма напоминающие только что описанные. Там шли судебные процессы, в том числе над знатными сенаторами, обвинявшимися в занятиях магией. В оценке Д. Метьюза и М. Арнхейма [13: р. 39, 59–61; 9: р. 102, 169–171] эти события были не столько компанией по преследованию сената, сколько единичными мерами, а пафос Аммиана, направленный против этих расследований, во многом вызван его предвзятым отношением к проводникам той политики. Также подчеркивается, что могущество знати на Западе империи было очень прочное, и императорская власть вынуждена была с этим считаться. Такие выводы представляют интерес и для анализа происходящего в восточных провинциях империи.

Аммиан стремился истолковывать происходящее с мистических позиций. Гибель Валента в 378 году в битве с вестготами была прямым следствием его несправедливых и преступных деяний. Историк уверен, что в мире действуют высшие законы, направляемые Справедливостью, поэтому вражеское вторжение и неудачу римлян в битве 378 года у Адрианополя нужно трактовать как месть императору посредством Беллоны (богини войны) [1: кн. 29.2.20]. Также Аммиан убежден в том, что оракул все предсказал совершенно правильно, и даже сам Валент был в суеверном страхе и пытался избежать предсказанной ему гибели, но перехитрить пророчество ему не удалось [1: кн. 31.14.8]. Следовательно, Аммиан убежден в том, что главную роль в событиях играло Предопределение.

Необходимо обратить внимание и на другую сторону социальной оппозиции Валенту, связанную с его церковной политикой. Его линия по отношению к церкви утверждала мирное и компромиссное решение споров и проблем вероучения, которых в то время было достаточно много. Однако при этом главный церковный деятель, на которого опирался Валент — епископ Константинополя Евдоксий, придерживался арианского направления в догматах и сильно влиял на императора, который даже решил принять арианство. Вследствие этого часть епископов, враждебных Евдоксию, были изгнаны со своих кафедр, при помощи императора и таким образом создались предпосылки для возникновения церковной оппозиции императору. В то же время Валент, сталкиваясь с противодействием части иерархов и их сторонников, не всегда шел на резкие шаги. Например, указ об отправке в ссылку Василия Кесарийского за нежелание принять арианское вероучение так и не был подписан. Но наряду с этим из Александрии был изгнан отверженец никейского Символа Веры Петр и заменен арианином Люцием. Феодорит утверждает, что император был настроен только против истинных христиан,

а всем другим, в том числе эллинам и иудеям гарантировал безопасность. В Константинополе и других крупных городах была укреплена власть Евдоксия и его приверженцев. Но даже в основных центрах восточной части империи оппозиция не была полностью усмирена, о чем свидетельствует рассказ Феодорита о встрече Валента с монахом Исаакием в Константинополе перед походом на варваров в 378 году [2: с. 127–135]. Монах скорее всего был арианом, что не мешало ему открыто обличать императора за гонения на «лучших пастырей». В Антиохии так же откровенно беседовал с императором монах Афраат [6: кн. 4.26]. Однако преувеличивать значения приведенных фактов не следует, так как само монашество еще не стало значимой общественной силой. Император в трудах церковных авторов нередко обвинялся в чрезмерном насилии к церковной оппозиции. Но лишь события в Александрии, связанные с борьбой Петра и Люция, рисуют картину серьезного насилия, тогда как сведения об утоплении инакомыслящих в реке Оронт выглядят недостаточно достоверными [5: кн. 4.2].

В итоге надо отметить, что со второй половины шестидесятых годов IV века в восточных провинциях Римской империи заметно наступление своего рода «смутного времени», связанного и с разнообразными социально-экономическими процессами, и с особенностями личности правящего императора Валента. Этот период ознаменовался также внешними вторжениями, которые расшатали стабильность империи и постепенно изменили ее облик. В таких условиях возникла оппозиция Валенту, которая была внутренне сложной и обуславливалась различными объективными и субъективными причинами. В целом оппозиция носила рыхлый характер и включала представителей гражданских чиновников и знати, в том числе и высокого уровня. Многие из них не столько протестовали против политики императора, сколько лелеяли мечту занять более выгодные социальные позиции, надеялись получить доступ к высшей власти и богатствам. Идеологически часть оппозиции, возможно, опиралась не только на магию, но и на идеи с философским подтекстом и считала, что образованный и одаренный Феодор при поддержке мудрецов-неоплатоников будет лучше править государством, чем посредственный Валент. Император, в свою очередь, не только жестко пресек заговорщические замыслы, но и провел серию репрессий, главным образом против знати, не исключая и высшую, желая сократить ее могущество и усилить власть государственного аппарата и лично преданных ему должностных лиц. Император хотел пополнить казну за счет конфискации крупных имений. Наряду с этим появилась и церковная оппозиция, вызванная линией Валента на поддержку ариан и единовластия в церкви, но со стороны отдельных епископов или монахов непосредственной угрозы власти императора не было, к тому же церковная политика Валента была достаточно гибкой. Важнейшим следствием правления Валента и его борьбы с оппозицией стало ослабление язычества и связанной с ним мистики, что подготавливало утверждение христианства в конце IV века.

Литература

1. *Аммиан Марцеллин*. Римская История / Аммиан Марцеллин. – СПб.: Алетейя, 1994. – 559 с.
2. *Коптелов Б. В.* Церковь и императорская власть в Риме 378 года (о встрече императора Валента с монахом Исаакием) / Б.В. Коптелов // Литература и история. – Вып. 1. – М., 2000. – С. 127–135.
3. *Либаний*. Речи / Либаний. – Т. 1–2. – Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1914–1916. – Т. 1. – 524 с.; Т. 2. – 572 с.
4. Римские историки IV века. – М.: РОССПЭН, 1997. – 414 с.
5. *Сократ Схоластик*. Церковная история / Сократ Схоластик. – М.: РОССПЭН, 1996. – 367 с.
6. *Феодорит* епископ Кирский. Церковная история / Феодорит. – М.: РОССПЭН, 1993. – 239 с.
7. Церковные историки IV–V веков. – М.: РОССПЭН, 2007. – 624 с.
8. Ammianus Marcellinus URL: <http://www.thelatinlibrary.com/ammianus.html>
9. *Arnheim M. T. W.* The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire / M.T.W. Arnheim. – Oxford, 1972. – 246 p.
10. The Cambridge Ancient History. Bd. XIII. The Late Empire, A.D. 337–425. – Cambridge, 1998. – S. 78–110.
11. *Lenski N.* Failure of empire / N. Lenski. – Univ. of California press, 2002. – 470 p.
12. *Lotz A.* Der Magiekonflikt in der Spätantike / A. Lotz. – Bonn: Habet, 2005. – 284 s.
13. *Matthews J.* Western Aristocracies and imperial court A.D. 364–425 / J. Matthews. – Oxford, 1975. – 427 p.
14. *Pastorino A.* Cristianesimo e impero dopo Costantino (337–395) / A. Pastorino. – Torino, 1972. – 252 p.
15. *Wiebe F. J.* Kaiser Valens und die heidnische Opposition / F.J. Wiebe. – Bonn: Habet, 1995. – 407 p.

Literatura

1. *Ammian Marcellin*. Rimskaya Istoriya / Ammian Marcellin. – SPb.: Aletejya, 1994. – 559 s.
2. *Koptelov B. V.* Cerkov' i imperatorskaya vlast' v Rime 378 goda (o vstreche imperatora Valenta s monaxom Isaakiem) / B.V. Koptelov // Literatura i istoriya. – Vy'p. 1. – M., 2000. – S. 127–135.
3. *Libanij*. Rechi / Libanij. – Т. 1–2. – Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo un-ta, 1914–1916. – Т. 1. – 524 s.; Т. 2. – 572 s.
4. Rimskie istoriki IV veka. – М.: ROSSPE'N, 1997. – 414 s.
5. *Sokrat Sxolastik*. Cerkovnaya istoriya / Sokrat Sxolastik. – М.: ROSSPE'N, 1996. – 367 s.
6. *Feodorit* episkop Kirskij. Cerkovnaya istoriya / Feodorit. – М.: ROSSPE'N, 1993. – 239 s.
7. Cerkovny'e istoriki IV–V vekov. – М.: ROSSPE'N, 2007. – 624 s.
8. Ammianus Marcellinus URL: <http://www.thelatinlibrary.com/ammianus.html>
9. *Arnheim M. T. W.* The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire / M.T.W. Arnheim. – Oxford, 1972. – 246 p.

-
10. The Cambridge Ancient History. Bd. XIII. The Late Empire, A.D. 337–425. – Cambridge, 1998. – S. 78–110.
 11. *Lenski N.* Failure of empire / N. Lenski. – Univ. of California press, 2002. – 470 p.
 12. *Lotz A.* Der Magiekonflikt in der Spätantike / A. Lotz. – Bonn: Habet, 2005. – 284 s.
 13. *Matthews J.* Western Aristocracies and imperial court A.D. 364–425 / J. Matthews. – Oxford, 1975. – 427 p.
 14. *Pastorino A.* Cristianesimo e impero dopo Costantino (337–395) / A. Pastorino. – Torino, 1972. – 252 p.
 15. *Wiebe F. J.* Kaiser Valens und die heidnische Opposition / F.J. Wiebe. – Bonn: Habet, 1995. – 407 p.

Н.В. Веденеева

Изменение отношения к инвалидности в процессе исторического развития общества

В современном западном социокультурном восприятии инвалидности (к нему мы относим американскую, западноевропейскую и восточноевропейскую традиции) преобладают рационализм и индивидуализм, основанные на принципах равенства и личной свободы. Соответственно, формируется и социальная практика, основанная на понятиях толерантности, терпимости и уважения прав личности.

В восточной (азиатской, индийской и др.) традиции человек воспринимается как элемент семейных и клановых связей: ценна не столько отдельная личность и индивидуальность, важно, прежде всего, сохранение и развитие отношений внутри малой группы, какой и выступает семья в восточном понимании.

Следствиями разных типов культур становятся и разные формы отношения к инвалидности и реабилитации.

Для выяснения и понимания социокультурных особенностей и современных подходов к инвалидности и реабилитации представляет интерес рассмотрение их в социально-историческом аспекте. Предыстория восприятия инвалидности начинается еще с доисторических времен, при этом отношение к нетрудоспособным членам общества менялось во времени и пространстве (географии), различалось в зависимости от социально-исторического опыта народов и своеобразия уклада их повседневной жизни.

Для первобытного родоплеменного уклада практически повсеместно было характерно крайне негативное отношение к людям, утратившим способность трудиться и, соответственно, воевать, сражаться. Презрение к больным и слабым считалось законом жизни, поскольку такие люди не могли предложить обществу ни здоровья, ни физической силы и становились ему в тягость. Естественным «решением проблемы» нетрудоспособных и неполноценных людей становился путь избавления от них, то есть путь физического устранения. Такой тип отношений — отношений активного или пассивного общественного неприятия членов своей общины (рода, племени) имеет наименование резигнации [1].

В более позднее время путь физического устранения все более уступает место другому способу — изгнанию из общины, оставлению человека на произвол судьбы, лишению его пищи и крова. Характеризуя одноплеменные отношения, В.А. Вечканов говорит о своеобразном остракизме в отношении больных и нетрудоспособных. Русский историк С.М. Соловьев указывает, что среди славянских племен в ту эпоху «...при господстве физической силы человек слабый был существом самым несчастным, и отнять жизнь у такого существа считалось подвигом сострадания» [6: с. 91].

Чем более суровыми оказывались условия жизни людей, тем меньше возможностей оставалось у больных, стариков и калек для выживания. Например, у северных народов (Скандинавия) было принято лишать таких людей жизни в целях сохранения жизни рода. Однако речь идет не о проявлениях особой жестокости первобытных народов. Веря в загробную жизнь, они считали, что облегчают такому человеку переход в иной мир. Таким образом, можно говорить о проявлениях определенной культурной традиции древних народов, в соответствии с которой физическое убожество представлялось общественно-опасным для общины (рода) явлением, угрожающим жизнедеятельности рода, и следствием этого отношения к «инвалидам» (по современной терминологии) становились такие способы решения проблемы, как:

а) физическое устранение слабых и больных, а также старых;

б) изгнание из общины (изгойство) как результат неприязни или своеобразный акт сострадания.

В целом, культурные традиции древних характеризуются неприятием какого-либо вида ущербности, возложением попечения о таком человеке либо на судьбу, либо на Бога.

В рабовладельческих государствах Востока времен Ассирии и Вавилона (IV–V века до н.э.) в начальной форме возникают приюты для увечных и неизлечимо больных [3: с. 34–35]. Можно говорить о возникновении качественно иного отношения к сирым и убогим, а именно — о начальных формах социального взаимодействия с ранее отвергаемыми людьми. П.Е. Заблудовский указывает также на наличие в Древнем Египте служб государственной помощи больным (в основном, душевнобольным).

Иное положение складывалось в Древней Индии. Несмотря на достигнутый высокий уровень государственной системы, не сохранились свидетельства о развитии форм общественной помощи увечным или тяжелобольным людям, что, безусловно, объясняется религиозными традициями.

В Древнем Китае, где идеи государственного попечения о лицах с физическими недостатками зачастую обретали форму вполне конкретных пожеланий и, так сказать, социальных ориентиров, складывалась собственная уникальная модель отношения к людям с особенностями здоровья и физическими дефектами. Так, в высказываниях одного из представителей конфуцианства Сюньцзы (III век до н.э.) мы находим призыв к власти имущим: «...людей, страдающих физическими недостатками, верхи должны привлекать к себе и содер-

жать, дать им занятие в соответствии с их возможностями, использовать их на работе, кормить и одевать; необходимо повсеместно заботиться о каждом из них без исключения» (цит. по: [1]). В Китае мы наблюдаем ранние попытки регулирования отношений между обществом и его неполноценными в физическом и душевном плане членами, основанные на религиозных императивах, что формировало тип терпимого отношения к человеческим немощам, практике вспоможения и попечения о них.

Античный мир также оставил в истории свидетельства преобладающего негативного отношения к лицам с интеллектуальными и физическими недостатками, калекам. Физическое устранение таких людей было обычной практикой. Наиболее известен пример военизированной Спарты. В литературе имеются объяснения, связывающие такую жестокую практику древних греков в отношении своих убогих членов с культивируемым отношением к труду простому, физическому и труду на других как недостойному занятию. Рабство и все, что его напоминало (труд на других), пользовалось всеобщим презрением. Достойными занятиями считались воинская служба, культовая деятельность, земледелие. Именно в отношении этих слоев общества в античных государствах осуществлялись меры помощи увечным и больным.

Латинское слово «invalidus» — означает «слабый, немощный, нездоровый, недействительный» и служит для характеристики лиц, которые вследствие заболевания, ранения, увечья ограничены в возможностях самореализации и проявлениях жизнедеятельности, то есть в первоначальном своем содержании этот термин относился только к военнотрудовым, воинам, пострадавшим во время военных действий. Состояние таких людей характеризовалось прежде всего физическим повреждением или дефектом (увечьем). Во времена Юлия Цезаря инвалидом признавался воин, лишившийся большого пальца правой руки и тем самым ограниченный в возможности пользования оружием [2: с. 16].

Так, на уровне древнегреческого и древнеримского государств складывались структуры, напоминающие службы по поддержанию существования нетрудоспособных и больных членов. В Древнем Риме инвалиды войны вместе с семьями содержались за счет Республики. Римские легионеры, получившие увечья, наделялись земельными участками, военной добычей, деньгами, они освобождались от налогов, торговых пошлин. Во время войн для них создавались госпитали — валетудинарии, в которых проводились мероприятия, способствующие восстановлению нарушенных навыков владения оружием, изготавливались даже протезы [2: с. 57].

Можно констатировать наличие начальных форм государственной помощи лицам высшего (в первую очередь) военного сословия в Древней Греции и Древнем Риме, но говорить о развитии форм государственной или общественной заботы о хронически больных, калеках, и т.п., тем более из числа лиц низшего сословия, не представляется возможным [3: с. 65].

Справедливо будет отметить, что и в Древнем Египте, и в античных государствах были развиты и общепризнаны виды общеукрепляющей терапии,

в частности, водолечение, физические упражнения, спорт, купание и другое (пример — древнеримские термы). В целом, можно говорить о том, что с переходом к развитым рабовладельческим отношениям возникает более терпимое отношение к лицам с дефектами, потерявшим трудоспособность, которое можно охарактеризовать как пассивное игнорирование. При этом зарождаются отдельные простейшие формы общественной деятельности, направленной на поддержание этих категорий людей, а иногда — на восстановление их жизненных сил и здоровья (для представителей высших сословий).

В средние века в Европе получили большое распространение военные богадельни, приюты для калек, которые по большей части организовывались при монастырях как службы общественного призрения. Под инвалидами также по-прежнему понимались бывшие воины, получившие дефект на войне.

Развитие разных исторических форм отношения людей к инвалидам на определенном этапе вызвало необходимость определить терминологически и организационно новый вид отношений и деятельности — вспомоществование лицам, имеющим нарушения и выраженные дефекты. Однако сам термин «реабилитация» (латинского происхождения) впервые упоминается в 1439 году в церковной литературе, принадлежащей одному из католических орденов, в значении восстановления всех прав в обществе. Возможно, это значение впоследствии через французский язык вошло во все другие европейские языки.

Что касается непосредственно выделения в самостоятельный вид социальной деятельности действий по уходу за нуждающимися и неспособными себе помочь членами общества, то, по общему мнению зарубежных исследователей, в западных странах это произошло в конце XVIII века. Именно тогда уход, обслуживание в специальных учреждениях лиц с заболеваниями органов чувств, а впоследствии и лиц с физическими недостатками стали представлять отдельный вид общественного призрения. В России окормление сирых, больных и убогих церковь и государство начали осуществлять на много столетий раньше, со времен князя Владимира.

Вообще необходимо отметить, что в России, которая в силу своего географического положения впитала в себя и восточноевропейскую и азиатскую культуры, исторически передавалась традиция особо почтительного отношения к «убогому» человеку, то есть имеющему видимые физическое, психическое или умственное нарушения. Такой человек действительно рассматривался как особо отмеченный Богом («у-богий», «у-Бога»), и в традиции русской культуры большое значение отводилось делам благотворительности и милосердия в отношении людей, имеющих тяжелые недуги — убогих, увечных, блаженных, калек (калик).

А само слово «инвалид» в русском языке укоренилось в XVIII веке, когда так называли бывших военнослужащих, которые уже не могли по состоянию здоровья себя обслуживать и тем более служить. Позднее, в XIX веке, границы применения этого слова расширились, и к инвалидам стали относить всех лиц, утративших возможность себя содержать и обслуживать в связи с на-

рушением здоровья. Таким образом, исторически сформировалось значение термина «инвалид», в котором смысловой акцент делался на неспособности индивидуума осуществлять трудовую деятельность, в полном объеме содержать и обслуживать себя.

С развитием демократических принципов в общественных отношениях меняется отношение к инвалидам как к группе лиц, требующих попечения, ухода и социального обеспечения.

В настоящее время слово «инвалид», которое в английском языке имеет значение «недействительный», «неосновательный», в англоязычных странах практически выходит из употребления по отношению к людям с различными нарушениями жизнедеятельности. Более того, употребление термина «инвалид» в общественном сознании имеет негативный оттенок, является, по сути термином, дискриминирующим их права, и не поощряется к широкому использованию. Такой же дискриминирующий характер имеют термины, в которых личность человека подменяется одним из его свойств, например, «хромой», «глухой», «слепой», «безрукий», «безногий» и др. Приемлемой заменой становится употребление словосочетаний, в которых любые нарушения рассматриваются как особенности личности (человек с ограниченными возможностями, с ослабленным слухом, затрудненной речью и др.). Таким образом, как отличительная особенность современного подхода, в терминологических характеристиках преобладает принцип подчиненности частного общему, когда под общим понимается в целом личность человека.

К числу наиболее широко используемых ныне терминов, по существу, заменяющих слово «инвалид», относятся следующие:

- человек с ограниченными возможностями (ограничениями);
- человек с нарушениями (недостатками) развития;
- человек с особыми потребностями, нуждами;
- человек с отклоняющимся развитием и др.

Каждая из формулировок имеет свою особую смысловую нагрузку, но все в целом характеризуют индивида, имеющего своеобразную медико-социальную проблему, с долгосрочной перспективой ее разрешения.

В последней четверти XIX века и начале XX века термин «реабилитация» распространился по всем европейским странам и был особенно употребителен в благотворительных организациях и службах. Характерно, что в это время со словом «реабилитация» связывали не столько медицинский, сколько социальный смысл, равнозначный понятию помощи. По причине мировой войны, охватившей Европу, возникла необходимость оказывать разнообразную, помимо медицинской, помощь участникам боевых действий.

В США понятие реабилитации появляется в связи с разработкой государственной политики помощи лицам, получившим увечья в Первой мировой войне, в первую очередь, по обеспечению их протезами. В Германии предпочитали использовать не термин «реабилитация», а такие выражения, как «восстановление (сил)», «повторное включение», «включение». Только в конце

Второй мировой войны в английском языке окончательно утверждается термин «реабилитация» как универсальное понятие для определения медицинских, профессиональных и социальных аспектов при так называемом повторном включении, то есть при повторной попытке инвалидов интегрироваться («включиться») в жизнь общества.

Однако еще в 70-х и 80-х гг. XX века к вопросам терминологии относительно того, что мы теперь называем реабилитацией, не было однозначного подхода. Такая неопределенная терминологическая ситуация была связана с тем, что общество еще не было готово выработать соответствующие критерии для институционализации нового вида социальной деятельности. Общество должно было накопить достаточный опыт взаимодействия с лицами, отличающимися от большинства других людей ограниченными способностями к осуществлению своей жизнедеятельности; таких людей — инвалидов — должно было стать достаточно много, чтобы оно (общество), наконец, увидело проблему инвалидности и ее социальные последствия как всеобщую проблему; в обществе должны были произойти мировоззренческие изменения, смена ментальности, парадигмы развития с тем, чтобы суметь увидеть в инвалидах своего ближнего с его насущными нуждами и захотеть взаимодействовать с этим ближним, а не оказывать ему снисхождения в виде помощи (патронирования) либо «откупаться» от него социальными выплатами. Надо сказать, в целом человеческое сообщество только осваивает партнерскую модель восприятия инвалидов и реабилитации как одного из эффективных механизмов разрешения так называемой проблемы инвалидов, которая, по существу, является проблемой самого общества.

Одна из первых стран, где такое понимание проблемы было достигнуто — Германия (ФРГ). В 70-х гг. XX века там впервые была предпринята попытка разработать единую концепцию социальной политики для инвалидов, обеспечить ее реализацию законодательно и ликвидировать разрозненность в мерах, предпринимаемых обществом в отношении инвалидов. Именно Германия стала одним из первых государств, где уже в 70-х гг. прошлого века было дано определение реабилитации как деятельности, ставящей своей целью помочь людям с физическими или психическими заболеваниями, которые не могут сами преодолеть своих нарушений и их последствий, раскрыть свои способности и силы, чтобы найти соответствующее место в обществе.

Таким образом, в результате проведенного краткого анализа исторических форм инвалидности и реабилитации можно сделать следующие выводы.

1. В отношении людей к инвалидности и реабилитации огромную роль играет социокультурный аспект, обусловленный историческими формами и традициями, сложившимися в различных культурах, регионах и социальных системах.

2. В настоящее время можно выделить следующие виды (типы) восприятия инвалидности — «западноевропейский», основанный на философии индивидуализма и принципах личной свободы и «восточно-азиатский», когда инвалидность воспринимается как особенность, данность, и не всегда с ней надо что-то делать,

особенно если жизнь уже заранее определена в своих главных формах бытия — наличие каст, кланов, жестко иерархичной структуры общества.

3. Особое место имеют у многих народов представления о том, что главным остается отношение, связанное с восприятием сверхценности воли Бога. Убожество и инвалидность в таком ракурсе вызывают как приятие (через институт милосердия, благотворительности и т.д.), так и индифферентное отношение («все в воле Бога»).

4. Можно выделить следующие исторические формы отношения к инвалидам: негативное; индифферентное (равнодушное); терпимое; сострадательно-терпимое; активно-созидательное (предоставление помощи здесь и сейчас). Можно предположить, что в современном отношении к инвалидам не только в России, но и в мире в целом, сохранились «остаточные» явления каждой из указанных форм отношений.

Литература

1. *Вечканов В. А.* Исторический аспект реабилитации инвалидов / В.А. Вечканов // Врачебно-трудовая экспертиза и социально-трудовая реабилитация инвалидов: сб. научн. трудов / Под ред. В.П. Белова и А.К. Добржанской. – Вып. 5. – М.: ЦИЭТИН, 1976.

2. *Ефимов И. Н.* Инвалидность как вид нетрудоспособности / И.Н. Ефимов // Врачебно-трудовая экспертиза и социально-трудовая реабилитация инвалидов: сб. научн. тр. / Под ред. В.П. Белова и А.К. Добржанской. – Вып. 5. – М.: ЦИЭТИН, 1976. – С. 16–22.

3. *Заблудовский П. Е.* и др. История медицины и здравоохранения / П.Е. Заблудовский и др. – М.: Медицина, 1966. – 65 с.

4. Очерки по истории теоретической социологии XIX – начала XX веков / Под ред. Ю.Н. Давыдова. – М.: Наука, 1994. – 380 с.

5. *Парсонс Т.* Система современных обществ: пер. с англ. / Т. Парсонс. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 270 с.

6. *Соловьев С. М.* Соч.: в 18 кн. / С.М. Соловьев. – Кн. 1. Т. I–II. – М.: Мысль, 1988. – 797 с.

7. Трансформация социальной структуры и стратификация Российского общества / Под ред. З.Т. Голенковой. – М.: Изд-во института социологии РАН, 2000. – 481 с.

Literatura

1. *Vechkanov V. A.* Istoricheskiy aspekt rehabilitacii invalidov / V.A. Vechkanov // Vrachebno-trudovaya rehabilitaciya invalidov: sb. nauchn. trudov / Pod red. V.P. Belova i A.K. Dobrzanskoj. – Vy'p. 5. – M.: CIE'TIN, 1976.

2. *Efimov I. N.* Invalidnost' kak vid netrudosposobnosti / I.N. Efimov // Vrachebno-trudovaya rehabilitaciya invalidov: sb. nauchn. trudov / Pod red. V.P. Belova i A.K. Dobrzanskoj. – Vy'p. 5. – M.: CIE'TIN, 1976. – S. 16–22.

3. *Zablydovskij P. E.* i dr. Istoriya mediciny' i zdravooxraneniya / P.E. Zablydovskij i dr.. – M.: Medicina, 1966. – 65 s.

4. Oчерki po istorii teoreticheskoy sociologii XIX – nachala XX vekov / Pod red. Yu.N. Davy'dova. – M.: Nauka, 1994. – 380 s.
5. *Parsons T. Sistema sovremeny'x obshhestv: per. s angl.* / T. Parsons. – M.: Aspekt-Press, 1997. – 270 s.
6. *Solov'ev S. M. Soch.: v 18 kn.* / S.M. Solov'ev. – Kn. 1. T. I–II. – M.: Misl', 1988. – 797 s.
7. Transformaciya social'noj struktury' i stratifikaciya rossijskogo obshhestva / Pod red. Z.T. Golenkovej. – M.: Izd-vo instituta sociologii, 2000. – 481 s.

Д.Ю. Базаркина,
О.С. Полунина

Исторический факультет МГПУ на международных научных встречах в России и зарубежом

Российские специалисты по коммуникационному менеджменту в Венесуэле

1 –13 августа 2009 г. российские специалисты по коммуникационному менеджменту, члены Европейской ассоциации в области исследований и образования по связям с общественностью (EUPRERA), Е.Н. Пашенцев — профессор МГПУ, директор Международного центра социально-политических исследований и консалтинга (МЦСПИК), руководитель Центра коммуникационного менеджмента (ЦКМ) Российско-немецкой высшей школы управления АНХ при Правительстве РФ, О.С. Полунина — доцент МГПУ, исследователь МЦСПИК и ассоциированный исследователь ЦКМ РНВШУ АНХ и С.В. Зудочкина – аспирантка МГПУ, стажер-исследователь МЦСПИК и ассоциированный исследователь ЦКМ РНВШУ АНХ находились в рабочей поездке в Венесуэле. За время пребывания в этой латиноамериканской стране они представили свои мультимедийные презентации в Боливарианском Университете Венесуэлы: «Коммуникационный менеджмент и его потенциал во времена кризиса» (Е.Н. Пашенцев), «Репутационный менеджмент британских компаний за рубежом» (О.С. Полунина), «Имидж Венесуэлы как туристического маршрута в российских СМИ» (С.В. Зудочкина). Состоялась беседа Е.Н. Пашенцева и О.С. Полуниной с руководителем общенациональной программы по социальным коммуникациям БУВ г-жой Луисианой Коломине, гости из России провели ряд встреч в редакциях местных газет, в частности, с директором одного из влиятельных периодических изданий страны — *Ultimas Noticias* и ведущим популярной общественно-политической телевизионной программы Элеасаром Диасом Ранхелем; а также со специалистами в области общественных коммуникаций Венесуэлы. Был собран богатый материал к подготавливаемым МЦСПИК

и ЦКМ РНВШУ монографиям «Уго Чавес: в пламени информационной войны» и «Президенты под медиа-прицелом: практика информационного противоборства в Латинской Америке». Удачной оказалась поездка и в культурном плане: россиянам посчастливилось принять участие в демонстрации 8 августа по случаю Битвы при Хуан Гриего — годовщины одного из сражений времен войны за независимость с Испанией на острове Маргарита.

***Коммуникационный менеджмент
международных отношений на VII Конвенте CEEISA***

Проблемы применения коммуникационного менеджмента становятся все более актуальными в современной политике и все активнее обсуждаются в научных кругах. Так, 2–4 сентября 2009 г. на факультете международных отношений Санкт-Петербургского Государственного Университета проводился VII Конвент Международной ассоциации Центрально- и восточноевропейских исследований (The Central and East European International Studies Association — CEEISA), в рамках которого обсуждались актуальные проблемы экономики, политики и международных отношений, затрагивающие интересы стран Центральной и Восточной Европы.

Доклады в рамках двух рабочих групп конвента были целиком посвящены проблемам адекватного освещения политических процессов и событий в СМИ. Это группы «Масс-медиа, коммуникационный менеджмент и политические конфликты в Восточной Европе» («**Mass Media, Communication Management and Political Conflicts in Eastern Europe**») под руководством исследователя Центра кризисного управления и исследований «КРИСМАРТ» и кафедры восточноевропейских исследований Университета Упсалы д-ра Грега Саймонза и «Коммуникационный менеджмент в международной политике Европейского союза и США в отношении Восточной Европы и России: Возможности без границ» (**Communication Management in the Foreign Policy of the EU and the USA towards Eastern Europe and Russia: Opportunities beyond the Borders**) под руководством профессора Евгения Пашенцева. В рамках этих групп были представлены доклады, отражающие самые разные аспекты применения коммуникационного менеджмента.

Общие вопросы паблик рилейшнз и коммуникационного менеджмента были затронуты в выступлениях Е.Н. Пашенцева, Грега Саймонза, ассоциированных исследователей ЦКМ АНХ кандидата исторических наук Ольги Полуниной и доктора Влада Сухана (США), которые рассмотрели проблемы разработки и сохранения репутации государств и компаний в условиях глобального экономического кризиса, конфликтов, и острых политических противоречий. Эти исследователи также глубоко проанализировали роль паблик рилейшнз и коммуникационного менеджмента Европейского Союза и США в отношениях со странами Восточной Европы и Россией. Другие докладчики рассмотрели более частные аспекты коммуникационного обеспечения политических акций. Светлана Зудочкина посвятила свое выступление освещению BBC эко-

номического кризиса в России и Восточной Европе. Стажер-исследователь ЦКМ АНХ Анна Батова рассмотрела коммуникационный аспект «оранжевой революции» в Украине и ответные меры Евросоюза на украинские события. Исследователь Международного центра социально-политических исследований и консалтинга, старший преподаватель Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова кандидат исторических наук Д.Ю. Базаркина проследила, какие репутационные риски для России и Европейского Союза создаются во время стихийных массовых выступлений, сопровождающих мировой экономической кризис.

Рабочая группа «Коммуникационный менеджмент в международной политике Европейского союза и США в отношении Восточной Европы и России: Возможности без границ» стала, по свидетельству гостей, одной из самых посещаемых на конвенте. Особенно интересным в ходе дискуссии стало выступление профессора Бэбсон Колледжа (Массачусетс, США) Уильяма Койла, члена Российско-американской торговой палаты и директора российской программы одной из ведущих школ МВА в США. В дискуссии также приняли участие доцент Института Стран Азии и Африки Владимир Мазырин, старший преподаватель факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета Константин Голубев, преподаватели Университета Болоньи и другие специалисты.

Всего в конвенте приняли участие свыше двухсот исследователей более чем из двадцати стран мира. Участники конвента смогли обсудить исследуемые проблемы не только на заседаниях рабочих групп, но и в частном порядке, на официальных приемах, проводившихся в Городской администрации Санкт-Петербурга и в Правительственной резиденции «К-2».

***Фундаментальное издание
по коммуникационному менеджменту***

Международный центр социально-политических исследований и консалтинга и Центр коммуникационного менеджмента Российско-немецкой высшей школы АНХ при Правительстве РФ при научной поддержке специализации «Коммуникационный менеджмент» отделения связей с общественностью философского факультета МГУ в ноябре 2009 г. выпустили в свет новую книгу по коммуникационному менеджменту на английском языке: «The Rising Role of Communication Management in World Politics and Business» («Растущая роль коммуникационного менеджмента в мировой политике и бизнесе»), Moscow, 509 pp. под редакцией доктора исторических наук, профессора МГПУ директора МЦСПИК, руководителя ЦКМ АНХ при Правительстве РФ, руководителя специализации «Коммуникационный менеджмент» философского ф-та МГУ им. М.В.Ломоносова Е.Н. Пашенцева и ведущего исследователя Центра исследований и обучения в области кризисного управления (CRISMART) Министерства обороны Швеции, ассоциированного исследователя ЦКМ АНХ д-ра Грега Саймонза.

Профессиональное управление людьми и капиталами посредством коммуникаций — сквозная тема исследования. В фокусе внимания авторского коллектива самые разные проблемы:

- возможности и практика коммуникационного менеджмента (КМ) в бизнесе, в частности, коммуникационная компетентность топ-менеджеров и среднего управленческого звена транснациональных брендов;
- репутационный менеджмент в деятельности британских, французских и североамериканских компаний;
- роль КМ в процессах глобализации и развитии стран АТР;
- коммуникационный менеджмент и его значение в период мирового экономического кризиса;
- функции КМ в международных отношениях;
- коммуникационная и информационная безопасность в деятельности государственных и частных структур;
- информационное противоборство в войнах в Ираке, Югославии, на Кавказе и в ходе «оранжевых революций» на постсоветском пространстве, в острых политических конфликтах современной Латинской Америки;
- коммуникационное сопровождение деятельности международных террористических организаций;
- подготовка по коммуникационному менеджменту управленческих кадров.

Авторский коллектив представлен специалистами из Болгарии, Испании, России, Сербии, США, Турции и Швеции. Автор предисловия — Марко Риччери, генеральный директор EURISPES — одного из известнейших частных аналитических центров Италии.

Презентация книги «The Rising Role of Communication Management in World Politics and Business» в Швеции и Финляндии

Намечена широкая программа презентации книги в разных странах. 16 ноября соредактор и один из ее соавторов профессор МГПУ, директор МЦСПИК, руководитель ЦКМ АНХ и специализации «Коммуникационный менеджмент» отделения связей с общественностью философского факультета МГУ Е.Н. Пашенцев, находившийся в Швеции по приглашению Университета Уппсалы в качестве приглашенного лектора, выступил с открытой лекцией в этом старейшем университете Скандинавии. Тема лекции звучала — «Роль коммуникационного менеджмента в странах Восточной Европы и России в условиях мирового экономического кризиса». Также Е.Н. Пашенцев выступил перед студентами в рамках спецкурса «СМИ и безопасность» по проблеме «Информационные войны в практике современного бизнеса».

По приглашению Института латиноамериканских исследований Стокгольмского университета 17 ноября 2009 г. Е.Н. Пашенцев представил основной доклад на исследовательском семинаре «Медиа-войны и коммуникационный менеджмент президента Венесуэлы Уго Чавеса».

24 ноября по приглашению Института Александери Университета Хельсинки — ведущего центра в Финляндии по изучению России — Е.Н. Пашенцев выступил с основным докладом на исследовательском семинаре на тему: «Роль коммуникационного менеджмента в России в условиях мирового экономического кризиса», а 26 ноября представил основной доклад на исследовательском семинаре в Иберо-американском центре Университета Хельсинки на тему: «Медиа-войны и коммуникационный менеджмент президента Венесуэлы Уго Чавеса». Семинар собрал не только финских исследователей из государственных и частных структур Хельсинки, но и специалистов из ряда других городов Финляндии, а также исследователей из Китая и Венесуэлы.

В рамках вышеуказанных выступлений состоялась и презентация книги «The Rising Role of Communication Management in World Politics and Business».

Серия презентаций будет продолжена в следующем году на ряде международных конференций и семинаров в странах Европы и Латинской Америки.

В студенческом политклубе «Открытая трибуна»

Итогам 2009 года, объявленного Президентом Д.А. Медведевым годом молодёжи, а главное — проблемам молодёжного движения в стране и мире, была посвящена состоявшаяся на историческом факультете МГПУ международная научная конференция «Молодёжь на рубежах XX столетия», организаторами которой выступили кафедра всеобщей истории и студенческий политклуб «Открытая трибуна». Участников конференции приветствовал декан факультета профессор В.В. Кириллов, призвавший к глубокому и всестороннему изучению опыта предшествующих поколений и реализации его современной молодёжью.

На пленарном заседании были заслушаны доклады:

- Молодёжь – XXI перед лицом новых задач — заместитель председателя Российского Союза Молодёжи Андрей Троицкий;
- Проблема преемственности поколений в историческом процессе — заведующий кафедрой философии МГПУ, профессор, доктор философских наук Борис Бессонов;
- Молодёжь в социальных битвах XX века — заведующий кафедрой всеобщей истории МГПУ, профессор, доктор исторических наук Евгений Хаванов;
- Комсомол Советского Союза — место в истории — заместитель начальника Управления аспирантуры и докторантуры Московского гуманитарного университета, профессор, доктор исторических наук Владимир Криворученко.

Далее работа конференции продолжалась на «круглых столах». На одном из них, посвященном проблематике «Историческое наследие и формирование гражданского сознания молодёжи», выступили с сообщениями:

- Политические и организационные проблемы молодёжного движения: уроки через призму современной ситуации — директор Центра исторических исследований МГумУ, профессор, доктор исторических наук Борис Ручкин;
- Солидарность, закалённая в боях — председатель Совета ветеранов 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, ветеран Великой Отечественной войны, полковник Давид Мякушев;
- Дорогами столетия. Выступление ветерана — главный редактор «Антологии гуманной педагогики», академик Российской академии образования, профессор Дмитрий Зуев;

- К вопросу об интенсификации молодёжи — заведующий лабораторией философии образования научно-исследовательского института столичного образования, доцент, кандидат философских наук Виктор Кондратьев;
- Нужна ли организация молодёжи: дискуссия накануне отпуска — профессор кафедры философии МГПУ, доктор философских наук Владислав Никитин;
- Молодёжь – XXI: оборонное сознание — научный консультант Управления по работе с личным составом Военно-морского флота России, капитан 1 ранга, доцент, кандидат исторических наук Сергей Мозговой;
- Организации молодежи в системе современных политических партий России — руководитель отдела политологии Фонда «Информатика для демократии», доктор исторических наук Юрий Коргунюк.

На втором «круглом столе» исследовался опыт международной солидарности молодёжи. Прозвучали доклады и сообщения:

- Процесс глобализации как реалия современной жизни и подрастающее поколение — профессор, доктор политических наук Камен Денчев (Болгария);
- Молодёжь Латинской Америки на марше — кандидат экономических наук Боливар Вильяреаль (Эквадор);
- США: поколение Вьетнама — главный редактор журнала «Гражданин и право», кандидат исторических наук Николай Серёгин;
- Молодёжь и терроризм — доктор политологии, доцент Софийского университета им. Святого Климента Охридского Георгий Коларов (Болгария);
- Между Москвой и Берлином — профессор Российского геолого-минералогического университета, доктор геолого-минералогических наук Павел Ясковский; сотрудница ОАО «Сименс-Бош» Эльза Ясковская (Германия).

Активное участие в работе конференции приняли студенты-члены студенческого политклуба «Открытая трибуна»: Артём Щемелев, Алла Кутловская, Ксения Голованова, Александр Михайлов и др. во главе с президентом клуба Артёмом Шиленковым.

В выступлениях на конференции давалась оценка — с позиций сегодняшнего дня — ситуации в среде молодёжи, анализировался исторический опыт, поставлен ряд вопросов организационного строительства в молодёжном движении.

*Прессгруппа студенческого
политклуба «Открытая трибуна»*

ЮБИЛЕЙ

Н.С. Серегин

Славный жизненный путь: к 75-летию профессора Е.И. Хаванова

Без преувеличения можно сказать, что в Московском городском педагогическом университете Евгения Ивановича Хаванова знают все. И, как говорится, не мудро. Он неизменный участник заседаний, конференций, форумов, «круглых столов», на которых обсуждаются наиболее актуальные вопросы современной истории и развития высшей и средней школы. Очень редко Евгений Иванович довольствуется ролью простого слушателя, пассивного участника.

Как правило, он выступает с докладом или сообщением, вступает в дискуссии, берет слово для реплик и дополнений, а нередко подводит черту под обсуждениями, суммируя суть дискуссий и обобщая высказанные суждения и предложения. При этом его всегда отличает безупречная корректность, обстоятельность, доброжелательность, готовность выслушать доводы оппонента.

Человек широкой души и большого обаяния, Евгений Иванович Хаванов неизменно располагает к себе собеседников, удивляет обширными познаниями, поражает творческой энергией, а порой и восхищает молодым задором. Между тем его личная жизнь отнюдь не всегда была усыпана розами.

Евгений Иванович Хаванов родился в семье сельских интеллигентов в большом русском селе Воецк Жадовского района Ульяновской области. Ранние годы запомнились Евгению Ивановичу душевным ладом в семье и незабываемым уютом. Дома много читали, делились мнениями о текущих событиях. Дети во всем старались копировать взрослых. Маленький Женя любил «помогать» отцу, когда тот работал за письменным столом. Трехлетний Женя, подражая отцу, писал что-нибудь карандашом на выданном ему листке бумаги, а, утомившись, засыпал, положив голову на краешек стола.

Когда Жене исполнилось 6 лет, а младшему, Вовке, было четыре, братья, наслушавшись приключенческих историй, решили совершить побег. Им удалось преодолеть пеший путь длиной в 20 километров, но по счастью они оказались в деревне, где жила их бабушка. (Другой дороги Женя просто не знал). Таким образом, тайное путешествие завершилось весьма удачно.

В школу Женя пошел охотно. С удовольствием учился читать, считать и писать, хотя многое уже знал, поскольку родители всегда поощряли его любознательность, отвечали на вопросы, разъясняли ему то, что было непонятным. Самой строгой учительницей в школе оказалась его мама. Она упорно ставила сыну четверки, хотя обычно он получал пятерки. При переходе из младшей в среднюю школу мальчик сдал все экзамены на пять.

Жизнь особо не баловала маленького Женю. В 1943 году, когда ему было 8 лет, на фронте погиб отец. Мама, как могла, воспитывала трех детей. Учительской зарплаты постоянно не хватало. В шестом классе на мальчика обрушилось горе. Умерла мама, и он остался сиротой. На помощь пришли родные. Вовку отправили к родителям мамы, Женю взяла семья отца. Старшая сестра Маргарита уже училась на фельдшерских курсах, и ей понемногу помогали все родственники.

Женя волею судьбы оказался в селе Усинском Куйбышевской области. Там его воспитанием занимался дед, считавшийся наиболее грамотным селянином. Самой почитаемой книгой деда был томик «Краткий курс истории ВКПб». И Женя не раз слушал, как дед что-то растолковывал кому-нибудь из односельчан, ссылаясь на этот курс. В школе Женя редактировал стенную газету, участвовал в работе драмкружка. В 13 лет вступил в комсомол и через некоторое время стал секретарем комсомольского бюро.

Окончив семилетку с отличием, поступил в Сызранский нефтяной техникум. После выпуска по распределению попал на Новокуйбышевский нефтеперерабатывающий завод. Работал охотно и уже в этот период стал сотрудничать с местной газетой, втайне мечтая когда-нибудь стать писателем.

Вскоре, как и большинство его сверстников, был призван на военную службу. Сначала оказался матросом Амурской флотилии, а позже был переведен на Тихоокеанский флот. Флотская служба закалила его характер, научила стойкости, выдержке, упорству в достижении цели. В эти годы старшина-торпедист Е.И.Хаванов начинает писать стихи: о море, о друзьях-товарищах, о флотской жизни, о верности и любви. Неожиданно для самого автора стихи начали печатать в Советской гавани, во Владивостоке и даже в Москве.

Возвратившись после четырехлетней службы «на гражданку», Евгений Хаванов поступает на историко-филологический факультет Куйбышевского педагогического института. Напряженная учеба сочетается с занятиями спортом, общественной работой. Студенческие диспуты, вечера, походы с песнями у костра – незабываемые годы молодости. Среди однокурсниц выделил симпатичную Галю с Алтая. Вскоре на курсе отмечали первую свадьбу. Через год родился сын Костя. Студенческой стипендии, даже повышенной, явно

не хватает и будущий педагог подрабатывает грузчиком, разнорабочим. В конце концов, пришлось перейти на заочное обучение, одновременно устроился на работу в районную газету. Чередой печатаются его сообщения и репортажи о кукурузных посевах, надоях молока, перебоях в работе сельхозтехники. Областная молодежная газета «Волжский комсомолец» способствовала его формированию как журналиста, в вузе же он получил специальность историка.

Журналистская деятельность Е.И. Хаванова не осталась незамеченной. Его направляют на учебу в Академию общественных наук (АОН), где он становится аспирантом кафедры истории международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения. Кафедру возглавлял в то время академик Е.М. Жуков. С кафедрой сотрудничал академик А.А. Губер (член диссертационного совета), а также другие известные историки. Атмосфера на кафедре, где трудились такие известные ученые, как Б.М. Лейбзон, Л. Минаев, К.К. Шириня, была в высшей степени творческая. Доктор исторических наук Кирилл Кириллович Шириня стал научным руководителем Е.И.Хаванова.

Трехлетнее пребывание в АОН закончилось защитой кандидатской диссертации, посвященной разработке темы участия молодежи в народном фронте борьбы против фашизма и войны в 1933–1939 гг. Эта тематика на долгие годы стала определяющей в научных исследованиях Евгения Ивановича Хаванова.

В течение двух лет он работает заведующим отдела культуры областной газеты в Куйбышеве, затем переходит на преподавательскую работу. После защиты докторской диссертации в Ленинградской высшей партийной школе был приглашен на работу в сектор истории Коминтерна основополагающего в те годы Института марксизма-ленинизма.

В начале 1991 года Евгений Иванович Хаванов был назначен директором Центра международных исследований АОН. Вскоре Академия была преобразована в Российскую академию государственной службы (РАГС), где Евгений Иванович стал заместителем директора Центра государственной кадровой политики и социального управления. В 1995 году изучал опыт подготовки госслужащих на курсах при Федеральной академии управления МВД ФРГ.

В том же, 1995 году открылся Московский городской педагогический университет, ректором которого стал профессор В.В. Рябов. Именно он пригласил Е.И. Хаванова на работу в вуз. В течение ряда лет Евгений Иванович возглавлял исторический факультет МГПУ. Благодаря его усилиям факультет вскоре стал одним из ведущих в вузе. Ныне Евгений Иванович — заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета.

Он читает лекции, пишет учебные пособия, является членом экспертного совета при Комитете Государственной службы по делам общественных объединений и религиозных организаций, выпустил монографию «Гестапо против Коминтерна», издал книгу «Продолжение легенды» (исторический очерк об одном из соединений Красной Армии), ежегодно публикует серьезные статьи в журна-

лах, сборниках, альманахах, участвует в защитах кандидатских и докторских диссертаций... Порой приходится удивляться: да как же он успевает все это делать?

Евгений Иванович обладает несомненным педагогическим даром. И дело не только в ярких, содержательных лекциях, увлекательных семинарах и интересных собеседованиях. Ему удается точно уловить настрой студенческой аудитории. Очень часто в лекциях и выступлениях он дает ответы на вопросы, которые студенты только собирались ему задать. Не раз приходилось наблюдать, как он беседует со студентами. С отличниками и «хорошистами» мягко, с шутками и улыбкой. С откровенно нерадивыми — суховат, настойчив, требователен и все-таки доброжелателен: «Как же так, не сданы два зачета? Ведь ты же не только себя в патовое положение загнал, ты всю группу подводишь!»

В студенческой среде Евгений Иванович умеет быть не «ментором» или неким «инспектором», который всегда остается для ребят «чужим», но как бы первым среди равных, обладающим авторитетом в силу своих знаний и своего мировосприятия. И вот эта возможность быть «на равных» с профессором подкупает многих студентов, заставляет раскрыться, выложить все начистоту. После собеседований с Евгением Ивановичем у некоторых ребят меняется отношение к учебе, появляются увлеченность и окрыленность.

Пристальное внимание уделяет Евгений Иванович подготовке аспирантов на историческом факультете. Под его руководством защищено несколько диссертаций на соискание степени кандидата исторических наук и одна докторская диссертация. Десятки аспирантов, имеющие других научных руководителей, благодарны Е.И. Хаванову за ценные советы, наставления, дружескую поддержку. Некоторые из них именно благодаря настойчивому вниманию Евгения Ивановича не бросили свои научные изыскания на полпути, а завершили написание диссертации и вышли на защиту. Год из года в аспирантуре исторического факультета появляются новые молодые способные исследователи и в этом немалая заслуга Е.И. Хаванова.

Особого внимания заслуживает поэтическое творчество Евгения Ивановича. Его стихи печатались в газетах «Советский моряк», «На страже Родины», «Боевая вахта», «Советский флот», «Волжский комсомолец», «Молодой учитель», «Мой профсоюз», «Экономист», «Университетская жизнь». Один за другим вышли пять сборников его стихов, в том числе «Три цвета времени», «Дороги», «Наш берег» и др.

Самые характерные черты его поэтического творчества — искренность и душевная теплота, сопряженные с гражданственностью и патриотизмом. В его стихах переданы самые разнообразные человеческие чувства и интонации. В них есть глубокие размышления и мимолетные наблюдения, заразительная веселость и искренняя скорбь, объяснения в любви и лирическая нежность, шуточные подначки и добрые напутствия, юмор и сатира.

Собственно, по стихам Евгения Ивановича можно проследить весь его жизненный путь. Вот он мальчонкой теряет сначала отца, а потом самого дорогого человека на свете — свою маму:

Отца у нас взяла война
И мама нас одна растила.
И если не хватало силы,
То не ее тому вина.

А вот встреча с любимой девушкой, ставшей затем верной женой и постоянной спутницей на всю жизнь:

Что ж так безудержно влекло?
Меня однажды осенило
И истиной своей пронзило:
То было мамино тепло.
Тепло в улыбке и глазах,
В прикосновении ладоней
И в голосе, спокойном тоне,
Простых и искренних словах.
Не рассуждал я: мил не мил,
Мне смысл всего пришел мгновенно.
Я понял и свое колено
Перед девчонкой преклонил.
А вот уже годы суровой морской службы:
Ветер с границы подул.
Слышен далекий гул.
Наш наступил черед
Встать на посты в караул.

И еще:

Шли через метели
Черные шинели.
Черные шинели
Пели, пели, пели...
Помнится впервые
Выходил я в море,
Волны штормовые
Вымотали вскоре.
В миг тот у штурвала
Песня зазвучала,
И при ней, задорной,
Я забыл о шторме.

Годы жизни, профессия историка — все находит отражение в его поэзии:

Историк способен предупредить,
Что ждет за иным поворотом.
Историк помог бы и упредить

Иные большие просчеты.
Историк способен учить, исправлять
Иные заблудшие души.
Жаль, что ему не привыкли внимать
И не привыкли слушать.
Поэт критически воспринимает разгул рыночной стихии:
Век двадцать первый. Деньги. Рынок.
В России сервис — высший класс
Преподнесут, доставят, вынут,
Все, что желаете, — для Вас!
Не тратьте понапрасну нервы
Не бойтесь срама и стыда.
Лишь были б доллары и евро.
Все остальное — ерунда!

Евгений Иванович любит острое словцо и неожиданные каламбуры:

Чем с бригадой во поле,
Лучше с папой в «Опеле».
Праздник встречали радостно, бурно, высокоградусно.
Детям — детство, а дедам — дедство.
Будь всезнайкой, но не будь зазнайкой.
Трехтактный жизни смысл обрел: пришел, увидел, приобрел.

Несмотря на все трудности, неурядицы, жизненные невзгоды, какие-то неполадки или неожиданные неудачи, поэт сохраняет оптимизм, подлинное жизнелюбие и человеческое радушие:

Приветствую все приходящее:
Июльское солнце палящее,
Поля, по ветру звенящие,
Моря, за кормой кипящие.
Приветствую все в мире сущее,
В добре и согласии живущее,
Во имя добра поющее
И радости людям несущее.

В некоторых своих стихах поэт приникает в глубины тончайшей лиричности. Вот строки из стихотворения «Колыбельная матери»:

И опять к нам пришла весна,
Светлоока, красна и ясна,
Ароматов, мелодий полна.
Только здесь — тишина.
Растянулись на полверсты
Сосны, ели, кусты, кусты.

А на ветках клесты, клесты,
А под ними кресты, кресты...
Не суди тех, кто в жизни не смог
От неправды спастись, от тревог,
От всего, что готовил им рок,
И навеки сюда лег.

Тончайший лиризм сменяется размышлениями, в том числе и размышлениями о пройденном пути:

Жизнь — непрерывная лента:
То спуск, то подъем, то сбой,
Противоборство с кем-то,
Чаще всего — с собой.

В размышлениях-обобщениях поэт поднимается до истинных высот гражданственности:

Что выше чести, чем принадлежать
К тому же, что и Пушкин, роду,
Открывшему нам в душах благодать,
К великому российскому народу?
Тебя, страна моя, всегда пойму.
Твой голос и зовет меня и будит.
И я с тобой, причастный ко всему,
Что было здесь когда-то, есть и будет.

Свой замечательный юбилей Евгений Иванович Хаванов встречает в расцвете творческих сил. Доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы, академик РАЕН, почетный профессор МГПУ, член Союза писателей России, член Союза журналистов Москвы, педагог, ученый, администратор, журналист, поэт — трудно поверить, но все это связано с его личностью.

Дорогой Евгений Иванович, живите долго. Друзья и коллеги, соратники, сослуживцы, а также многочисленные ученики желают Вам и Вашей семье крепкого здоровья, удачи, благополучия, бодрости, радости и больших, больших новых творческих успехов!

Основные работы профессора Е.И. Хаванова

КНИГИ И БРОШЮРЫ

1. Мы — интернационалисты. – Куйбышев: Куйб. Книж. изд-во, 1970. – 2 п.л.
2. Коммунистический Интернационал — организатор и руководитель революционной молодежи мира (1929–1939 гг.). – Саратов: СГУ, 1978. – 7,8 п.л.
3. Коминтерн и его революционные традиции. – Куйбышев: Куйбышевский обком КПСС, 1979. – 2 п.л.
4. КИМ: история и современность (к 60-летию образования КИМа). – М.: Знание, 1979. – 3,5 п.л. (В соавторстве с Ю.А. Горячевым).
5. Волей сильны. Штрихи к портретам борцов — деятелей Коммунистического Интернационала Молодёжи. – М.: Молодая гвардия, 1980. – 9,3 п.л.
6. Друзья «Красной гвоздики». Из истории интернационалистских традиций. – Куйбышев: Куйб. книж. изд-во, 1981. – 4 п.л.
7. Наш друг Георгий Димитров. – Куйбышев: Куйб. обком КПСС, 1982. – 1,7 п.л.
8. Коминтерн и молодёжь. Из опыта молодёжной политики Коммунистического Итернационала. – Саратов: изд-во СГУ, 1982. – 9,5 п.л.
9. Интернационализм — знамя молодёжи. – М.: ЦК ВЛКСМ, 1982. – 2,5 п.л. (В соавторстве с Ю.А. Горячевым).
10. Интернациональная солидарность ВЛКСМ с антиимпериалистической борьбой прогрессивных сил в международном молодёжном движении. – М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1984. – 6,5 п.л. (В соавторстве с А.П. Зиновьевым).
11. Общественный интерес, общественные движения и политические партии. – М.: РАУ, 1992. – 3,1 п.л. (В соавторстве с В.В. Рябовым).
12. Нация: единство этнического и социально-политического. – М.: РАУ, 1992. – 1,6 п.л. (В соавторстве с В.В. Рябовым).
13. Рябов В.В., Хаванов Е.И. Политические партии как субъект кадровой политики в обществе. – М.: Луч, 1993. – 3 п.л. (В соавторстве с В.В. Рябовым).
14. Партии держат экзамен (в серии «Выборы-93: мониторинг, технологии, опыт»). – М.: РАУ, 1993. – 0,8 п.л. (В соавторстве с В.В. Рябовым).
15. Германия: кто есть кто в государственной службе. – М.: Луч, 1993. – 1,5 п.л. (В соавторстве с Н.П. Пищулиным).

16. Государственное управление как сфера сотрудничества политических партий. – М.: Луч, 1994. – 3 п.л. (В соавторстве с В.В. Рябовым).
17. Между народом и властью. Российская многопартийность: проблемы становления. – М.: РАГС – МГПУ, 1995. – 12, 5 п.л. (В соавторстве с В.В. Рябовым).
18. История в современном обществе. Учебное пособие. – М.: МГПУ, 1996. – 4,5 п.л. (В соавторстве с В.В. Рябовым).
19. История и общество. – М.: Жизнь и мысль, 1999. – 11 п.л. (В соавторстве с В.В. Рябовым).
20. Общественно-политические движения в Новое и Новейшее время. – М.: Жизнь и мысль, 2001. – 16 п.л. (В соавторстве с В.В. Рябовым).
21. Гестапо против Коминтерна. – М.: МГПУ, 2004. – 6,1 п.л.
22. Продолжение легенды. Военно-исторический очерк боевого пути 14-й Майкопской — 6-й гвардейской Гродненской, ордена Ленина, Краснознамённой, орденов Суворова, Кутузова и Красной Звезды, подшефной Коммунистическому Интернационалу Молодёжи кавалерийской дивизии имени А.Я. Пархоменко. – М.: МГПУ. 2005. – 11,5 п.л.
23. Студенчество на рубеже веков: историческое сознание и гражданское воспитание. – М.: Жизнь и мысль – Московские учебники, 2005. – 11 п.л. (В соавторстве с В.В. Рябовым).
24. Рябов В.В., Хаванов Е.И. Общество и молодёжь: историческое наследие, политика, гражданственность, патриотизм. – М.: МГПУ, 2007. – 11,5 п.л. (В соавторстве с В.В. Рябовым).

Статьи

25. Коминтерн и борьба за единство действий антифашистской молодёжи // Вопросы истории КПСС. – 1969. – № 11. – 1,1 п.л.
26. Солдаты КИМа // Молодой коммунист. – 1969. – № 11. – 0,5 п.л.
27. Роль ВЛКСМ в интернациональном сплочении антифашистской молодёжи мира в 30-е годы // Позывные истории. – Вып. 4. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 1,2 п.л. (В соавторстве с А.П. Зиновьевым).
28. Далёкое и близкое // Верность интернационализму. – Куйбышев: Куйб. книж. изд-во, 1978. – 0,8 п.л.
29. Верность пролетарскому интернационализму // Молодой коммунист. – 1979. – № 11. – 0,7 п.л. (В соавторстве с Ю.А. Горячевым).
30. КИМ и традиции борьбы за юношеские массы // Вестник КМО СССР. – 1979. – № 11. – 1,1 п.л. (В соавторстве с Ю.А. Горячевым).
31. Коминтерн о роли и месте юношеских организаций пролетариата в коммунистическом и рабочем движении // Массовые международные пролетарские организации. – Саратов: СГУ, 1980. – 1,5 п.л.
32. VI конгресс КИМа: курс на антифашистский, антивоенный фронт молодёжи // Коммунистический Интернационал Молодёжи: традиции и современность. – М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1981. – 0,8 п.л.

33. Борьба против фашизма и войны: проблема единства действий // Вестник КМО СССР. – 1982. – № 3. – 1 п.л. (В соавторстве с Ю.А. Горячевым).
34. Имя, зовущее к единству (к 100-летию со дня рождения Г. Димитрова) // Вестник КМО СССР. – 1982. – №5. – 0,6 п.л.
35. Димитровские университеты // Молодой коммунист. – 1982. – № 6. – 0,8 п.л.
36. В дружбе с молодёжью мира (страницы истории) // Вестник КМО СССР. – 1985. – №10. – 0,8 п.л.
37. Единство рождается в борьбе // Молодой коммунист. – 1985. – № 12. – 0,8 п.л. (В соавторстве с Ю.А. Горячевым).
38. История даёт урок (к 50-летию начала национально-революционной войны испанского народа 1936 – 1939 гг.) // Вестник КМО СССР. – 1986. – № 6. – 0,9 п.л. (В соавторстве с Ю.А. Горячевым).
39. Октябрь и молодёжь // Вестник КМО СССР. – 1987. – № 4-5. – 0,8 п.л.
40. Союз единомышленников-интернационалистов // Вестник КМО СССР. – 1988. – № 4. – 0,9 п.л.
41. К 70-летию Коммунистического Интернационала // Вестник КМО СССР. – 1988. – № 11–12. – 0,9 п.л.
42. Коминтерн и КИМ: первые шаги в высшей школе // Вестник КМО СССР. – 1989. – № 1-2. – 1. п.л.
43. Коминтерн и КИМ: некоторые вопросы изучения исторического опыта // 70 лет ВЛКСМ: история, опыт, проблемы. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 1–3 февраля 1989 г. – М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1989. – 0,8 п.л.
44. Через призму десятилетий // Орбита. Международная панорама. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 1 п.л.
45. Глава в книге «Мониторинг социально-политических процессов». – М.: РАУ, 1993. – 0,8 п.л.
46. Современность как вечное свойство научной классики: Макс Вебер // Политические исследования. – 1995. – № 4. – 1 п.л.
47. Политическая ситуация в столице // Социологические исследования. – 1995. – № 5. – 1 п.л. (В соавторстве с Е.В. Охотским и С.Н. Сильвестровым).
48. Харизматические личности в контексте переходных эпох: к методологии проблемы // Харизматические личности в истории России. – СПб.: 1997. – 0,7 п.л.
49. Два источника и две составных части социализма // Социализм и демократия для XXI века. Материалы международной конференции и «круглого стола». – М.: Клуб «Реалисты», 1997. – 0,3 п.л.
50. Уроки реализма // Диалог. – 1998. – № 5. – 0,6 п.л.
51. Карьера неистового авангардиста // Диалог. – 1998. – №10. – 0,6 п.л.
52. «Не считайте за врага, а вразумляйте как брата» // Обозреватель. – 1999. – № 5. – 0,6 п.л.
53. Сердце бьётся до победы // Диалог. – 1999. – № 5. – 0,6 п.л.

54. В горниле эпохи // Диалог. – 2000. – № 1. – 0,6 п.л.
55. О «кажущемся парадоксе» и реальной правде // Питирим Сорокин и развитие наук о человеке, обществе, цивилизации. – М.: МГПУ, 2000. – 0,6 п.л.
56. Молодёжь и демократический процесс // Обозреватель. – 2000. – № 7. – 0,5 п.л.
57. Россия должна иметь идеологию! // Обозреватель. – 2001. – № 4. – 0,5 п.л.
58. Кризис в обществе – кризис в истории // Обозреватель. – 2001. – № 9. – 0,5 п.л.
59. Георгий Димитров: «Враг будет разгромлен» // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2001. – № 1.
60. Партии и классы в российских революциях // Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005. – 1 п.л.
61. Место встречи — Берлин // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». – 2009. – № 1. – 0,8 п.л.
62. Рецензия на книгу: Jahnke K.H. Gegen das Vergessen! Biographische Notizen. Forschungen zum Widerstand gegen NS-Diktatur in Deutschland. – Rostock, 2008 // Государство и право. – 2009. – № 5. – 0,5 п.л.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИЗДАНИЯ

63. Zur Bedeutung der Beziehungen zwischen den kommunisten Jugendverbänden der UdSSR und Deutschlands fuer Erziehung der sowjetischen und der deutschen Jugend zum Internationalismus // In einer Reihe. Zur Geschichte der Freundschaftlichen Beziehungen der deutschen und sowjetischen Jugend seit der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution. – Berlin: Junge Welt, 1968.
64. Zur Zusammenarbeit zwischen dem Leninschen Komsomol und Kommunistischen Jugendverband Deutschlands und die Frage der Internationalisierung in der Jugendarbeit (1918-1932) // Wissenschaftliche Zeitschrift der Wilhelm-Pieck-Universität Rostock, 1977. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. – Heft 1.
65. Internationalistische Traditionen – Waffe im Kampf um Zusammenschluss der Jugend und ihre klassenmaessige Erziehung // Beitrage zur Geschichte der FDJ. – Heft 4. – Rostock: Wilhelm-Pieck-Universität, 1977.
66. Ein Kaempfer gegen Faschismus und Krieg // Junge Generation, Berlin, 1978. – № 5.
67. Partei und Jugend. Aus historischen Erfahrungen der Ausarbeitung und Verwirklichung der Jugendpolitik der KpdSU // Beitrage zur Geschichte der FDJ. Heft 7 – Rostock: Wilhelm-Pick-Universität, 1985. (В соавторстве с Sinowjew A.).
68. Partia I mlodziez (z doswiadczen KPZR). XII SFMiS Moskwa '85 przeszedl do historii opas. W.K. // Pokolenia. Miesiecznik teoretyczno-polityczny mlodziezy. – 1985. – N 11. (В соавторстве с Sinowjew A.).
69. Internationale Traditionen – aktuell. Aus der Erfahrungen oertlicher Komsomolorganisationen // Geschichte der Beziehungen der deutschen Arbeiterjugendbe-

wegung und der FDJ zum Leninschen Komsomol – ihre Bedeutung fuer die Kampf um der Frieden. – Berlin: Junge Welt, 1987.

70. Komintern: gegen Faschismus und Krieg // Die Komintern und Stalin. – Berlin: Ditz Verlag, 1990. (В соавторстве с Muchamedshanow M.).

71. Russia 1993: The evolution of the Multi-party system // Russian Progressive Review. – 1994. – Nr.5. (В соавторстве с Rybov V.).

72. The Sentry of the Gates of history // Russian Progressive Review. – 1996. – № 6.

73. Rosija: nowe polityczne wnetrze – nowe postacie // Athenaeum. Polska w swiecie. – Vol. 2. – 1998. (В соавторстве с Levanow B.).

74. Из опыта на Коминтерна: класово и общочовешко в политиката на комунистите // Коминтернът, ВКП(б), БКП – София: Институт по история на БСП, 1990.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

**Труды преподавателей МГПУ
2008–2010 гг.**

Историография общественных и политических движений в XX столетии: тенденции и проблемы / Департамент образования г. Москвы, ГОУ ВПО Моск. гор. пед. ун-т, Ист. фак., Каф. истории мировых цивилизаций; [ред. кол.: Н.П. Пищулин (рук.), К. Денчев, В.В. Кириллов, Г.А. Ртищева, Ю.Е. Григорьева, Ю.Г. Коргунюк; ред.-сост. Е.И. Хаванов; авт.: В.В. Рябов, К.К. Ширина, С.А. Мозговой и др.]. – М. : МГПУ, 2008. – 191с.

В сборник включены доклады и сообщения, прозвучавшие на «круглом столе» на историческом факультете МГПУ. Создание в России политических партий имеет уже свою историю, а все попытки отразить этот процесс в трудах уже породили свою историографию. «Круглый стол» приурочен к 85-летию доктора исторических наук, профессора Кирилла Кирилловича Ширини. К.К. Ширина — известный ученый, специалист по проблемам антифашистской борьбы, общественных движений XX столетия, истории партийного строительства, его труды издавались более чем на 20 иностранных языках. Сборник адресован студентам и преподавателям истории и всем, кто интересуется развитием политических партий и общественных организаций в новейшей истории.

Рябов, Виктор Васильевич.

Общество и молодежь: историческое наследие, политика, гражданственность, патриотизм / В.В. Рябов, Е.И. Хаванов; [ред. кол.: Н.П. Пищулин, Ю.Г. Коргунюк, Ю.Е. Григорьева]; Департамент образования г. Москвы, ГОУ ВПО Моск. гор. пед. ун-т. – М.: МГПУ, 2008. – 181с. : ил. – Проект Научно-пед. шк. – Прил.: с.88–181.

В сборнике раскрывается опыт становления и работы научно-педагогической школы «Общественно-политические движения в Новое и новейшее время», созданной на базе кафедры истории мировых цивилизаций МГПУ и лаборатории Научно-исследовательского института «партнерские отношения органов власти с общественно-политическими объединениями в системе управления Москвы».

Документы и материалы сборника подготовлены под руководством координаторов научно-педагогической школы — проф. В.В. Рябова, проф. Е.И. Хаванова и сотрудниками лаборатории.

Завершение легенды : совмест. заседание каф. истории мировых цивилизаций ист. фак. МГПУ, Совета ветеранов 3-го Гвард. кавалер. корпуса и студ. политклуба ист. фак. МГПУ «Открытая трибуна», посвящ. 65-летию Победы в сражении под Москвой / Департамент образования г. Москвы, ГОУ ВПО Моск. гор. пед. ун-т, Ист. фак., Каф. истории мировых цивилизаций; [ред. кол.: Н.П. Пищулин (рук.), В.В. Кириллов, Е.И. Хаванов, Ю.Г. Коргунюк, Ю.Е. Григорьева; сост. Е.И. Хаванов]. – М. : МГПУ, 2008. – 131с.

Несколько исторических дат свели воедино людей, представляющих разные поколения. В результате встречи был издан сборник материалов «круглого стола», который включает доклады профессора Е.И. Хаванова, секретаря Совета ветеранов 3 Гвардейского кавалерийского корпуса А.С. Степанова, научного сотрудника НИИСО МГПУ Р.А. Федотова, представителя Фонда памяти Победы Т.А. Еременко. С воспоминаниями и обращением к молодежи выступили ветераны Гвардейского кавалерийского корпуса. Итог дискуссии подвел ветеран Великой Отечественной войны, профессор кафедры истории мировых цивилизаций исторического факультета МГПУ, академик проблем истории, заслуженный деятель науки РСФСР К.К. Шириня.

Учебно-методический комплекс дисциплины «Отечественная история» : для студентов неист. спец. / Департамент образования г. Москвы, ГОУ ВПО Моск. гор. пед. ун-т, Общеуниверситет. каф. истории; [сост.: В.В. Кириллов, Л.М. Лысенко, Н.И. Музафарова, Г.И. Аверьянова, Л.А. Боева, О.А. Огородникова, Т.М. Порхова, Е.И. Щулепникова, М.Н. Чернова, А.В. Махоткин, Ж.Ю. Московцева и др.; под общ. ред. В.В. Рябова, В.В. Кириллова]. – М. : МГПУ, 2008. – 126с.

Предлагаемый учебно-методический комплекс по Отечественной истории подготовлен авторским коллективом преподавателей общеуниверситетской кафедры истории МГПУ.

Авторы показывают основные стороны исторического развития России, стремятся помочь студентам систематизировать полученные на занятиях знания, ориентируя их внимание на ключевых проблемах отечественной истории.

Цель курса — сформировать у студентов основы теоретического и методологического подхода к анализу явлений социальной действительности.

Леванов, Борис Васильевич.

История России XIX–XX вв. : учеб. пособие по дисциплине «Отеч. история» для студентов вузов неист. спец. / Б.В. Леванов, В.А. Корнилов,

В.В. Рябов. – М. : Владос, 2008. – 605с. – (Учебник для вузов). – Библиогр.: с. 598-603. – ISBN 978-5-691-01689-9.

В основу учебного пособия положен проблемно-хронологический принцип и современные подходы в оценках исторического прошлого.

Учебное пособие подготовлено в соответствии с программами отечественной истории для вузов. Авторы учебного пособия не предлагают обществу нового объяснения прошлого, а углубление исторического знания.

Предназначено пособие для студентов, аспирантов и преподавателей вузов и всех, кому интересна Отечественная история.

Рябов, Виктор Васильевич.

К истории создания и развития педагогического университета в Москве / В.В. Рябов. – М.: МГПУ, 2008. – 350с., [8л. цв. ил.] : ил. – Прил.: с.104-349. – ISBN 978-5-243-00000-6.

Автор, ректор МГПУ отобразил сложный процесс создания и становления нового вуза на фоне развития педагогического образования Российской Федерации: «сам процесс возникновения и постепенного развития научно-педагогического коллектива — явление неординарное, имеющее... научное и практическое значение. Ведь с МГПУ связаны жизнь и судьба тысяч людей и, прежде всего, нового поколения учителей столицы нашей Родины. Именно от них будет зависеть развитие Москвы как научного и культурного центра России».

Ноябрьская революция в Германии: взгляд через 90 лет : сб. материалов круглого стола / Департамент образования г. Москвы, ГОУ ВПО Моск. гор. пед. ун-т, Каф. всеобщей истории, Моск. фил. Фонда Р. Люксембург в РФ ; [сост. Е.И. Хаванов ; ред. кол. : Е.И. Хаванов, К.К. Шириня, Н.С. Серегин]. – М. : МГПУ, 2009. – 151 с.

В сборник включены материалы круглого стола, который проводил исторический факультет МГПУ совместно с филиалом Фонда Розы Люксембург. Ноябрьская революция в Германии произошла после российского Октября и заняла заметное место в истории Германии и всего европейского континента. Также рассмотрены и другие вопросы мирового развития.

Боева, Любовь Александровна.

«Особенная каста». ВЧК-ОГМУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа / Л.А. Боева; под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2009. – 208с. – (Серия «АИРО – Первая монография»). – ISBN 978-5-91022-120-2

Данная книга проливает свет на некоторые аспекты истории ВЧК-ОГМУ 1920-х годов. Используя новые материалы ФСБ РФ и другие источники, автор раскрывает механизм постепенного отхода от идеи народовластия к диктаторскому режиму партийно-государственного руководства и участие в этом процессе органов ВЧК-ОГМУ. В монографии показано, что стремление большевистского руководства в большей мере действовать методами принуждения

привело к сохранению и расширению прав ГПУ–ОГМУ. Органы спецслужб, перестав быть чрезвычайными по форме, в силу определенных причин получили чрезвычайные права.

Леванов, Борис Васильевич.

История российского предпринимательства : (финансисты, промышленники, меценаты) : учеб. пособие / Б.В. Леванов, В.В. Кириллов ; Департамент образования г. Москвы, ГОУ ВПО Моск. гор. пед. ун-т. – М. : МГПУ, 2009. – 217 с. : ил. - Библиогр.: с. 210-214. - ISBN 978-5-243-00272-1.

Пособие призвано глубже изучить историю российского предпринимательства, его богатые традиции. В сочетании с другими учебными изданиями по экономической истории пособие способствует формированию представлений о структуре и тенденциях развития российской экономики. Актуальность проблематики связана с переходом страны к рыночной экономике. В пособии опубликованы материалы не только об отдельных ярких личностях, но и целых родах, купеческих династиях, существующих на протяжении столетий.

Смирнова, Юлия Валерьевна.

Экономические и политические проблемы отечественной истории 20-х – 30-х годов XX века в общественной мысли 1985–1991 гг. / Ю.В. Смирнова. – М. : Прометей МПГУ, 2009. – 159 с. – Прил.: с. 132-137. – Библиогр.: с. 138-159. - ISBN 978-5-94845-177-1.

В книге представлен анализ эволюции общественной мысли 1985–1991 гг. по проблемам истории 20–30-х гг. Автор раскрывает процесс взаимосвязи и взаимовлияния социально-экономической и политической обстановки периода перестройки и общественной мысли 1985–1991 гг. На основании широкого круга источников рассматриваются взгляды и воззрения представителей творческой и научной интеллигенции, общественно-политических движений на узловые проблемы отечественной истории 20–30-х гг, по которым и ведутся научные дискуссии.

Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

Древняя Греция и Древний Рим: практические занятия и контрольные задания : учеб. пособие / авт.-сост. Ф.А. Михайловский; Департамент образования г. Москвы, ГОУ ВПО Моск. гор. пед. ун-т, Ист. фак, Каф. всеобщей истории. – М.: МГПУ, 2009. – 221с. – Авт.-сост. указан как авт. – Библиогр.: с.19–30.

Учебное пособие предназначено для аудиторных практических занятий и самостоятельной работы студентов 1 курса исторического факультета. Пособие включает в себя программу курса, практикум, контрольные задания трех видов: по анализу исторических источников, по заполнению контурных карт,

по аннотированию научных и научно-популярных работ или художественно-исторической литературы и по работе со словарем исторических терминов, примерные вопросы экзаменационных билетов.

Кириллов, Виктор Васильевич.

История России : учеб. пособие для студентов вузов, обуч. по неист. спец. / В.В. Кириллов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт : Высш. образование, 2010. – 661с.: табл., схем. – (Основы наук). – Библиогр. в конце глав. – ISBN 978-5-9916-0149-8. – ISBN 978-5-9692-0545-1.

Учебное пособие освещает историю нашей страны с древнейших времен до современности. Его содержание соответствует Государственному образовательному стандарту Министерства образования и науки России по дисциплине «Отечественная история».

Особенность пособия состоит в том, что текст сопровождается большим количеством схем и таблиц, которые дают возможность лучше понять и усвоить обширный фактический материал по истории России.

Павленко, Николай Иванович.

История России с древнейших времен до 1861 года: учебник для вузов / Н.И. Павленко, И.А. Андреев, В.А. Федоров; под ред. Н.И. Павленко. – 5-е изд. – М.: Высшее образование, 2009. – 712 с., карты. – (Основы наук).

В учебнике излагается история России с древнейших времен до 1861 г. Получили освещение основные проблемы социально-экономического и политического развития, вопросы истории культуры и быта в соответствии с представлением о них современной исторической науки. Прослежен исторический путь народов, населявших нашу страну на протяжении первобытнообщинного и феодального строя.

Новейшая отечественная история : учеб.-метод. комплекс дисциплины: ООП 032600 — история: квалификация — учитель истории: 3 курс оч.-заоч. формы обучения (5–6 семестры) / Правительство Москвы, Департамент образования г. Москвы, ГОУ ВПО Моск. гор. пед. ун-т, Ист. фак., Каф. Отеч. истории; [авт.-сост. Ю.В. Смирнова; зав. каф. В.А. Корнилов]. – М. : Прометей МПГУ, 2009. – 126с. – Изд-во указ. на обороте тит. л. – ISBN 5-94845-186-0.

Новейшая отечественная история : учеб.-метод. комплекс дисциплины: ООП 032600 — история: квалификация — учитель истории: 4 курс заоч. формы обучения (7–8 семестры) / Правительство Москвы, Департамент образования г. Москвы, ГОУ ВПО Моск. гор. пед. ун-т, Ист. фак., Каф. Отеч. истории; [авт.-сост. Ю.В. Смирнова; зав. каф. В.А. Корнилов]. – М. : Прометей МПГУ, 2009. – 109с. – Изд-во указ. на обороте тит. л. – ISBN 5-94845-190-9.

Изучение новейшей отечественной дисциплины базируется на основе дисциплин предметной подготовки, истории России, а также общепрофессиональных дисциплин культурологии, философии, политологии и социологии. Логика построения данной дисциплины определена хронологически-проблемным принципом. Пособие состоит из программы дисциплины, методических рекомендаций, плана освоения учебной дисциплины.

«Жизнь и быт российского общества в XVIII веке» : (для студентов неист. спец.): учеб.-метод. пособие дисциплины по выбору ГСЭ / Департамент образования г. Москвы, ГОУ ВПО Моск. гор. пед. ун-т, общеуниверситет. каф. истории; [авт.-сост.: Г.И. Аверьянова, О.Г. Фирсова, А.А. Платонова; зав. каф. В.В. Рябов]. – М. : МГПУ, 2008. – 53с. – Кн. описана по обл. – ISBN 5-276-00700-4.

Чернова, Марина Николаевна.

Работа с документами на уроках истории. 10 кл. : [док. по истории России с древнейших времен до конца XVIII в.] / М.Н. Чернова, В.Я. Румянцев. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 192с. – (Домашний репетитор) (Подготовка к ЕГЭ).

Пособие предназначено для работы с историческими документами на уроках истории в 11 классах общеобразовательных школ, а также для подготовки учащихся к сдаче ЕГЭ по истории России и вступительных экзаменов в гуманитарные вузы.

В пособие включены исторические документы. К каждому документу или группе документов составлены вопросы и задания разного уровня сложности, которые развивают у школьников различные навыки умственной деятельности: анализ, сравнение, способность к рассуждению и оценке исторического источника.

Чернова, Марина Николаевна.

Работа с документами на уроках истории. 11 кл. : [док. по истории России XIX и XX вв.] / М.Н. Чернова, В.Я. Румянцев. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 288с. – (Домашний репетитор) (Подготовка к ЕГЭ). – Библиогр.: с.278-279. – ISBN 978-5-8112-3132-4.

Пособие предназначено для работы с историческими документами на уроках истории в 10 классах общеобразовательных школ, а также для подготовки учащихся к сдаче ЕГЭ по истории России и вступительных экзаменов в гуманитарные вузы.

В пособие включены исторические документы. К каждому документу или группе документов составлены вопросы и задания разного уровня сложности, которые развивают у школьников различные навыки умственной деятельности: анализ, сравнение, способность к рассуждению и оценке исторического источника.

Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : «Исторические науки». № 1 (22) 2008 / [ред. совет: В.В. Рябов (пред., гл. ред.), Р.Г. Резаков, М.Н. Русецкая; ред. кол.: А.А. Данилов, В.В. Кириллов, В.А. Корнилов, С.П. Карпачев, Б.В. Леванов, К.Г. Митрофанов, Ф.А. Михайловский, Г.А. Ртищева, В.И. Уколова, Е.И. Хаванов; авт.: О.Г. Фирсова, Т.В. Ершова, А.В. Ушаков и др.].– М. : МГПУ, 2008. – 143с. – Библиогр. в конце ст.

Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : «Исторические науки». № 2 (30) 2008 / [ред. совет: В.В. Рябов (пред., гл. ред.), Е.Н. Геворкян, М.Н. Русецкая, С.Л. Атанасян; ред. кол.: А.А. Данилов, В.В. Кириллов, В.А. Корнилов, С.П. Карпачев, Б.В. Леванов, К.Г. Митрофанов, Ф.А. Михайловский, Г.А. Ртищева, В.И. Уколова, Е.И. Хаванов]. – № 1 (2001) – М. : МГПУ, 2008. – 145с. – Примеч. в конце ст.

Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : «Исторические науки» : науч. журнал. № 1 (3) 2009 / [ред. совет: В.В. Рябов (пред., гл. ред.), Е.Н. Геворкян, М.Н. Русецкая, С.Л. Атанасян; ред. кол.: А.А. Данилов, В.В. Кириллов, В.А. Корнилов, С.П. Карпачев, Б.В. Леванов, К.Г. Митрофанов, Ф.А. Михайловский, Е.Н. Пашенцев; Г.А. Ртищева, В.И. Уколова, Е.И. Хаванов]. – № 1 (2008) – М. : МГПУ, 2009. – 135с. – Примеч. в конце ст.

СТАТЬИ

Агуреев, Станислав Александрович.

Некоторые проблемы современной африканистики. По материалам XI Международной конференции Института Африки РАН «Развитие Африки: Возможности и препятствия» (22–24 мая 2008 г.) / С.А. Агуреев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Исторические науки». – 2008. – № 2 (30) 2008. – С. 135–143.

Агуреев С.А.

Восприятие эфиопии в российском общественном сознании на рубеже XIX–XX веков / С. А. Агуреев // Рос. история. – 2009. – № 2. – С. 36–42.

Агуреев С.А.

В.М. Муханов. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский / С.А. Агуреев // Рос. История. – 2009. – № 1.– С. 190–191.

Агуреев С.А.

Англо-бурская война 1899–1902 годов (урок в VIII или IX классе) / С.А. Агуреев // Преподавание истории в шк. – 2008. – № 6. – С. 60–63.

Агуреев С.А.

В средневековой европейской школе (урок-путешествие) / С. А. Агуреев // Преподавание истории и обществознания в шк. – 2009. – № 6. – С. 63–66.

Андреев И.Л.

Учебное книгоиздание: в канун грядущих перемен / И.Л. Андреев // Универ. кн. – 2009. – № 4. – С. 26–27.

Боева, Любовь Александровна.

Спецслужбы Советской России на страже политической лояльности рабочего класса в начале 1920-х годов / Л.А. Боева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : «Исторические науки». – 2008. – № 2 (30). – С. 12–19.

Боева, Любовь Александровна.

Участие ВЧК–ОГПУ в «оздоровлении» рядов РКП(б) в начале 1920-х годов / Л.А. Боева // Вестник Московского городского педагогического университета / [ред. совет: В.В. Рябов (пред., гл. ред.), Р.Г. Резаков, М.Н. Русецкая; ред. кол.: А.А. Данилов, В.В. Кириллов, В.А. Корнилов, С.П. Карпачев, Б.В. Леванов, К.Г. Митрофанов, Ф.А. Михайловский, Г.А. Ртищева, В.И. Уколова, Е.И. Хаванов; авт.: О.Г. Фирсова, Т.В. Ершова, А.В. Ушаков и др.]. – 2008. – № 1 (22). – С. 58–66. – Серия «Исторические науки».

Бурлинова, Алла Юрьевна.

Записная книжка Ричарда Джемса 1618–1619 годов / А.Ю. Бурлинова // Вестник Московского городского педагогического университета / [ред. совет: В.В. Рябов (пред., гл. ред.), Р.Г. Резаков, М.Н. Русецкая; ред. кол.: А.А. Данилов, В.В. Кириллов, В.А. Корнилов, С.П. Карпачев, Б.В. Леванов, К.Г. Митрофанов, Ф.А. Михайловский, Г.А. Ртищева, В.И. Уколова, Е.И. Хаванов; авт.: О.Г. Фирсова, Т.В. Ершова, А.В. Ушаков и др.]. – 2008. – № 1 (22). – С. 73–81. – Серия «Исторические науки».

Денчев К.Д.

«Ультраправая волна» в Европе: 90-е годы XX – начало XXI / К.Д. Денчев // Новая и новейшая история. – 2008. – № 5. – С. 35.

Емельянов-Лукьянчиков, Максим Александрович.

Всероссийская научная конференция «1917 год: революции в России» / М.А. Емельянов-Лукьянчиков // Вестник Московского городского педагогического университета / [ред. совет: В.В. Рябов (пред., гл. ред.), Р.Г. Резаков, М.Н. Русецкая; ред. кол.: А.А. Данилов, В.В. Кириллов, В.А. Корнилов, С.П. Карпачев, Б.В. Леванов, К.Г. Митрофанов, Ф.А. Михайловский,

Г.А. Ртищева, В.И. Уколова, Е.И. Хаванов; авт.: О.Г. Фирсова, Т.В. Ершова, А.В. Ушаков и др.]. – 2008. – № 1 (22). – С. 129–135. – Серия «Исторические науки».

Ершова, Тамара Витальевна.

Экономическая деятельность Рябушинских в годы Первой мировой войны (1914–1917) / Т.В. Ершова // Вестник Московского городского педагогического университета / [ред. совет: В.В. Рябов (пред., гл. ред.), Р.Г. Резаков, М.Н. Русецкая; ред. кол.: А.А. Данилов, В.В. Кириллов, В.А. Корнилов, С.П. Карпачев, Б.В. Леванов, К.Г. Митрофанов, Ф.А. Михайловский, Г.А. Ртищева, В.И. Уколова, Е.И. Хаванов; авт.: О.Г. Фирсова, Т.В. Ершова, А.В. Ушаков и др.]. – 2008. – № 1 (22) 2008.– С. 35–44. – Серия «Исторические науки».

Карпачев, Сергей Павлович.

Зарождение и развитие масонства в современной России / С.П. Карпачев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : «Исторические науки». – 2008. – № 2 (30). – С. 45–53

Кириллов, Виктор Васильевич.

Распад СССР: историографическая парадигма / В.В. Кириллов // Вестник Московского городского педагогического университета / [ред. совет: В.В. Рябов (пред., гл. ред.), Р.Г. Резаков, М.Н. Русецкая; ред. кол.: А.А. Данилов, В.В. Кириллов, В.А. Корнилов, С.П. Карпачев, Б.В. Леванов, К.Г. Митрофанов, Ф.А. Михайловский, Г.А. Ртищева, В.И. Уколова, Е.И. Хаванов; авт.: О.Г. Фирсова, Т.В. Ершова, А.В. Ушаков и др.]. – 2008. – № 1 (22).– С. 67–72. – Серия «Исторические науки».

Кириллов, Виктор Васильевич.

Россия на рубеже XX–XXI веков: социальная революция или внесистемная трансформация? / В.В. Кириллов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : «Исторические науки». – 2008. – № 2 (30). – С. 106–111.

Корнилов, Валентин Алексеевич.

Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века / В.А. Корнилов // Вестник Московского городского педагогического университета / [ред. совет: В.В. Рябов (пред., гл. ред.), Р.Г. Резаков, М.Н. Русецкая; ред. кол.: А.А. Данилов, В.В. Кириллов, В.А. Корнилов, С.П. Карпачев, Б.В. Леванов, К.Г. Митрофанов, Ф.А. Михайловский, Г.А. Ртищева, В.И. Уколова, Е.И. Хаванов; авт.: О.Г. Фирсова, Т.В. Ершова, А.В. Ушаков и др.]. – 2008. – № 1 (22). – С. 8–24. – Серия «Исторические науки».

Корнилов, Валентин Алексеевич.

Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века / В.А. Корнилов // Вестник Московского городского педагогического университета / [ред. совет: В.В. Рябов (пред., гл. ред.), Р.Г. Резаков, М.Н. Русецкая; ред. кол.: А.А. Данилов, В.В. Кириллов, В.А. Корнилов, С.П. Карпачев, Б.В. Леванов, К.Г. Митрофанов, Ф.А. Михайловский, Г.А. Ртищева, В.И. Уколова, Е.И. Хаванов; авт.: О.Г. Фирсова, Т.В. Ершова, А.В. Ушаков и др.]. – 2008. – № 1 (22). – С. 8–24. – Серия «Исторические науки».

Крыкин, Сергей Михайлович.

Держава Одрисов: базис ранней «варварской» государственности / С.М. Крыкин // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : «Исторические науки». – 2008. – № 2 (30). – С. 74–88.

Леванов, Борис Васильевич.

Из истории терроризма в России (вторая половина XIX – начало XX века) / Б.В. Леванов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : «Исторические науки». – 2008. – № 2 (30). – С. 5–11.

Лобанов, Николай Александрович.

Образ России в европейской культуре / Н.А. Лобанов // Вестник Московского городского педагогического университета / [ред. совет: В.В. Рябов (пред., гл. ред.), Р.Г. Резаков, М.Н. Русецкая; ред. кол.: А.А. Данилов, В.В. Кириллов, В.А. Корнилов, С.П. Карпачев, Б.В. Леванов, К.Г. Митрофанов, Ф.А. Михайловский, Г.А. Ртищева, В.И. Уколова, Е.И. Хаванов; авт.: О.Г. Фирсова, Т.В. Ершова, А.В. Ушаков и др.]. – 2008. – № 1 (22). – С. 82–93. – Серия «Исторические науки».

Масонский ритуал Йорк. 1 степень. Ученическая / сост. авторизир. перевода: М.А. Баженова, С.П. Карпачев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : «Исторические науки». – 2008. – № 2 (30). – С. 120–134.

Митрофанов К. Г.

Индивидуальный учебный план — это реально // Учит. газ. – 2008. – 12 февраля (Спец. Выпуск).

Михайловский, Федор Александрович.

Цезарь Октавиан: начало пути / Ф.А. Михайловский // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : «Исторические науки». – 2008. – № 2 (30). – С. 65–73.

Порхова, Татьяна Михайловна.

Предпосылки становления системы управления образованием в Российской империи в XVIII веке / Т.М. Порхова // Вестник Московского городского педагогического университета / [ред. совет: В.В. Рябов (пред., гл. ред.), Р.Г. Резаков, М.Н. Русецкая; ред. кол.: А.А. Данилов, В.В. Кириллов, В.А. Корнилов, С.П. Карпачев, Б.В. Леванов, К.Г. Митрофанов, Ф.А. Михайловский, Г.А. Ртищева, В.И. Уколова, Е.И. Хаванов; авт.: О.Г. Фирсова, Т.В. Ершова, А.В. Ушаков и др.]. – 2008. – № 1 (22). – С. 103–114. – Серия «Исторические науки».

Русеева, Нелли Николаевна.

Российско-индийские отношения и их перспективы / Н.Н. Русеева // Вестник Московского городского педагогического университета / [ред. совет: В.В. Рябов (пред., гл. ред.), Р.Г. Резаков, М.Н. Русецкая; ред. кол.: А.А. Данилов, В.В. Кириллов, В.А. Корнилов, С.П. Карпачев, Б.В. Леванов, К.Г. Митрофанов, Ф.А. Михайловский, Г.А. Ртищева, В.И. Уколова, Е.И. Хаванов; авт.: О.Г. Фирсова, Т.В. Ершова, А.В. Ушаков др.]. – 2008. – № 1 (22) 2008. – С. 123-128. – Серия «Исторические науки».

Ушаков, Анатолий Васильевич.

Революция и интеллигенция / А.В. Ушаков // Вестник Московского городского педагогического университета / [ред. совет: В.В. Рябов (пред., гл. ред.), Р.Г. Резаков, М.Н. Русецкая; ред. кол.: А.А. Данилов, В.В. Кириллов, В.А. Корнилов, С.П. Карпачев, Б.В. Леванов, К.Г. Митрофанов, Ф.А. Михайловский, Г.А. Ртищева, В.И. Уколова, Е.И. Хаванов; авт.: О.Г. Фирсова, Т.В. Ершова, А.В. Ушаков и др.]. – 2008. – № 1 (22) 2008. – С. 45-57. – Серия «Исторические науки».

Щулепникова, Екатерина Ильинична.

Из опыта преподавания исторического краеведения в 1920-е годы / Е.И. Щулепникова // Вестник Московского городского педагогического университета / [ред. совет: В.В. Рябов (пред., гл. ред.), Р.Г. Резаков, М.Н. Русецкая; ред. кол.: А.А. Данилов, В.В. Кириллов, В.А. Корнилов, С.П. Карпачев, Б.В. Леванов, К.Г. Митрофанов, Ф.А. Михайловский, Г.А. Ртищева, В.И. Уколова, Е.И. Хаванов; авт.: О.Г. Фирсова, Т.В. Ершова, А.В. Ушаков др.]. – 2008. – № 1 (22). – С. 115–122. – Серия «Исторические науки».

Фирсова, Ольга Геннадьевна.

Соотношение традиций и новаций в хозяйственной деятельности крупных вотчинников XVIII – первой половины XIX века / О.Г. Фирсова // Вестник Московского городского педагогического университета / [ред. совет: В.В. Рябов (пред., гл. ред.), Р.Г. Резаков, М.Н. Русецкая; ред. кол.: А.А. Данилов, В.В. Кириллов, В.А. Корнилов, С.П. Карпачев, Б.В. Леванов, К.Г. Митрофанов, Ф.А. Михайловский, Г.А. Ртищева, В.И. Уколова, Е.И. Хаванов; авт.:

О.Г. Фирсова, Т.В. Ершова, А.В. Ушаков и др.]. – 2008. – № 1 (22). – С. 25–34. – Серия «Исторические науки».

Шаповал В.В.

Железоклюй и железные носы / В.В. Шаповал // Русская речь . – 2010. – № 1. – С. 107–112.

Шепетов К.П.

Гете, Пушкин и масонство / К.П. Шепетов // Историч. газ. – 2008. – № 11. – С. 6.

Шепетов К.П.

Гете, Пушкин и масонство / К.И. Шепетов // Историч. газ. – 2008. – № 12. – С. 6.

Шириня К.К.

[Рецензия] Шириня К.К. // Новая и новейшая история. – 2009. – № 5. – С. 246–247. – Рец. на ст.: А. Лашица. Либкнехты, Карл и Софья. // Политика и семья. – Берлин, [б.и.]. – 2007. – 511с.

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ / REVOLUTIONARY MOVEMENTS

Г.Г. Касаров

Стачки рабочих Ревеля (июль 1914 – февраль 1917 гг.)

В статье впервые в отечественной историографии проанализирована революционная стачечная борьба рабочих Ревеля, одного из крупнейших промышленных центров царской России. Источниковую базу составляют архивные документы, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: стачки ревельских рабочих.

Kasarov Georgy G.

Strikes of Workers of Revel (July 1914 – February 1917)

For the first time in the native historiography the article analyzes revolutionary strike struggle of workers of Revel, one of the largest industrial centres of tsarist Russia. The source base consists of archive documents which are used for the first time in scientific literature.

Key-words: strikes of workers of Revel.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ / HISTORY OF ANCIENT RUS

В.Н. Чхаидзе

Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI веков

В статье анализируются письменные источники, эпиграфические и археологические свидетельства по истории древнерусской Тмутаракани, располагавшейся на северном побережье Черного моря. Автор считает, что в течение столетия Тмутаракань была русским владением, но не княжеством, а скорее, эфемерным государственным образованием.

Ключевые слова: Древнерусская Тмутаракань; письменные источники; эпиграфические и археологические свидетельства.

Chkhaidze, Victor N.

**Tmutarakan — Possession of the Old Russian State
in 80th of X century – 90th of XI century**

The article analyses the written sources, epigraphical and archeological evidences on the history of Old Russian Tmutarakan — situated on the Northern Coast of the Black Sea. The author argues that during a century Tmutarakan was a Russian possession, — not a principedom, but rather an ephemeral state formation.

Key-words: Old Russian Tmutarakan; the written sources; epigraphical and archeological evidences.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ / ECONOMIC HISTORY

С.Л. Перечицкая

К вопросу о формировании купечества Дубовского посада

Статья основана на архивных материалах. В ней раскрывается роль отдельных категорий государственных крестьян (экономических, казенных малороссиян) в проводимой правительством политике колонизации южных окраин империи, в формировании буржуазных сословий и складывании единого всероссийского рынка.

Также затрагиваются вопросы особенностей формирования и устойчивости отдельных купеческих родов.

Ключевые слова: городские сословия; купечество; экономические крестьяне.

Perechitskaya, Svetlana L.

On the Problem of Formation of the Dubovsky Mercantile-class.

The article is based on archive materials. It reveals the role of particular groups of state peasantry (economic, state) in the colonization policy of southern regions of the empire pursued by the government as well as in bourgeois class formation and common all-Russian market development. It also discusses the peculiarities of formation and stability of particular merchants' generations.

Key-words: city's social classes; suburb; economic peasantry.

**ИСТОРИЯ РОССИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА /
HISTORY OF RUSSIA OF THE SOVIET PERIOD**

М.А. Бравина

**Праздничная культура в контексте
государственных преобразований Советской власти**

В статье раскрывается направленность государственной политики Советской власти на формирование нового образа жизни, воспитание советского человека.

Автор подчеркивает специфику праздничной культуры в Средневолжской провинции. Основываясь на архивных материалах и данных документов, автор показывает основные проблемы, с которыми сталкивались местные органы Советской власти.

Ключевые слова: праздничная культура; календарь; монументальная пропаганда; борьба с религией.

Bravina, Marina A.

Festive Culture and Government Reorganization of Soviet Power

The article touches upon soviet power attempts to form new lifestyle and the system of upbringing of a soviet men. The author underlines peculiarity of the Middle Volga province festive culture. Based on archival materials, author reveals general problems of local Soviets.

Key-words: festive culture; calender; monumental propaganda; struggle against religion.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ / ANCIENT HISTORY

И.Б. Куликова

К вопросу о местонахождении и значении Поля жертвоприношений в «Текстах пирамид»

В статье исследуются упоминания о Поле жертвоприношений в «Текстах пирамид». Анализируя разные варианты местонахождения этого района и его значения для царя, автор отмечает определенную эволюцию представлений об этом районе в пирамидах Древнего царства. Высказывается предположение, что Поле жертвоприношений было тесно связано с представлениями о ночном или предутреннем небе, а также имело важное значение, связанное с ежедневным рождением или же прохождением солнца.

Ключевые слова: Древнеегипетская религия, Древнее царство, «Тексты пирамид», Поле жертвоприношений.

Kulikova, Irina B.

About Location and Significance of the Field of Offerings According to the Pyramid Texts

In the article the mentions of the Field of Offerings in the Pyramids Texts are studied. Having analyzed different versions concerning its location and importance for the dead king the author notes certain development of its conception in the pyramids of the Old Kingdom. The opinion is expressed that there is the close connection between the Field of Offerings and the night sky (or at least the pre-dawn sky) and also that it has a very important meaning for the conception of the daily birth of the sun.

Key-words: Ancient Egyptian religion, Old Kingdom, Pyramid Texts, Field of Offerings.

Б.В. Коптелов

**Оппозиция императорской власти
в восточных провинциях Римской империи (364–378 гг.)**

Изучается период смуты, связанный с предсказанием оракула о смене власти императора Валента. В организованном заговоре участвовали чиновники, некоторые придворные и представители знати. Заговор был жестоко подавлен, языческой оппозиции нанесен удар. Часть христианского духовенства также обнаруживала недовольство императором.

Ключевые слова: заговор; магия; Римская империя; язычники; христиане.

Koptelov, Boris V.

**Opposition to the Emperor's Power
in the Eastern Provinces of the Roman Empire (364–378)**

The period of political disturbances is studied connected with the prediction of the oracle on change of power of the emperor Valens. Functionaries, some courtiers and representatives of the nobility participated in the plot. The conspiracy was suppressed cruelly, a blow was delivered to the pagan opposition. A part of the Christian clergy also was discontented with the emperor.

Key-words: conspiracy; magic; Roman Empire; pagans; christians.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ / HISTORY OF CULTURE

Н.В. Веденева

**Изменение отношения к индивидуальности
в процессе исторического развития общества**

В статье показано изменение отношения к нетрудоспособным членам общества в зависимости от культурно-исторического опыта народов, религиозной традиции, своеобразия уклада их повседневной жизни, социально-экономического устройства.

Ключевые слова: инвалидность; реабилитация; социокультурное восприятие нетрудоспособных.

Vedeneeva, Natalya V.

**Change of attitude to individuality
in process of historical development of society**

The article highlights the change of attitude to invalid members of society depending on cultural and historical experience of the peoples, religious traditions, Peculiarity of tenor of daily life, social and economic structure.

Key-words: disablement; rehabilitation; social and cultural perception of invalids.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC EVENTS

Д.Ю. Базаркина, О.С. Полунина

**Исторический факультет МГПУ
на международных научных встречах в России и зарубежом**

Данная статья посвящена международной деятельности специалистов исторического факультета МГПУ, в рамках которой прошли выступления на ряде международных научных конференций в России и за рубежом. По итогам участия специалистов МГПУ в международных конференциях и встреч с исследователями ведущих университетов стран Запада и Латинской Америки был издан сборник статей по проблемам коммуникационного менеджмента. Презентация сборника прошла в исследовательских центрах Финляндии и Швеции.

Ключевые слова: коммуникационный менеджмент; исторический факультет МГПУ; CEEISA.

Bazarkina, Darja Yu., Polunina, Olga S.

**MCPU Historical Faculty
at the International Scientific Meetings in Russia and Abroad**

This report is devoted to the international activities of MCPU historical faculty in which frameworks there were submitted the papers on the international scientific conferences in Russia and abroad. The book of articles on communication management problems has been published following the results of participation of MCPU experts in the international conferences and meetings with researchers of leading universities of the West and Latin America. The presentation of this book has passed in the research centers of Finland and Sweden.

Key-words: communication management; MCPU Historical faculty; CEEISA.

ЮБИЛЕЙ / JUBILEE

Н.С. Серегин

Славный жизненный путь: к 75-летию профессора Е.И. Хаванова

Статья посвящена жизни и творчеству профессора Е.И. Хаванова, заведующего кафедрой всеобщей истории МГПУ. Автор рассказывает о научных исследованиях и поэтических произведениях, созданных Е.И. Хавановым.

Ключевые слова: Хаванов Евгений Иванович.

Seryogin, Nikolai S.

Glorious Life Path: the 75th Birthday of Ye.I. Khavanov

The article is devoted to the life and creative activities of professor Ye.I. Khavanov, who holds the chair of Universal history of MGPU. The author speaks about scientific papers and poetical works, written by Ye.I. Khavanov.

Key-words: Khavanov Yevgeny Ivanovich.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2010, № 1 (5)**

Базаркина Дарья Юрьевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры журналистики МГГУ им. М.А. Шолохова (bazarkina-icspsc@yandex.ru)

Бравина Марина Алексеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического и социально-политического образования УИПКПРО (г. Ульяновск) (bravina@mail.ru).

Веденева Наталья Вячеславовна — кандидат исторических наук, ведущий консультант Аналитического управления Совета Федерации Федерального собрания РФ (NVVedeneva@council.gov.ru).

Касаров Георгий Георгиевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (Kasarov@mgpu.ru).

Коптелов Борис Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории МГГУ им. М.А. Шолохова (bvk888@mail.ru).

Куликова Ирина Борисовна — соискатель кафедры всеобщей истории МГПУ (kulikova_ira@yahoo.com).

Перечицкая Светлана Леонидовна — соискатель кафедры отечественной истории МГПУ (perechitskaya@mail.ru).

Полунина Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций МГПУ (your_teacher@inbox.ru).

Серегин Николай Сергеевич — кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Гражданин и право» (andie203@gmail.com).

Чхаидзе Виктор Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник группы средневековой археологии евразийских степей Института археологии РАН (stroch60@front.ru).

**Authors / МСРВ Vestnik,
Series «Historical studies», 2010, № 1 (5)**

Bazarkina, Darja Yur'evna — Candidat of History, assistant professor of Sholokhov MGGU (bazarkina-icspsc@yandex.ru)

Bravina Marina Alekseevna — Candidat of History, assistant professor of UIPKPRO (bravina@mail.ru)

Vedeneeva Natalya Vycheslavovna — Candidate of History, assistant professor of the Analytical administration of Soviet of federation of Federal Assembly of RF (NVVedeneeva@council.gov.ru)

Kasarov Georgi Georgievich — Doctor of History, professor of MGPU (Kasarov@MGPU.ru)

Koptelov Boris Vyacheslavovich — Candidat of History, assistant professor of Sholokhov MGGU (bvk888@mail.ru)

Kulikova Irina Borisovna — expert of the faculty (MGPU) (kulikova_ira@yahoo.com)

Perechitskaya Svetlana Leonidovna – expert of the faculty (MGPU) (perechitskaya@mail.ru)

Polunina Olga Sergeevna — Candidat of History, assistant professor of MGPU (your_teacher@inbox.ru)

Seryogin Nikolai Sergeevich — Candidat of History, editor-in-chief of journal «Citizen and Law» (andie203@gmail.com)

Chkhaidze Victor Nikolaevich — Candidate of History, assistant professor of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (stroch60@front.ru)

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета ГОУ ВПО МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Статья объемом не менее 0,5 а.л. и не более 1 а.л. (40 тыс. знаков) должна быть напечатана на бумаге формата А4.; поля страницы: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм; выравнивание по ширине; абзацный отступ — 15 мм; в тексте, таблицах, формулах и иллюстрациях следует применять шрифты: Times New Roman, Arial, Courier New, кегль — 14, межстрочный интервал 15 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набирают: латинскими буквами в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом.

2. К статье должна быть приложена ее электронная версия на следующих носителях: CD-R; CD-RW; DVD-R; DVD-RW; USB flash в форматах Microsoft Word, RTF. Весь текст рукописи должен быть сохранен в одном файле.

3. Перед названием статьи (не более 7 слов) указываются инициалы и фамилия автора (авторов). После названия статьи должна следовать краткая аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении. Ключевые слова и словосочетания (не более 5) разделяются точкой с запятой.

4. В конце каждой статьи следует список литературы на русском и на английском языках. Литература дается в алфавитном порядке. Ссылки на нее оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [10: с. 81], где первая цифра означает порядковый номер из списка литературы, приведенного в конце статьи, а вторая — номер страницы источника; кроме этого может указываться том, параграф, книга. Например: [5: Т. II, с. 60], [5: § 5, с. 60], [5: кн. 5, с. 60].

5. **Рисунки, графики, схемы** должны выполняться в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

Выделения в тексте делаются светлым курсивом, жирным курсивом и жирным шрифтом. Подчеркивания исключаются!

6. **Библиографические ссылки на электронные ресурсы** нужно делать внутритекстовые в круглых скобках. Например: (Русское православие: [сайт]. URL: <http://www.orhto-rus.ru/>), (URL: <http://www.bashedu.ru/encicle.htm>).

7. **Библиографические ссылки на архивные документы** следует делать внутритекстовые ((НБА РКП.Ф.1.0п.19 Ед.хр.8); (БГАДА. ф. 210 (Разрядный приказ. Разрядные вязки. Вязка 1.4.1) № 10. Л. 1-64)).

Иностранные издания в списке литературы идут после русских изданий и следуют тем же правилам оформления.

8. **Примечания.** Если примечания даются в конце страницы, то нумерация ограничивается пределами страницы. Если идет сквозная нумерация через весь текст, то примечания помещаются в конце статьи. В этом случае вначале идет раздел «Примечания», а затем раздел «Литература».

9. В конце статьи (после списка литературы) указываются фамилия автора, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

10. К статье прилагается информация об авторе (авторах) (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы) на русском и английском языках, контактный телефон и электронный адрес.

11. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 1 (5), 2010

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор *В.В. Рябов*

Составитель:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*
Редактор:
Р.Д. Смирнова
Компьютерная верстка, макет:
О.Г. Арефьева

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Подписано в печать: 06.05.2010 г. Формат 70×108 1/16.
Бумага офсетная.

Объем: 8 усл. печ. л. Тираж: 1 000 экз.